

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 10 МАРТ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2695)

3 МАРТА 1979

В 1977 году машинисту электровоза С. Е. Яцкову было присвоено звание Героя Социалистического Труда, его избрали депутатом Моссовета, а сейчас Яцков выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. На снимке: С. Е. Яцков с товарищем по работе А. А. Воробьевым.

БАУМ

Эти студенты Московского института инженеров землеустройства 4 марта впервые в жизни примут участие в выборах в Верховный Совет СССР.

Бауманский избирательный округ... До нынешнего года в него входило два района столицы — Бауманский и Сокольнический, а теперь к ним присоединился и Калининский. Уже много лет трудящиеся Бауманского округа избирают своим депутатом в высший орган государственной власти товарища Л. И. Брежнева. В этом году товарищ Л. И. Брежнев вновь единодушно назван кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Рассказывая об этих районах, известных славными трудовыми и революционными традициями, мы решили дать слово людям, которые живут и работают на территории Бауманского избирательного округа. Всем им мы задали один вопрос: «КАКИЕ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ПРОИЗОШЛИ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ, А ТАКЖЕ В ЖИЗНИ ВАШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЗА ГОДЫ, ПРОШЕДШИЕ ОТ ВЫБОРОВ ДО ВЫБОРОВ!»

Итак, говорят, бауманцы...

Тридцать один год работает на «Большевичке» В. С. Гриднева.

4 МАРТА — ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

А Н Ц Ы

С. А. КУПРЕЕВ, первый секретарь Бауманского РК КПСС.

— Прежде всего несколько слов о нашем районе, носящем имя Николая Баумана, соратника В. И. Ленина, героя первой русской революции. Его имя носит крупнейший в стране институт — Московское высшее техническое училище, фабрика, а также улица (бывшая Немецкая), на которой он был предательски убит.

Прошло более полувека с тех пор, как состоялась первая конференция коммунистов Бауманского района, а в прошлом году прошла сороковая. Эстафета революционной, боевой, трудовой славы, пронесенная сквозь годы гражданской войны, первых пятилеток, Отечественной войны, подхвачена новым поколением, воспитанным партией. Сегодня эта эстафета в умелых и уверенных руках рабочих, инженеров, ученых, конструкторов, строителей эпохи развитого социализма. Об этом говорят Красные знамена предприятий, знамена, на которых сияют ордена Родины. Об этом говорит переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, которым награжден Бауманский район по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение плана на 1978 год. Безусловно, это одно из наиболее памятных событий в жизни района за время от выборов до выборов.

В нашем районе пятьдесят промышленных предприятий, и среди них ни одного, которое бы не выполнило план. Более того, весь прирост продукции, а он достаточно велик, достигается только за счет роста производительности труда. А это, как вы понимаете, невозможно без технического перевооружения, использования внутренних резервов, внедрения новой техники и технологии. За эти годы реконструировано каждое третье предприятие! Результаты, как говорится, налицо. Всей стране известна марка таких заводов, как «Старт», АТЭ имени 60-летия Октября, Московского пищевого комбината, завода счетно-аналитических машин имени В. Д. Калмыкова, объединения «Женская мода» и многих других.

А достижения инженеров, конструкторов и ученых! В районе свыше семидесяти исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Среди них такие, как институт авиационных материалов, ЦНИИчермет имени И. П. Бардина, такие известные научно-исследовательские институты, как «Энергосетьпроект», «Теплоэлектропроект» и другие. Можно смело сказать, что без участия наших ученых не выплавляется ни одна тонна стали, не стро-

См. стр. 6—7.

При вручении награды.

Фото С. Гурария

ВРУЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАГРАДЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 27 февраля в Кремле орден Ленина члену Политбюро, второму секретарю ЦК Компартии Кубы, первому заместителю Председателя Госсовета и Совета Министров, министру Революционных вооруженных сил Республики Куба генералу армии Раулю Кастро Рус. Он удостоен высшей советской награды за большие заслуги в деле развития и укрепления дружественных отношений между Вооруженными Силами СССР и Революционными вооруженными силами Республики Куба.

При вручении награды присутствовали:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и другие официальные лица;

с кубинской стороны — член ЦК Компартии Кубы, член Государственного совета, председатель Федерации кубинских женщин Вильма Эспин де Кастро, посол Республики Куба в СССР Северо Агирре дель Кристо, другие члены кубинской военной делегации, сопровождающие Рауля Кастро.

Товарищ Л. И. Брежнев выступил при вручении награды.

С ответным словом выступил товарищ Р. Кастро.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Р. КАСТРО

27 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял члена Политбюро, второго секретаря ЦК Компартии Кубы, первого заместителя Председателя Госсовета и Совета Министров, министра Революционных вооруженных сил Республики Куба Р. Кастро, находящегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

В ходе беседы состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития и укрепления братского сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Куба. Были затронуты также актуальные международные проблемы.

Беседа прошла в обстановке сердечности, дружбы и единодушия.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, а также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

КРЕПНЕТ СОЛИДАРНОСТЬ

21 февраля в Москве состоялась встреча представителей советской общественности с делегацией Единого фронта национального спасения Кампучии во главе с Генеральным секретарем ЦК ЕФНСК Рох Самаем. Он выразил глубокую благодарность советскому народу за солидарность с правым делом кампучийского народа на всех этапах его борьбы за свободу и независимость. Сейчас, в дни мирного строительства, подчеркнул Рох Самай, мы ощущаем всемерную поддержку стран социализма и прежде всего СССР — государства, являющегося оплотом мира и прогресса на земле.

Участники встречи решительно осудили китайскую агрессию против социалистического Вьетнама. Они единодушно поддержали Заявление Советского правительства и потребовали немедленного полного и безоговорочного вывода всех китайских войск с вьетнамской территории.

На встрече присутствовали посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Кхиеу и первый секретарь посольства ЛНДР Ф. Буфа.

Выступает Генеральный секретарь ЦК ЕФНСК Рох Самай.

Фото А. Гостева

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

В СЕДЬ

Теперь приходится уже напрягать память, чтобы восстановить всю богатую биографию орбитальной станции «Салют-6». Две долговременные экспедиции: Ю. Романенко — Г. Гречко, В. Коваленок — А. Иванченков; четыре экспедиции посещения, в том числе три интернациональных: В. Джанибеков — О. Макаров, А. Губарев — В. Ремек, П. Климук — М. Гермашевский, В. Быковский — З. Йен. Столь массового нашествия на орбитальные станции еще не было. Сейчас «Салют-6» принимает гостей в седьмой раз. Правда, эксперименты на станции ведутся и без людей при помощи автоматики, но все же львиная доля результатов приходится на пилотируемый режим.

Напоминать о том, что одна из экспедиций этой станции вписала в историю космонавтики число 140, очевидно, не нужно. Спущенные по волнам эфира и доставленные Коваленком и Иванченковым результаты будут еще долго обсчитываться и обобщаться в лабораториях. Но один из главных выводов уже сделан: 140 дней полноценной работы — и никаких нежелательных последствий для организма человека! Эту победу делят с экипажем прежде всего медики. Программа подготовки, программа жизнедеятельности на борту, система контроля, прогнозирования состояния человека — вот то, что обеспечило столь длительный полет. Сказались плоды многолетней исследовательской работы.

На станции впервые работали два стыковочных узла. Когда на своем транспорте сюда прибывал экипаж посещения, над Землей образовывалась система корабль — станция — корабль с четырьмя космонавтами на борту. Это новшество обозначило очередной этап становления техники орбитальных станций.

Сейчас в репортажах и докладах с орбиты зазвучал новый голос — голос Владимира Афанасьевича Ляхова, военного летчика первого класса, летчика-испытателя. Такая сумма званий — серьезная профессиональная характеристика.

Долго шел он к этому своему первому космическому полету. Родился в самом начале войны в Донбассе. И мать и отец работали на шахте. Отца Владимир не помнит — погиб в сорок третьем. Добрым и справедливым человеком оказался отчим. И справедливость эту как чувство, как норму отношения к людям старался привить парню. В космическом отряде с его трудным, напряженным ритмом деятельности, с его не-

Экипаж космического корабля «Союз-32» — командир корабля подполковник Владимир Афанасьевич Ляхов и бортинженер летчик-космонавт СССР Валерий Викторович Рюмин.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

...МОЙ РАЗ НА СТАНЦИЮ «САЛЮТ-6»

простым контингентом стать своим, родным человеком далеко не просто. Владимир Ляхов не прилагал к тому специальных усилий, он просто оставался самим собой. И отряд принял его.

Как-то неловко говорить о том, что, мол, космический командир в детстве был отчаянным сорвиголовой. Но правда прежде всего! Близкие ему люди вспоминают, что был он лих и задирист, прыгал с большущих круч и высоких деревьев в воду, не узнав, что там, под водой, и вообще был первым заводилой на улице. Отметки же хорошие получал только за счет памяти и способностей. Услышал на уроке — запомнил, и вся премудрость.

Что так не прожить, понял он много позже. Причем даже не тогда, когда поступил в летное училище, а уже с приближением его окончания. Самостоятельные полеты, преддверие совсем иной жизни, иных задач заставили его иначе взглянуть на себя самого. Он освоил 14 типов самолетов — это, конечно, немало. Уже в отряде космонавтов, «без отрыва от производства», окончил Военную академию. А для себя времени оставалось все меньше, для своих личных привычек, вкусов: раньше, например, играл на саксофоне и кларнете, теперь все больше перебирает клавиши пультов управления аппаратурой на тренажере.

Около полутора тысяч часов в летной книжке Владимира Ляхова. В годы подготовки к полету в космос счет этот растет, разумеется, медленнее, чем раньше. Притом качественное накопление идет уже по иному руслу. И все же я хочу говорить об опыте именно испытателя, которым Владимир Ляхов был и остался. Приемы высшего пилотажа он не пытался перенести в космос, хотя интуиция, расчет, а нередко и быстрота мышления здесь еще более необходимы. Я имею в виду, как Ляхов чувствует машину,— когда человек уже не только оператор, а живая часть ее. Трудно передать, сколь долго и мучительно к этому приходят. Право на такие отношения с машиной у нее, если хотите, завоевывают...

В новом полете испытателей двое. Их взгляды на некоторые пункты проблемы, именуемой «психологической совместимостью», весьма прямолинейны. Бортинженер Валерий Рюмин очертил этот вопрос с обескураживающей простотой: «Я считаю, что два нормальных человека в любых условиях могут заниматься делом, не вредя ему».

Рюмину повезло в главном: в конструкторском бюро он работал не только в талантливом, но еще и в одержимом коллективе. Долговременными орбитальными станциями стал заниматься еще задолго до рождения первенца этой серии. И в этом было тоже везение: орбитальная станция стала главной темой его жизни.

Позже, уже готовясь к полету в космос, он запишет около 150 рекомендаций по аппаратному и методическому улучшению работы на борту. Из них только пять или шесть не будут приняты.

Переход Валерия Рюмина из КБ С. П. Королева в отряд космонавтов был логичен и понятен всем. Даже тем, от кого он теперь уходил. Причем уходил оставаясь. Еще долго после начала подготовки к полету он продолжал работать в испытательном подразделении КБ — предстояло завершить важный этап испытаний. Пришлось раздваиваться.

Как-то Валерий упрямо доказывал, что электронная схема одного из важнейших астрономических приборов орбитальной станции может выйти из строя от неправильного обращения. Присутствовавший автор схемы столь же упорно не соглашался. Тогда Рюмин сел за пульт тренажера, воспроизвел полетную ситуацию. И продемонстрировал ненадежность схемы — прибор вышел из строя. Пришлось автору вносить в схему существенные изменения.

Методисты и инструкторы Центра подготовки космонавтов любят говорить о его отличной координированности и памяти. Друг Валерия, например, рассказывал мне, как учил его водить автомобиль. Успехи ученика были столь разительно быстры, что уже через несколько дней — через три или четыре урока — Валерий отправился в ГАИ и сдал экзамены. Если б такое было возможно на космических перекрестках!

Перед своим первым полетом в космос Валерий Рюмин сказал:

— В общем, полет все равно приводит нас обратно в конструкторское бюро. Полет — это ведь просто один из этапов работы. Все сводится к тому, чтобы потом можно было весь накопленный опыт и полученные результаты использовать для совершенствования техники, которой мы занимаемся.

Тот полет не сложился. Валерий Рюмин вернулся в КБ и продолжал работу и подготовку, чтобы вернуться в космос. И он вернулся.

АГРЕССИЯ ПЕКИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ США

Сергей ЛОСЕВ

Сейчас, когда орды китайских агрессоров несут смерть и страдания вьетнамскому народу, официальный Вашингтон умывает руки, изображая дело так, как будто Соединенные Штаты тут абсолютно ни при чем.

Белый дом призывает «проявлять сдержанность» все стороны, вместо того, чтобы обратить этот призыв в один адрес — к пекинским руководителям, одержимым идеями гегемонизма и экспансии.

Поза американских правящих кругов не вызывает, однако, доверия даже у органов буржуазной печати в самих Соединенных Штатах. «Нападение китайцев на Вьетнам,— подчеркивает газета «Нью-Йорк пост»,— является первым плодом американской политики разыгрывания «китайской карты», причем, судя по всему, колоду тасовал Пекин ...».

Напомним, что сосредоточение пяти китайских армейских корпусов вблизи вьетнамской границы началось в дни визита в США заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина, когда с возгласами «ганьбэй» («пей до дна») китайские визитеры и их гостеприимные хозяева осушали бокалы «за рассвет новой эры» в американо-китайских отношениях. Факт осведомленности правительства США насчет этих массированных приготовлений к вооруженной агрессии не вызывает сомнений. По свидетельству помощника госсекретаря Р. Холбрука, Соединенные Штаты «знали, что эти события надвигаются. В частности, сам Дэн Сяопин предупредил, что Китай, возможно, предпримет действия против Вьетнама».

Как в действительности реагировал на это Белый дом и каково было содержание «незапланированной» конфиденциальной беседы Дэн Сяопина и Бжезинского — эти важные вопросы задают сейчас многие западноевропейские союзники США по НАТО.

Нет никаких данных, которые подтверждали бы распространяемую теперь задним числом версию, будто тогда американская сторона советовала Китаю «не применять силу». Наоборот, как отмечает «Вашингтон пост», «администрация США заранее дала понять, что китайская акция не испортит американо-китайские отношения».

«Соединенные Штаты,— указывает «Нью-Йорк таймс»,— в значительной степени причастны к усилиям Китая, и утверждения русских, что Белый дом — по крайней мере молчаливо — поощрил китайцев совершить это вторжение во время недавнего визита Дэн Сяопина, нельзя сбрасывать со счета как пропаганду».

Во всяком случае, тот факт, что наглое вторжение китайских войск на вьетнамскую территорию началось сразу же по возвращении Дэн Сяопина из заокеанской поездки, говорит о многом.

История американо-китайской «взаимности» уходит к 1965 году, когда Мао Цзэдун фактически развязал Соединенным Штатам руки для нападения на Вьетнам, заверив Вашингтон, что «китайцы будут воевать, только если Соединенные Штаты нападут на Китай» и что вьетнамцам придется «самим справиться с возникшей ситуацией».

Теперь «зеленую улицу» для китайской агрессии открыла, по-видимому, американская администрация.

Правящие круги США — именно на них лежит историческая ответственность за тяжкие преступления против вьетнамского народа — не прочь «рассчитаться» с Вьетнамом за позорное поражение, нанесенное американскому империализму.

Что касается Пекина, то он, как отмечал вьетнамский премьер Фам Ван Донг, «считал рождение мирного независимого объединенного и социалистического Вьетнама препятствием на пути к осуществлению своих экспансионистских планов в Юго-Восточной Азии».

На этой опасной для дела мира основе и родился так называемый поиск «параллельных антивьетнамских интересов» Пекина и Вашингтона.

Методичные приготовления Китая к нынешнему нападению на СРВ длились почти два года, и на каждом этапе этой преступной подготовки прослеживается своеобразная координация действий между Вашингтоном и Пекином. Достаточно сказать, что после прошлогодней майской поездки в Пекин помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского Китай в одностороннем порядке прекратил поставки оборудования и всякую помощь Вьетнаму, резко усилил антивьетнамскую кампанию и пограничные провокации против социалистического Вьетнама. А правительство США, со своей стороны, практически прервало все контакты, направленные на нормализацию отношений с Вьетнамом.

Советский Союз неоднократно и на самом высоком уровне предостерегал, что разыгрывание «китайской карты» — это игра с огнем, разжигающая аппетиты Пекина к захвату чужих земель.

Эти своевременные предостережения, очевидно, не были приняты во внимание теми, кто определяет внешнюю политику Соединенных Штатов.

Как иначе объяснить то обстоятельство, что делегация США в Совете Безопасности ООН пытается отвлечь внимание от китайской агрессии, привлекая не относящуюся к делу так называемую «кампучийскую проблему»? Как объяснить нынешний визит и переговоры в Пекине американского министра финансов М. Блюменталя? Сенатор Ч. Метайес резонно заметил, что вояж главного финансиста Соединенных Штатов в страну, которая развертывает открытую агрессию против своего суверенного соседа, будет истолкован мировым общественным мнением как новое свидетельство американо-китайского сближения на антисоветской основе.

Попустительство попыткам китайского руководства ввергнуть мир в войну может иметь самые опасные последствия.

Героический вьетнамский народ не одинок. У него есть надежные друзья. СССР, как подчеркивается в Заявлении Советского правительства, выполнит обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Пекинское руководство, пока не поздно, должно прекратить агрессию против социалистического Вьетнама и незамедлительно вывести китайские войска с территории СРВ.

репортаж с горячей точки планеты

А. ЛЕВИН

Дорога начинает петлять, поднимаясь все выше и выше по горным уступам северной вьетнамской провинции Лангшон. Мы обгоняем несколько грузовиков с солдатами, и на одном из поворотов до нас докатывается пока еще глухое эхо артиллерийских залпов. Навстречу тянутся вереницы людей с узлами, ручные повозки, телеги со скарбом, запряженные буйволами. Это уходит подальше от опасных мест эвакуированное гражданское население. А туда, где слышна канонада, строем двигаются бойцы в защитной форме. На особо важных участках дороги — у мостов, перевалов — стоят, прикрытые зеленью маскировки, зенитки, орудия дальнобойной артиллерии. По обочинам дороги змеятся провода полевой телефонной связи.

В небольшой лощинке наша машина останавливается у 130-миллиметровой пушки. Я вижу, как ствол орудия поворачивается на несколько градусов влево. «По агрессорам — огонь!» — звонким голосом командует молоденький сержант и взмахивает флажком. Залп на несколько секунд оглушает меня. Когда я подхожу ближе, сержант уже сидит на ящике со снарядами и держит в руках телефонную трубку.

— Не слышу! — кричит он в трубку.— Говори громче! Что? Есть? Понял, понял!— Он кладет трубку и поворачивается к бойцам, стоящим у пушки. Глаза его горят.— В самую точку! — радостно сообщает он.— Заряжай. Сейчас мы подбавим огня!

Минут через десять, воспользовавшись небольшой передышкой, я спросил сержанта, по какой цели ведет огонь его расчет.

— Контрольно-пропускной пункт на границе,— ответил он.— Китайцы захватили его в первый день вторжения, и сейчас у них там располагается штаб, руководящий боевыми действиями на этом направлении. Вернее, располагался. Наши последние залпы были точными.

Здесь, в районе Лангшона, проходит одно из главных направлений китайской интервенции. Семнадцатого февраля на рассвете китайская военщина вероломно вторглась на территорию Социалистической Республики Вьетнам на всем протяжении границы. В провинции Лангшон, рассказывал нам командующий войсками этого района старший полковник Ле Шон, китайцы захватили контрольно-пропускной пункт, приграничный городок Донгданг, несколько важных высот. Они намеревались взять с ходу и провинциальный центр Лангшон. Но это им не удалось. Региональные войска при поддержке народных ополченцев, подразделений народной милиции, пограничников смогли остановить агрессоров, а затем

Бойцы вьетнамских вооруженных сил на позиции в провинции Лангшон.

ЛАНГШОН ДАЕТ ОТПОР

и контратаковать их. Вьетнамские вооруженные силы выбили захватчиков из южной части Донгданга, штурмом взяли холм Зеленого дерева, имеющий важное значение для организации обороны в этом районе. А затем, развивая успех, нанесли китайским войскам ряд ощутимых ударов под Донгдангом, Тамлунгом и Локбинем. План китайской военщины, заключавшийся в том, чтобы захватить провинцию Лангшон, провалился.

Возвращаясь из района боевых действий в Ханой, мы задержались в небольшом городке Донгмо, расположенном в сорока километрах от вьетнамо-китайской границы. Здесь получили временный приют жители, эвакуированные из Лангшона и других приграничных населенных пунктов. Здесь же, в госпитале, лежали раненые бойцы, доставленные с передовой.

В одной из палат госпиталя метался в бреду молодой парень, а рядом сидел боец чуть постарше и прикладывал ему влажное полотенце к вискам.

— Это мой младший брат,— объяснил мне боец.— Семнадцатого мы находились в пункте Тима, в одном километре от границы. Китайцы провели сильную артподготовку, а затем двинули на нас танки. Нас было всего несколько человек. В том бою брата ранило в живот и в спину, и мы его сразу же отправили сюда. Меня зацепило легко, в руку, и я просил оставить меня на передовой. Но командир все-таки отправил в госпиталь. Думаю, дня через три вернусь к своим. Не могу я здесь долго валяться. Ведь там, под Донгдангом,— моя родная деревня. И я должен отомстить за мать и отца, которых убили китайцы, за всех своих односельчан, за деревню, сожженную ими. Я добирался сюда с семьей своего знакомого, которую эвакуировали из района боевых действий. Они рассказывали, что китайцы зверствуют на оккупированной территории. Они сжигают дома, подбрасывают кверху детей и подставляют под них штыки, насилуют, а затем убивают женщин, расстреливают всех подряд. В Донгданге они разнесли снарядами магазин, в котором находилось в то утро несколько десятков человек, прямой наводкой ударили по санитарной машине. Следом за пехотой идут специальные команды, которые угоняют оставшихся в живых жителей в Китай, угоняют скот, на грузовиках увозят имущество наших граждан. Особенно изощряются хуацяо, которые раньше ушли в Китай. Сейчас из них создают специальные подразделения. Эти подразделения занимаются мародерством, грабежом, разыскивают и убивают своих бывших соседей, знакомых.

...Я слышал много рассказов о бесчинствах, о жестокости китайских солдат — от эвакуированных жителей, ополченцев, бойцов вьетнамской народной армии. Боль и гнев звучали в их словах. И еще в них звучала твердая решимость отстоять свою родную землю, уверенность в победе над захватчиками. Эта уверенность чувствуется везде и во всем. День спустя в Ханое я присутствовал на пресс-конференции заместителя министра иностранных дел Нгуен Ко Тхатя. Он говорил о том, что китайская военщина направляет новые контингенты войск и оружие к вьетнамской границе, готовясь к новому наступлению. Кто-то из журналистов спросил, не вызывает ли это страх среди населения.

— Как вы могли сами убедиться,— ответил заместитель министра иностранных дел,— обстановка в столице спокойная. Никакой паники нет и в других городах страны. Наш народ проявляет выдержку и хладнокровие перед лицом агрессии. Мы уверены в правоте нашего дела. На нашей стороне — социалистические страны, все прогрессивное человечество. И поэтому мы твердо верим, что захватчики будут изгнаны с вьетнамской территории. Победа будет за нами!

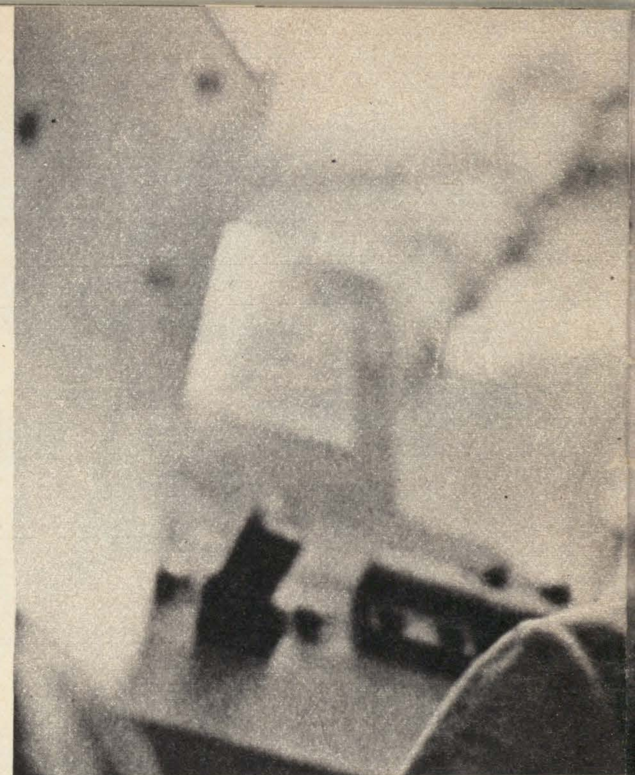
(Спец. корр. «Комсомольской правды» для «Огонька».)

Лангшон — Ханой — Москва.

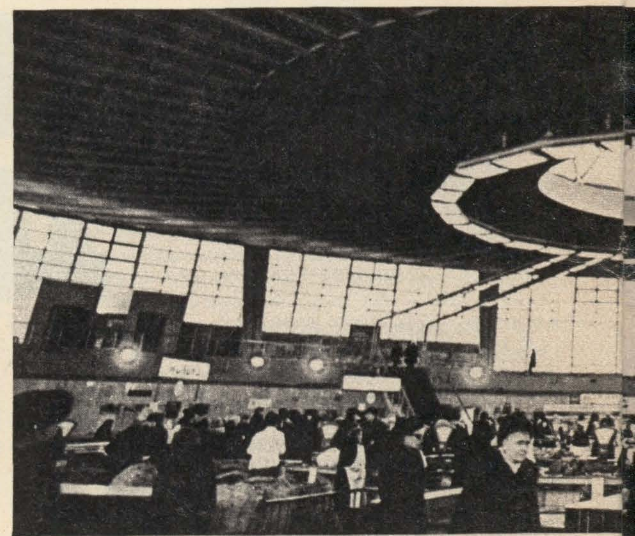
Мирная вьетнамская деревня, разрушенная китайскими агрессорами.

Фото ВИА — ТАСС

Игоря Скриника с «Буревестника» знают обувщики всей страны. В позапрошлом году за ударный труд он был награжден орденом Ленина.

Высоковольтный зал Всесоюзного ордена Ленина электротехнического института имени В. И. Ленина.

Новый рынок в Бауманском районе.

БАУМАНЦЫ

Начало см. на 2-й стр. обложки

ится ни один самолет, не прокладывается ни одна высоковольтная линия.

Сейчас в районе идет колоссальное строительство: сносятся старые дома, и на их месте поднимаются шестнадцатиэтажные красавцы, выводятся за городскую черту предприятия, загрязняющие атмосферу, на Рубцовской набережной Яузы создается новый промышленный комплекс. Все это делается во исполнение постановления горкома партии и исполкома Моссовета «О реконструкции и благоустройстве Бауманского района». План рассчитан на много лет, и работы — непочатый край.

Если говорить о наиболее важных событиях в личной жизни, то самое главное, безусловно, то, что в 1976 году коммунисты-бауманцы оказали мне высокое доверие, избрав первым секретарем райкома партии.

Я. Д. БРАГИН, заместитель главного инженера завода счетно-аналитических машин имени В. Д. Калмыкова.

— Пять лет в жизни любого предприятия — большой срок, тем более нашего, выпускающего быстродействующие счетно-аналитические машины. У нас чуть ли не каждый день что-нибудь да меняется — технический прогресс находит мгновенное отражение. За эти годы мы разработали и освоили один очень важный технологический процесс — производство «библиотеки» для счетно-аналитических машин. Что это такое, можно объяснить и образно. Нашу машину можно сравнить с человеком. В самом деле, мозг у человека — так сказать, для памяти, записная книжка — своеобразный справочник, а библиотека, если так можно выразиться, накопитель сведений. Так вот в машине мозг — это ферритовые кольца, записная книжка — запоминающее устройство на магнитной ленте, а библиотека — накопители на сменных магнитных дисках. Раз на сменных, то их можно менять, вставляя нужный «том», и машина мгновенно найдет и прочтет необходимые сведения.

Гордимся мы и другой продукцией — товарами народного потребления. Они тоже весьма и весьма непросты в изготовлении. Скажем, электроорган «Лель», приборы для радиоуправления авиамоделями или специальная педаль для электрогитар «Эффект», с помощью которой можно добиваться самых невероятных оттенков звучания.

В конце прошлого года на нашем предприятии произошло очень важное событие — на общезаводском собрании кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР был назван товарищ Л. И. Брежнев. Мы это сделали первыми в избирательном округе!

М. М. ЛЕОНТЬЕВ, директор Московского ордена Ленина пищевого комбината.

— Продукция комбината хорошо известна не только москвичам: детское питание, всевозможные концентраты, кофе, кексы, торты, кремы и многое, многое другое. За эти годы мы освоили тридцать видов совершенно новой продукции, причем двадцать четыре уже имеют Знак качества. Среди них растворимые кофейные напитки «Летний» и «Мария», детские смеси «Здоровье» и «Крепыш», кукурузные изделия «Лакомка», «Забава», различные супы и каши. Наш труд высоко оценен Родиной: пятеро рабочих комбината получили ордена Трудового Красного Знамени и еще пятеро — ордена «Знак Почета».

В. С. ГРИДНЕВА, швея-мотористка швейного объединения «Большевичка».

— В нашем Сокольническом районе наиболее развиты легкая и пищевая промышленность. «Большевичка» и «Буревестник» одевают и обувают мужчин, а кондитерская фабрика имени Бабаева делает такие прекрасные конфеты, что мужчины с удовольствием их покупают, чтобы дарить женщинам.

Если говорить о «Большевичке», главным достижением за эти годы мы считаем то, что на фабрике полностью исчез ручной труд. Вы не поверите, но иной раз, когда надо самой себе пришить пуговицу или заштопать дырку на халате, не найдешь обыкновенной иголки. Все, абсолютно все операции у нас выполняют машины. И какие машины! Они просто не могут плохо шить. Не случайно качество костюмов, которые мы шьем, за последние годы резко повысилось, и в магазинах они не залеживаются.

У меня самой за эти годы тоже произошло немало знаменательных событий. В позапрошлом году я стала лауреатом Государственной

С продукцией Московского ордена Ленина пищевого комбината знакомит инженер-технолог И. И. Лукина.

премии, была избрана депутатом Сокольнического райсовета. А 27 декабря 1978-го было, пожалуй, самым памятным днем в моей жизни: на фабричном митинге мне было поручено от имени тружеников «Большевички» выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева.

И. Л. ПАРИСТЫЙ, начальник Московской ордена Ленина железной дороги.

— Сокольнический район — своеобразная железнодорожная держава. Судите сами: в районе три вокзала, пять депо, НИИ, КБ и, наконец, Управление Московской железной дороги. Наше предприятие, видимо, самое крупное в стране — у нас работает более трехсот тысяч человек. Мы же осуществляем сорок процентов всех пригородных перевозок в стране. В сутки перевозим два с половиной миллиона пассажиров, а говоря о грузовых перевозках, я могу назвать такую цифру: Московская железная дорога принимает и отправляет более пятисот миллионов тонн грузов в год.

И все же в часы «пик» москвичам приходится туго. Мы это знаем и проблему решаем оперативно: теперь вместо десятивагонных электропоездов будут ходить двенадцативагонные. И хотя это требует огромных затрат — надо удлинить все тупики и платформы,— мы на это идем. Освоили мы и еще одно очень важное дело: теперь многие грузовые поезда весят не 3500, а 6 тысяч тонн. Это высвободило много локомотивов, сэкономило топливо и электроэнергию.

Наша работа была высоко оценена партией и правительством: по итогам Всесоюзного социалистического соревнования за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение плана 1978 года коллектив Московской железной дороги награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР.

И. В. ГРИБКОВ, секретарь парткома московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени металлургического завода «Серп и молот».

— Калининский район впервые включен в состав Бауманского избирательного округа. Для нас это большая честь. Уверен, что металлурги «Серпа и молота», как, впрочем, и других предприятий, единодушно отдадут свои голоса за товарища Л. И. Брежнева.

Если говорить о том, чем для нас знаменательны годы от выборов до выборов, то нужно прежде всего сказать, что именно в это время мы провели последнюю мартеновскую плавку: мартеновский цех ликвидирован, и мы перешли на электросталеплавление. Это заметно сказалось на чистоте окружающей среды.

В эти же годы построены очистные сооружения, кислородная, водородная и азотная станции и, чем мы особенно гордимся, в сталепроволочном цехе сдано отделение «серебрянки». «Серебрянка» — это сталь с такой высокой чистотой отделки поверхности, что изделия из нее практически не нуждаются в шлифовке. Для часовой промышленности, приборостроения, производства подшипников и даже шариковых ручек это хлеб, без которого просто не обойтись.

Строили мы в эти годы много, и не только производственные корпуса. Сдан спальный корпус в санатории-профилактории, заселено шестнадцатиэтажное общежитие на тысячу мест, сотни людей получили новые квартиры.

И вот что еще важно: на «Серпе и молоте» традиционно рождаются почины, которые распространяются на всю столицу, а то и на всю страну. Родился такой почин и в эти годы: закончить личную пятилетку к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Поддержало его уже более восьмисот человек, и, что особенно важно, почин нашел отклик и на других предприятиях.

* * *

Итак, мы побывали в трех районах, входящих в Бауманский избирательный округ. То, что мы увидели и услышали, красноречиво говорит о том, как плодотворно работают бауманцы, как содержательно они живут, как борются за превращение Москвы в образцовый коммунистический город.

Беседу вел Б. БОРИСОВ,
фото Г. КОПОСОВА

Баба ДЖИГИДА
(Сьерра-Леоне)

ПОД ЗВЕНЯЩИМ ОТ ЗНОЯ НЕБОМ

ТЫ, СЕЮЩИЙ СВИНЕЦ

Продолжай, если ты можешь.
Продолжай убивать, грабить.
Животное, в жилах твоих
Кровь холоднее собачьего носа.
Продолжай, если ты можешь.
Ты, алчущий алой крови,
Ты, сеющий серый свинец,
Ты, жалкой своей жизнью
Несущий селеньям смерть,
Продолжай, если ты можешь.
В руках у тебя пистолет,
Заряженный семенем смерти,
Заряженный семенем скорби.
Продолжай, если ты можешь.
...Ты сам ползешь в западню.

БЕЗГРАМОТНОСТЬ

Безграмотность, в твоих когтях — полмира.
Забиты уши, и глаза закрыты.
Хромая речь, шершавые слова.
Хоть реактивным временем пробито
Пространство,
Но все-таки грядущее туманно.
Забиты уши и глаза закрыты...

Они бредут, гонимые нуждою,
Судьбу свою на тощих спинах тащат.
Они бредут, бредовые виденья,
Творенья общества,
Обманутые им.
Они бредут по миру,
Где сильнейший
Сжирает жертву жалкую свою.

Не подавись же костью!

БОНДО[1]

В самой чаще дремучих джунглей
Средь зеленых зарослей скрыта
Школа Бондо.
Здесь живут они, молодые.
Непорочны, чисты их души,
Словно белые крылья чайки.
Здесь, в убежище тихом, они
Тайный плод познанья вкушают.

И под пристальным взглядом сове[1],
Под седыми взорами старших,
Ритуалы верша священные,
Постигают мудрость они.

Их тела, как земля, черны.
Как земля, непорочны их души.

А когда обученье закончено,
Начинается праздник.

Блещет бисер на ярких повязках
Вкруг эбеновых черных тел.
На их пальмовом тонком стане
Груди круглым кокосам подобны.
О палящая пляска бедер!

О брильянты и золото взоров,
Из-под масок летящих в толпу!
А за ними с большим барабаном
Вся деревня идет, танцуя.
Над толпою огромным тамтамом
Африканское солнце рокочет.
Дробной дрожью охвачены ноги.
В желтом воздухе плещут руки.
О невинность нагого тела,
Чуть прикрытого ярким ашоби![2]
Вот идут они, гордо ступая
Под звенящим от зноя небом.

СТАРИКИ ОБУЧАЮТ ДЕТЕЙ

Пан тай-тай, пан тай-тай.
Учат старики детей,
Как носить на голове
Воду в глиняном горшке.
Это древнее искусство —
Акробатика сплошная.
Осторожно! Осторожно!
Представленье началось.
Пан тай-тай, пан тай-тай.
Равновесья не теряй!

Ноги ходят ходуном,
И хватают воздух руки.
И на небе танцу в такт
Солнце машет головой.
Гулкий глиняный горшок.
Хрупкий глиняный горшок.
Неустойчивый горшок.
Пан тай-тай, пан тай-тай.
Ай!
Разбился горшок...

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Королевы владенья прекрасны.
В тишине, притаившейся чутко,—
Хрупкий голос пичужки.
Песня в воздухе мягком плещет.
И на ветках, от сна голубых,
Деревенское утро трепещет,
Как тогда, в моем детстве далеком.
Просыпаются рано дети.
На рассвете,
Облитые солнечным соком,
Погружаются в заросли дикие
На поиск плоти деревьев —
Плотных плодов манго,
Когда еще спит деревня.
Рыщут ручонки маленькие,
Рты впиваются в мякоть,
Мясистую мякоть манго.
О манго — древесная тайна,
Исчезающая в ночи!
— Нашел! — голосок звенит.
— И я! — отвечает другой.
Карманы набиты манго,
И руки полны манго.
Пора возвращаться домой.

[1] Бондо — общество просвещенных девушек.

[1] Сове — глава общества.
[2] Ашоби — род одежды.

Перевела Нина ГАБРИЭЛЯН.

«Комсомолец — на трактор!»

В феврале 1929 года в Москве состоялось Всероссийское совещание комсомольцев. Оно проходило под лозунгом: «Технику — на село, комсомолец — на трактор!»

Камышинскую окружную организацию представляла комсомолка Ася Смурыгина. Ее избрали в президиум, а в последний день работы совещания она председательствовала.

Перед собравшимися выступил М. И. Калинин. Он призвал комсомольцев учиться водить трактора, чтобы помочь зерновым товариществам, колхозам и коммунам в подъеме урожайности.

Ася выступила с ответным словом, заверила Всесоюзного старосту и товарищей-комсомольцев, что обязательно станет трактористкой.

Вскоре она успешно окончила камышинскую профтехшколу, где учились только ребята. (Ее удостоверение на право вождения «Фордзона» хранится в Саратовском областном краеведческом музее). За хорошую учебу Асе преподнесли красную косынку, спецовку, сапоги.

19 марта 1929 года из Камышина в Козловку тронулась целая колонна из 27 «Фордзонов» и «Интеров». Первый трактор вела Ася Смурыгина. На нем развевался красный флаг.

Ася Смурыгина в молодые годы.

Весть о девушке-трактористке разнеслась далеко по селам. Женщина-трактористка! В то время это было всем на удивление. Долго рассказывали, как крестьяне буквально по пятам ходили за трактором Аси, восхищались ее работой, мерили глубину пашни, брали в пригоршни землю. Урожай удался на славу: зерно было крупное, как горох. Хлеба напекли пышные, высокие.

Появление первых тракторов в хлебном Камышинском округе имело огромное значение. В Козловке все крестьяне вступили в колхоз.

Несколько горячих колхозных весен провела Ася за рулем трактора. В 1931 году ее приняли в ряды партии. Позже она уехала работать на Сталинградский тракторный завод.

Сейчас Анастасия Логиновна Смурыгина живет в Саратове, но не забывается комсомольская юность. Часто приезжает она в Камышин и Козловку посмотреть на раздолье колхозных полей, побеседовать с нынешними молодыми механизаторами.

Показывая на музейный экспонат трактора, Анастасия Логиновна говорит:

— Какие же неуклюжие наши первые трактора. Но они заслужили это свое место в музеях: именно они поднимали пласты новой жизни.

Е. ХОРОШУНОВ

Камышин.

А. Самохвалов. 1894—1971. ДЕЛЕГАТКИ. 1939.

Государственный Русский музей.

С. Одайник. Род. 1949. ГАЛЯ. 1978.

Всесоюзная художественная выставка «Молодая гвардия Страны Советов».

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Весна в этом году выдалась неустойчивая. Лишь к концу мая потеплело немного, но по ночам все еще было прохладно. Деревья только-только начинали выбрасывать зеленый лист. Осторожно, как бы опасаясь заморозков, зацветали яблони.

Хоть и привыкла Галина Викулова просыпаться на зорьке, но вставать в четыре часа каждый раз не очень-то хочется, а вставать надо. Издали уже доносится жалобное мычание коров.

До коровника рукой подать, метров двести, не больше. Главное — осилить тяжесть пробуждения, которая так и давит на веки, держит тебя в сонном состоянии.

Резко откинув одеяло в сторону, Галина спускает ноги на пол и, поеживаясь, прикрывает голые колени ночной сорочкой. Несколько секунд она сидит не шевелясь, потом рывком встает и, тихо ступая по скрипучим доскам пола, идет в соседнюю комнату. Небольшая пристройка к дому служит и кухней и прихожей.

Освежив лицо струей холодной воды, Галина промокнула его полотенцем, висевшим на крючке. Поставила на одну конфорку газовой плитки чайник, а на вторую — сковородку, на которой вскоре зашипела яичница.

Галина вышла на крыльцо. Зябкий ветерок хлестнул по лицу. Сбежав по ступенькам, она направилась к небольшому сарайчику, где на шесте сидело с десяток крупных рыжих кур во главе с черно-синим, с глянцевым переливом петухом.

Следом за Галиной в сарай вбежала небольшая дворняга с хвостом-баранкой. Пес юлил у ног хозяйки, радостно повизгивая.

— Пошел, пошел! — ласково отгоняла женщина пса.— Сначала дадим зернышка нашим красоткам, чтобы они нас яйцами кормили.

Галина вышла из курятника, выпрямилась и широким шагом зашагала в сторону коровника. Виляя хвостом, за ней побежал пес.

Судьба свела меня с Галиной Викуловой — мастером машинного доения — на торжественном собрании, посвященном Международному женскому дню 8 Марта. Молодая доярка, на вид немногим более двадцати лет, с увлечением рассказывала о своей профессии. Шутка сказать, обслуживать приходится по сто коров!

Стоит она на трибуне и, обращаясь в зал, говорит: «Дорогие товарищи! Я представляю сегодня здесь работниц сельского хозяйства Подмосковья. Женщин, чьим трудом добывается хлеб насущный и все, что ставится вместе с хлебом на стол и в будни и в праздники».

Галина — потомственная крестьянка, выбрала профессию, сходную с материнской: мать ее была телятницей.

Глядя на Галину Викулову, не скажешь, что эта молодая женщина имеет дело с коровами. Она скорее похожа на врача, учителя, актрису. Элегантный синий костюм, пышно взбитые волосы уложены в модную прическу.

Галина говорит о том, как прекрасно жить в стране, где самый скромный труд высоко ценится.

«Приезжайте к нам, загляните в дома культуры, в детские сады и школы, где воспитываются наши дети, и вы поймете, что жизнь сельского труженика наполнена новым смыслом и содержанием».

Я задумалась о судьбе Галины Викуловой. Почему она выбрала такой нелегкий труд доярки? Чего греха таить, бегает подчас молодежь в погоне за «особой» романтикой, уходит из деревни в город в поисках «счастья», не замечая, что романтика была совсем рядом.

Жалко иногда смотреть, как некоторые крестьянские парни и девушки бросают родные края, привычное с детства дело, устремляются в кипучий водоворот большого, незнакомого города за «красивой» жизнью. А случается, может быть, и не по их вине, из-за недостаточной подготовки в школе, провал на экзаменах в институт — и в итоге любая подвернувшаяся работа. Но время бежит, надо подводить итог жизненного пути, а его-то и нет.

Сколько золотых рук отрывается от земли! Учиться в городе — это хорошо! Только не дайте земле остыть, отдайте ей свои знания, силы, дыхание. Нет, я не против того, чтобы молодые достигали большего, чем их отцы и деды. Разве Галина не переросла своих родителей? Да еще как! И таких немало...

Недавно встретилась я со старым знакомым, приехавшим в командировку из Молдавии. Вспомнили послевоенные годы, когда, уставшие, голодные, валились с ног, восстанавливая разрушенное войной хозяйство. Возвращались домой, варили на воде мамалыгу и запивали добрым домашним вином.

— А как сейчас? — спросила я.

— А что сейчас? Про мамалыгу давно забыли. Свадьбы и те в ресторанах справляют, отходят от дедовских традиций, когда любая свадьба, даже самая бедная, была праздником для всего села.

Теперь в деревне кирпичные дома настроили. Забрался колхозник на четвертый этаж, а много ли там вина надавишь?

Едет парень или девушка поступать в сельскохозяйственный институт, а как корова телится, не знает. Многие теперь на селе не обременяют себя личным хозяйством: ни коров, ни поросят, ни кур не держат.

А раньше? Хоть какую-то живность, да держали. Если свинья пороситься начнет или корова телиться, вся семья — от малого до старого — в хлеву толпится, все при деле, никто грязной работой не брезговал.

Что дома хорошие построили — это здорово. Тут тебе и вода, и газ, и телевизор. Я не против. Но будь же человеком, отработай за все это, земля ждет тебя! А то ведь что получается? Дошли до того, что за морковкой в город на базар автобусом ездят, мясо из города везут, а горожане от нас его дожидаются.

Сейчас ведь не то, что раньше было. У колхозников, как и в городе, денежная оплата труда. Так засучи рукава и работай! К тому же в своем дворе, если есть усадьба, поросят да кур разведи — и будешь с мясом. Правда, для этого зад пораньше поднять надо, а лень!

Вот что я тебе скажу: много белоручек развелось. Бегают, как мыши, из государственного амбара норовят в свои норы добра побольше натащить... За счет другого норовят обогатиться.

— Ну не все же так! — возразила я.

— Ясно, не все. А могло быть меньше.

Я рассказала ему о Галине, о том, что собираюсь поехать к ней, познакомиться ближе с ее работой.

— Что ж, дело хорошее. Вам, городским, все в диковинку, а я у себя дома насмотрелся и на передовых и на отстающих.

До совхоза «Ямской» ехала не спеша. Любовалась новыми застройками микрорайонов. Вытянувшиеся вдоль шоссе на целые кварталы белые многоэтажные корпуса домов напоминают огромные корабли. Они все дальше и дальше удаляются от центра города, наступая на Подмосковье.

Галину Викулову застала в кабинете секретаря парткома.

— Чем могу быть полезен? — спросил секретарь, крепко пожав мою руку.

— Я, собственно говоря, к Викуловой приехала.

— Считайте, повезло. Она у нас сегодня приболела, а то укатила бы на районное совещание молодых животноводов. Хотим поговорить с молодежью об утечке кадров.

— Вопрос важный,— согласилась я.— А чем болеем? — спросила я Галю, сидевшую, неестественно вытянувшись и прижавшись к спинке стула.

— Радикулит прихватил!

— Рано бы. Это болезнь стариков,— улыбнувшись, заметила я.

— Оно конечно. Да только у нас сквозит в коровнике отовсюду,— ответила Галя.

В кабинет вошел высокий, ладно сбитый молодой человек.

— Знакомьтесь, наш комсорг. Посылали на учебу, вернулся инженером, а комсомольцы возьми да выбери его своим вожаком. Честно говоря, у нас по этой линии работа была запущена. Сейчас начинает понемногу оживляться.

Недостатки у нас и другие имеются. Главная трудность с кадрами. Дворов много, а работающих мало. Большинство домов как дачи держат: на зиму забивают двери, окна — и уезжают в город. Столица многих привлекает. Оно понятно, рабочие руки и там нужны.

— Значит, текучесть одолела. Город городом, а что же здесь людям жить мешает?

— Вы правы. Причины имеются, и главная заключается в жилищном вопросе.

— Что же мешает строиться?

— Застройка у нас запрещена. В давние времена здесь камень добывали для строительства Москвы белокаменной. Вон и церквушка-развалюшка, что за рекой стоит, из этого камушка сложена. Начали школу возле правления строить и обнаружили пещеру. Подвальные перегородки завалились, пришлось специальным раствором заливать. И так везде, где ни копни. Стоял вопрос о переселении нашем. Жаль, директор в отъезде, он бы подробнее рассказал.

— Да я приехала с Викуловой поближе познакомиться. К вам как-нибудь в следующий раз, не все сразу.

— А если что, я к вашим услугам...

Мы вышли из правления. По дороге к коровникам Галя рассказывала о своем хозяйстве:

— На четыреста коров имеем четыре загона. Тесновато, конечно. Предстоит ремонт, перестройка. Не представляю, как летом доить будем. Обещали привезти передвижные площадки с доильными установками.

— А каким оборудованием сейчас пользуетесь?

— Нашим, отечественным. «Тандем» называется.

— И как, устраивает вас?

— Я больше «Елочку» предпочитаю. Ею свободно можно обслуживать восемь коров.

Вошли в коровник. Под ногами сыро, на стенах грязные пятна: не одна корова бока почесала. Под потолком щебечут, порхая, залетевшие воробьи. Видно, они здесь и зимовали.

Честно говоря, я ожидала увидеть другое. Ставить рекорды в таких условиях, конечно, нелегко.

Перехватив мой взгляд, Викулова заговорила:

— Ремонт нам вот как нужен! Когда строили, не предусмотрели сток, вода задерживается, в загоне сыро. Изваляются коровы в грязи, потом отмывать их надо, а на все время уходит. Есть разница — чистое вымя обмыть или грязное.

Похвалиться ей здесь было явно нечем, а в перспективе перед доярками стоят новые задачи — не по сто, а по двести коров обслуживать.

Помесили мы грязь в коровнике и, понурые, будто виноваты в этом, вышли на улицу.

— Скажите, Галя, располагаете ли вы сейчас свободным временем?

— Пожалуйста. Ходила на укол, выписали больничный, так что свободна от дела.

— Давайте потолкуем.

— Тогда пойдемте к нам,— предложила она.

От фермы до дома было недалеко, вот только дорога словно свиньями изрыта или трактором разворочена. После дождя по такой лишь в резиновых сапогах пробраться можно.

Пока шли, Галя рассказывала о хозяйстве. Главным образом оно молочного и картофелеводческого направления. Земли для выпаса небольшие, а отсюда и с кормами трудности.

День был весенний, солнечный. На улице возле домов сидели на скамейках старушки и с любопытством поглядывали на нас. Своих-то они всех знают, а тут незнакомая появилась, кто бы? Многие здороваются, как в деревне это принято.

Подошли к дому Викуловой, поднялись на крыльцо. В доме шумела детвора, взрослые готовили обед.

— У вас гости или все — одна ваша семья?— поинтересовалась я.

— Старший брат с женой приехал, да снова, жена младшего брата, меня дожидается. Эти здесь же живут и работают. Сначала я сюда приехала, а за мной младший брат с семьей переселился.

Поздоровавшись со всеми, мы прошли в комнату. Галя предложила сесть на диван. Я осмотрелась. Телевизор, радиола с множеством пластинок. Над кроватью и диваном висят ковры. У окна письменный стол, рядом с диваном шифоньер, в углу, у стены, обеденный стол. На окнах — занавесочки. Чистенько, но немного тесновато.

В комнату вбежали две девочки: одной годика три, вторая постарше, и, как свойственно детям, уставились на меня.

— Моя младшая дочь Людочка,— Галя прижала к себе ту, что была постарше, светловолосую, с большими карими глазами.— А старшая, Таня, в школе.

— Сколько же им?

— Татьяне одиннадцать, а Людмиле семь. А эта малышка — братова дочка, племяшка моя.

— Как я поняла, вы не здешняя?

— Нет. Свердловские мы.

— Значит, вышли замуж и переехали в эти края?

Опять не угадали. Совсем все наоборот. От мужа я уехала. Взяла детей и уехала.

— Неужели таким уж плохим оказался, что рискнули с двумя детьми от мужа уйти?

— Не получилось у нас с ним,— вздохнула Галина.— Одним словом, все...

— Скажите, Галя, а почему вы выбрали именно это место, как я посмотрела, оно далеко не из лучших?

— Да я и не выбирала. Не было у меня выбора. Сами понимаете, двое детей, а оставаться там больше не могла. А тут на конкурсе — я ведь еще в Свердловске чемпионкой России стала — мне присоветовали в Московскую область поехать. Сказали, что моя профессия и там нужна, я и решилась.

— Когда вы на торжественном собрании говорили о крестьянской потомственности, я подумала, что вы местная, закончили школу и остались в родном совхозе. А выходит, у вас намного сложнее все получилось.

— Уральские мы. Родилась я в Свердловской области. Что касается потомственности, то все верно. Рано мама у нас овдовела, на руках у нее четверо нас осталось: два брата и я с сестрой. В молодости мама дояркой была, а в последние годы в телятницы перешла. Вся наша семья в сельском хозяйстве трудится.

С детства я помогала телят пасти, а подросла, коров доверять стали. Поселок наш был большой, хозяйство отличное. Все мне вроде бы нравилось, а вот не сразу после школы дояркой стала. И меня, как многих, ко всему тянуло. Года четыре на разной работе себя пробовала, а потом поняла, что только на ферме чувствую себя как дома, уверенно, все близко мне и понятно. Бросила все и подалась в родной совхоз.

Все шло хорошо, если бы не муж. Я даже в техникум экзамен сдала, потом сорвалась,

забрала детей и уехала. Был у меня всего один адресок моей подружки Любы, по нему я и приехала сюда.

Сразу мне здесь все понравилось: и лес, и речка, и школа, и до Москвы недалеко. Дали мне вот эту квартиру, точнее сказать, комнату, а в пристройке кухню смастерили. Паровое отопление подведено, электричество, водопровод, газовая плитка на баллончике работает, а что мне еще с детьми нужно? Обещают скоро в другой дом перевести, сидим, как говорят, на чемоданах.

— Галя, вы говорите, что вам все здесь нравится. Это хорошо. Извините меня за нескромный вопрос, а сколько вам лет?

— Двадцать девять,— с едва уловимой заминкой ответила Галя.

— Я думала — меньше. И поверьте, это не комплимент.

Высокая, стройная, в туго облегающей юбке и модной водолазке, она выглядела моложе своих лет. Там, в зале, когда она выступала на трибуне, мне и в голову не могло прийти, что у нее двое детей.

— Расскажите, пожалуйста, а как сложилась судьба подружек, с которыми учились?

— Половина класса дальше учиться стали, другие на разные работы подались, кто на кондитерскую фабрику устроился, кто в бухгалтеры пошел. Из класса, кроме меня, в сельское хозяйство никто не решился. Рядом город, туда всех и тянет. В нашем селе больше приезжие работают, видно, подобное положение во многих местах. Не сложились бы у меня такие семейные обстоятельства, никуда бы я не уехала. Условия на работе были хорошие. Село большое, клуб, столовая, магазин самообслуживания.

— Значит, все хорошо, а молодежь, как и здесь, уезжает в город. Почему, как вы думаете?

— Я вам вот что скажу. На заводе работают от звонка до звонка. Отработал восемь часов — и все. А в сельском хозяйстве как, какой распорядок?

Встаю я в четыре утра, отдоила — и в десять снова дома. Кажется, свободный день, а распорядиться им, как хочу, не могу. Разные домашние дела набегают, а надо часа два для сна выкроить — утром ведь недоспала, а вечером снова дойка, глядишь, и опять с коровами до десяти провозишься. Ведь их по часам и доить, и кормить, и погулять выгнать надо.

До меня здесь одна доярка была, раньше поваром работала, да вот захотела много заработать. На денежки многие заглядываются, а работать не все могут, вот и сбежала она. Не каждый на нашем месте выдержит.

В комнату кто-то постучал. Галина встала с дивана и вышла в прихожую. Слышно было, что она с кем-то говорит. Вскоре вернулась, достала из шифоньера небольшой сверток и, отдав его кому-то за дверью, вошла в комнату.

— Извините, пожалуйста. Я тут как-то в город ездила, купила кое-что снохе.

Галина присела рядом со мной на диван и стала растирать одну руку другой.

— Побаливают,— смущенно проговорила она.

Потом, как бы вспомнив, о чем мы говорили, продолжила:

— Поначалу я и сама не могла привыкнуть к своей работе. Все ж таки имеешь дело с коровой — живым существом, которое свой норов имеет. Но ничего, привыкаем, узнаем характер каждой, находим подход.

— Сколько же вы зарабатываете?

— Оклад у нас зависит от класса. Я, как мастер первого класса, до двухсот рублей зарабатываю. Для женщины, считаю, хороший заработок. Если не боишься работы, у нас можно работать и деньги хорошие получать. Даром их никому не дают.

— А где вы обучались мастерству быстрого доения?

— Многому научилась у себя дома, в родном совхозе. Там, как приходишь, тебя к лучшей доярке на обучение ставят, а весной на курсы. Затем конкурсы, соревнования проводились на самом высоком уровне. Хорошие у меня наставники были. Я ведь сюда уже мастером первого класса приехала.

— А у вас есть ученицы?

— Конечно. Вот Люба. Сначала у меня обучалась, потом на курсы послали, теперь она мастер машинного доения. Захочет, может дальше расти, сдаст на второй класс, потом на первый... Да я и сама стараюсь не отставать... В семьдесят седьмом на ВДНХ чемпионом страны стала. ЦК ВЛКСМ присвоил мне звание «Мастер — золотые руки».

Я невольно посмотрела на ее руки. Красивые длинные пальцы. И ничуть не напоминают они о трудной работе доярки...

Пока мы разговаривали, пришла из школы старшая дочь. Вот уж вылитая мать: высокая, темноволосая, сероглазая. Обнялись и стоят как подружки. Дочь шепнула что-то на ухо матери и, сменив портфель на хозяйственную сумку, побежала в магазин.

— Помощница моя явилась. Пятерку получила сегодня,— не без гордости за дочь сообщила Галина и захлопотала у стола.

Постелила скатерку, поставила в вазочках брусничное и ежевичное варенье, расставила чашки. Разливая чай, хвалила своих девочек.

— А не трудно вам одной, без отца, их воспитывать?

— Сначала страшновато было, а потом привыкла. С работы спешу домой, редко ощущаю одиночество. Вроде все нормально. Иногда обидно бывает, когда сболтнет кто лишнее. Разные ведь люди. Одни судят за одиночество, другие за то, что в город часто ездить стала. А меня то сюда, то туда вызывают. Часто выступить просят, поделиться опытом скоростного доения.

— С мужем сходиться не собираетесь?

— Разбитое корыто не склеишь. Сходиться не собираюсь и нового заводить подожду.

— Дети об отце не вспоминают?

— А что им вспоминать-то?! Младшая както спросила: «Помнишь, мама, как к нам милиционер приходил?» Только и запомнила милиционера.

— Пил, что ли?

— Ну кто не пьет! Да только меру знают. Одни и много выпьют, но как-то тихо, спокойно... А этот такого шума наделает, весь дом на ноги поднимет. Последний раз дверь вместе с рамой вышиб. Много я ему из-за детей прощала, да не выдержала его буянства и придирок.

Галина говорила спокойно, не лила слез. Сильный характер, настоящий уральский.

— Скажите, чем любите заниматься в свободное от работы время?

— Вязать люблю, все больше для девочек. Музыку, песни. Пластинок у меня много, да слушать некогда...

В углу за диваном я заметила доильный аппарат. Галя перехватила мой взгляд.

— Я ведь инструктор, «корочку» имею — удостоверение. Приходят ко мне доярки, которые хотят классность поднять. На ферме недосуг, так вечерами приходят. Вот и занимаемся: собираем, разбираем в последовательности, на время тренируемся.

Она достала аппарат, положила рядом с собой на диван, не спеша провела по нему рукой.

— Аппарат отечественный, хороший. «Майга» называется.— И она вновь погладила его.— Если бы здесь такие корма были, как в Свердловской области, большие надои получали бы, а с соломы много не выжмешь. Там солома только на подстилку шла. Я первое время просто удивлялась, как это ее коровы едят!

— Значит, плохо у вас с кормами?

— Не хватает. Спасибо, «Заря коммунизма» выручает.

В комнату заглянул брат, тот, что в гости приехал. Он сел за стол, налил себе чаю, и, по-доброму улыбаясь, отхлебывая из стакана чай, стал рассматривать меня. Видно, ему было приятно за сестру, настолько известную, что к ней из столицы журналисты приезжают.

— Не сманят вас родственники обратно в родные края? — спросила я Викулову.— Там и корма лучше и условия...

— Да нет, здесь тоже неплохо,— ответила Галина и посмотрела на брата.— Работа везде одинаковая, а условия — дело поправимое. Скоро меньше станут люди кочевать. Ведь у сельского жителя душа всегда к земле тянется. И ничем эту тягу не пересилишь...

ВОСПЕВАЯ ГЕРОИЧЕСКОЕ

Алексей Максимович Горький, с улыбкой выслушав энергичного молодого человека, приехавшего из родного писателю Нижнего Новгорода, вдруг одобрительно сказал:

— Наш пострел везде поспел.

Великий писатель распознал душу «пострела». За полвека работы в литературе и журналистике Евгений Рябчиков «поспел» одним из первых литераторов облететь Арктику, «открыть» в своих книгах и очерках Норильск, первым из писателей высадиться на ледниках Антарктиды. Заманчивая цель — быть первым рассказчиком о самом важном, новом, героическом — привела Евгения Рябчикова на старт первых советских ракет и в деревянный домик гениального провидца К. Э. Циолковского, в плетеные гондолы воздушных шаров и в кабины первых дирижаблей. Подлинной сенсацией стал его полет на первом советском реактивном самолете ЯКе, а затем полет в качестве корреспондента «Огонька» по первой в мире реактивной пассажирской трассе. Еще не стартовал спутник, а на страницах журнала Евгений Рябчиков рассказал о создании первого в мире искусственного небесного тела.

Самуил Яковлевич Маршак писал о работах Евгения Рябчикова: «Его серии очерков представляли собой целые эпопеи». С корреспондентским удостоверением «Огонька» «пострел» прошел от истоков до устья Енисей, Ангару, Иртыш и Обь; вместе с академиком С. Я. Жуком исходил трассу будущего Волго-Дона; передавал в «Огонек» очерки из Антарктиды, Австралии, ФРГ, Африки; с первым эшелоном направился на целину. Он кочевал с выездными вагон-редакциями «Правды» и «Литературной газеты» по великим стройкам Сибири и Дальнего Востока. Месяц за месяцем нес суровую службу под командованием легендарного Никиты Карацупы на границе. Плавал на подводных лодках в океане. Шел с саперами по минным полям. Одним из первых поведал о чудесах атомного века: он рассказал на страницах «Правды» о жизни и подвиге великого ученого И. В. Курчатова.

Познать душу героя наших дней, увидеть героя в жизни, воспеть героическое начало в делах советских людей — вот смысл творчества писателя-публициста, журналиста, кинодраматурга, радио- и телевизионного комментатора Евгения Рябчикова. Через 27 книг, 58 кинофильмов, 1500 журнальных и газетных очерков и репортажей красной нитью проходит героическая тема. Она ведет к звездам и в ничтожно малый мир атома, в недра планеты и к тайнам жизни — туда, где советские люди делают открытия, прокладывают пути в будущее.

За создание большой серии фильмов об исследовании космоса, о космонавтах Евгений Рябчиков удостоен медалей имени академика С. П. Королева, К. Э. Циолковского, Ю. А. Гагарина. Ему присуждены премии Ломоносова и Союза журналистов СССР. Его книги «Русские в космосе», «Красные ракеты», «Колумбы космоса», «Космическая Одиссея» и другие изданы в США, ФРГ, Англии, Франции, Италии, Венгрии и других странах. Не меньшим успехом пользуются книги Евгения Рябчикова о подвигах пограничника Никиты Карацупы — «Следопыт», «Засада на черной тропе», «Стой! Кто идет?». Они вышли в ГДР, Чехословакии, Вьетнаме, Анголе, Венгрии, Польше, КНДР.

Евгению Ивановичу Рябчикову — семьдесят лет. Но он и сейчас «поспевает» рассказывать о том важном, что стоит на магистральном пути развития советского общества. Он по-прежнему полон сил, энергии, творческих замыслов.

Л. ЛЕРОВ

стихи о л

Лариса **ВАСИЛЬЕВА**

●

Какая молодость!
Под ветром
лететь на крыльях грузовых
и предоставить километрам
сердец биенье грозовых.

Какая молодость!
Свеченье
горячих тел при блеске дня,
стремительное излученье
необычайного огня

беспечности, таящей силу
преображения в беду.
И, уподобившись светилу,
вдруг замираю на лету,

и на мгновенье, на мгновенье
тесно и холодно. Тоска.
И липкое прикосновенье
то ль спрута, то ли паука...

Какая молодость!
Опасно.
Россия, милая, лови!
Крута дорога. Жизнь прекрасна.
Я задыхаюсь от любви.

ВИДЕНЬЕ НА ХОЛМЕ

Из мира тишины...
Такого нет. И все же
из мира тишины, приснившегося мне,
донесся странный звук —
мороз прошел по коже —
сверкал он, словно луч, бегущий по волне.

Похож на ветра вой. Нет, на призыв сирены.
Нет, посвист соловья. Нет, журавлиный крик.
Качнулись перед ним негнущиеся стены,
и к окнам человек встревоженно приник.

Почуяла земля бессмертный голос неба,
летящий сквозь века единственный ответ
на все вопросы дня от бога и до хлеба,
на все, чему меж нас еще ответа нет.

Враждующих племен бессмысленные дети,
весь выводок цыплят, не верящий в яйцо,
всемирная толпа стояла на планете,
закинув в тишину несчастное лицо.

Взлетали в облака бескрылые вопросы
и падали стремглав на головы истцов,
гремели широко карательные грозы,
чей бешеный удар убийственно свинцов.

И лишь один вопрос, совсем уже
бесплотный,
какой-то звук души о тайне и мечте,
кружился в тишине, безвольный
и свободный,
ответа не ища, не находя нигде.

Побитая толпа уныло разбредалась.
Необъяснимость дня тревожила умы.
Склонясь над мертвецом, ворона
отъедалась
в предчувствии пустой, мучительной зимы.

И тот какой-то звук еще мелькал, и реял,
и даже вдруг запел, птенцом оборотясь,
о том, что всяк пожал лишь то, что он
посеял,
а также срифмовал зачем-то «грязь»
и «князь».

И был закат багрян. И отражали воды
тончайшие черты склонившихся ветвей
и белый небосвод — лицо самой свободы,
неведомое нам в потоке шумных дней.

●

Колосок, упрямый колосок
поднимает к солнцу голосок.

И светило слушает его
удивясь: — Откуда? От кого?

Еле слышен, а нельзя не внять.
Во вниманье надобно принять

простенькие требованья все:
стать зерном на узкой полосе,

хлебом стать на струганом столе
и исчезнуть в непроглядной мгле.

Отчего в желанье колоска
слышатся волненье и тоска?

Он боится в срок не дорасти,
зерен до людей не донести.

Он страшится града, как врага,
он не хочет воли сапога,

солнце град не станет насылать —
сапога ему не обуздать,—

как оно, светило, ни сильно,
многого светилу не дано.

●

Весь дом как будто вымер,
обезлюдел, опустел.
Тебя зовут Владимир,
а миром не владел.

Владел счастливым даром
преображать в стихи
вчерашним перегаром
пропахшие грехи.

Владел хмельно и вяло
не женщиной — собой,
когда один устало
брел от нее домой.

Владел моими снами
неделю или год,
но не случилось с нами,
чего читатель ждет.

Блуждаю по квартирам,
зову, ищу, кричу,
владеющего миром
я отыскать хочу.

Не нахожу, но знаю,
предчувствую черты:
и это будешь с краю
идущий в вечность ты.

●

Памяти А. и М.

Порознь вырыты две могилы,
два упрека веку и мне.
По ночам две седых сивиллы
возникают в моем окне.

Прочь, великие! Ваше время
изломал бунтующий век.
Я его упрямое семя,
прорастающее сквозь снег.

То, что в нем вашей болью было,
стало плотью будней моих.
Я любила их? Не любила,
как и вы не любили своих

дней измученных, искалеченных,
томно жаждущих бурь и гроз,
после — страждущих, четко меченных
сплавом крови и горьких слез.

Перед вами не виноватая,
принимаю ваши вины:
право голоса, сердце крылатое,
неподвластные людям сны.

ВСТРЕЧА

Самолет упал на поле,
как подстреленный орел,
и в последнем крике боли
кто-то истину обрел...

За углом, у поворота
незнакомый молвил зло:
— Я с другого самолета,
мне сегодня повезло!

Обернулась я на голос
и...
ударила судьба,
словно срезан спелый колос
острым лезвием серпа,

словно камни вбиты в плечи,
сердце судорога свела —
на пороге первой встречи
невзлетевшие крыла.

●

Я власти между нами не хочу —
гори огнем, сомнительная власть —
свободная — и плачу, и шучу,
и хохочу, и не шучу я всласть,

не думая, что ты — моя судьба
и кто силен, а кто позорно слаб,
не думая, что я твоя раба,
тем более что ты мой верный раб.

Свободна я подумать о другом,
тем более не думать ни о ком.
Свободен ты — да, как ни больно мне —
свободен на другом гореть огне!

Не властвовать — счастливейший удел,
чем меньше власть — тем больше власти
в ней...

Как высоко бы сокол ни взлетел —
внизу земля.
И тяги нет сильней.

●

Имя ее любой
может произнести,
стертое слово — ЛЮБОВЬ —
другого изобрести
не удостоен мир,
пользуемся пока.
Кто она? Сказка? Миф?
Песенка дурака?
Юная?
Черта с два!
Ходит ведь по рукам,
дышит едва-едва,
тащится по векам.
Старая?
Никогда!

ЮБВИ

Тело ее, смотри,
розового стыда —
светится изнутри,
голос ее — поток
катится меж камней,
взор голубой — ожог,
счастье — идти за ней!
Счастье?
Ведет во тьму.
в подлость, измену, ложь,
в цепи, капкан, тюрьму,
в холод бросает, в дрожь...
Горе?
Пусть горе, пусты!
Подлая? Так и есть.
Выучить наизусть,
заново перечесть
каждый ее изгиб,
бешеный поворот,
окрик, усмешку, всхлип,
жадно горящий рот,
переступить черту,
к черту сгореть в огне,
падая в пустоту,
чувствовать — жизнь во мне,
скрыться в земле сырой
и не оставить след...

Стойте, а где герой,
собственно сам предмет?

Серое пальтецо...
руки... опять пальто...
Стерлось в веках лицо.
Некто,
ничей,
никто...

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Зачем Вы мне, испанский гранд,
актер, кинозвезда,
когда во мне горит талант,
зовущий никуда,

Ваш белый дом, и черный кот,
и рыжих пять собак,
когда меня Луна влечет
и в жизни все не так?

Зачем я снова выхожу
на Ваш проклятый зов
и, словно девочка, дрожу
от непонятных слов?

Зачем Вы мне? Зачем я Вам?
Не удержать в руках.
Любовь безжалостна к словам
на разных языках.

Ваш ненавистный профиль строг,
он из нездешних сфер,
таким, должно быть, видел бог
того, кто Люцифер.

Бросаете к моим ногам
земного зла Содом,
а что же Вам в ответ я дам —
ужель платить добром?

Оно Вам даже не смешно,
а все ж зачем-то Вы
все ищете мое окно
за зеленью листвы.

●

Как удивительно! С годами
в нас угасающая страсть
тем горячей владеет нами,
чем ближе пропасть, где пропасть
придется скоро бренной плоти,
а окружающим забыть
всю эту драму на охоте
за тем, чего не может быть.

Анна и Дмитрий Петрении с детьми и внуками. Но здесь не все семейство в сборе.

Фото Г. Попова

ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ!

Анна ПЕТРЕНИИ,
мать-героиня

Советский образ жизни — это счастливый образ жизни. Счастлива ли я? Скажу прямо: да! Радостно мне отправлять по утрам семерых моих школьников на занятия, а четверых малышей в детский сад. В школе, где я работаю, дети пытливые, любознательные, веселые. Вечером, в свободное время, сыновья и дочери рассказывают о прошедшем дне, какие оценки получили на уроках, что сделали по дому. Наша семья дружная, все заботятся друг о друге, о младших. Мне легко жить, потому что старшие дети значительную часть домашнего хозяйства берут на себя. А когда в доме мир, тишина и согласие, что еще нужно женщине для счастья?!

Перед каждым из моих детей, а их у меня восемнадцать, открыты неограниченные возможности выбора путей-дорог. Старшая дочь, Галина, окончила медицинский институт, работает врачом. Валентина — фельдшер, Александр — механизатор. Вера после окончания горного техникума стала маркшейдером. Станут рабочими высокой квалификации Василий и Леонид. Они осваивают специальность наладчика машин на трикотажной фабрике. Олег, окончив ПТУ, стал буровиком...

В доме у нас полный достаток. Пианино, цветной и черно-белый телевизоры, библиотека, автомашина, достраиваем двухэтажную дачу. В основе нашего благосостояния — труд. Так, как записано в новой Конституции: «Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе». Дмитрий Иосифович, мой муж, почти четверть века работает шофером на северном руднике Джезказганского горно-металлургического комбината. Больше миллиона кубометров горной массы вывез он за эти годы. Правительство наградило его орденом «Знак Почета», медалями. А у лучших производственников, как известно, и заработки повыше. Ежемесячно по 450—500 рублей вносит он в семейную кассу. Плюс моя зарплата. Да еще заработок старших детей.

В нашем быту хорошее подспорье—приусадебный участок, который выделил нам комбинат. Несмотря на то, что город наш, Никольский, находится в зоне пустынь, урожаи получаются неплохие...

Иногда спрашивают нас, и меня и мужа: «Как же это вы содержите такую большую семью?» Мы обычно отвечаем: «Вот так и содержим, получая все привилегии граждан социалистического государства». Как и все советские люди, мы используем такие закрепленные Конституцией СССР права, как бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание. На моих семерых школьников органы народного образования затрачивают в течение учебного года более тысячи рублей; кроме того, выделяют бесплатные завтраки, обеды, путевки в пионерские лагеря и на оздоровительные площадки. Я как-то поинтересовалась, каковы расходы на одного ребенка в детском саду. И что же оказалось? Затраты на содержание детей в дошкольном учреждении в семь раз превышают родительский взнос.

Пока что только три мои дочери получили высшее и среднее специальное образование. На их обучение, на выплату стипендий было израсходовано государством более десяти тысяч рублей.

А охрана здоровья!.. Заболевших детей не только лечили, но после болезни их направляли в санатории. В этом году там находился сын Виктор. Когда муж заболел,. операцию ему делал очень квалифицированный хирург, кандидат медицинских наук Енбек Орынгалиев. Я слышала, что в капиталистических странах все это стоит огромных денег. Нам же это не стоило ни копейки.

Моя республика славится многодетными семьями. Даже в нашем небольшом городе есть более десяти матерей-героинь. И для всех создаются хорошие условия.

...Вечерами весело бывает в нашей большой семье. Если нет интересной передачи по телевизору, ребята берут гитары и в гостиной звучат русские, украинские песни. А то Люба садится за пианино. Муж сражается со старшими ребятами в шахматы, а малыши завороженно слушают сказки, их с удовольствием читает Аня. Есть у нас свой кинопроектор с набором фильмов, почти все киномеханиками стали...

Жизнь идет своим чередом. Вышли замуж Галина и Валентина, женился Александр. Внуки появились. Теперь я в свои 43 года трижды бабушка. Довольна, слов нет. Только одно тревожит — был бы мир на земле. А враги мира не унимаются. Страшное дело — война. У меня отец погиб в Великую Отечественную. Я в детском доме воспитывалась. Советский образ жизни по своей сути — это мирный образ жизни. Да, нам нужен мир, чтобы жить, строить города в пустыне, растить детей и внуков, приносить пользу людям. Это и есть счастье. Простое, человеческое, земное...

гор. Никольский,
Казахской ССР.

Закончилась короткая смена. К Тине Миделашвили подошли ее подруги Медея Кентеладзе, Дареджан Бицецашвили, Ламара Окрадзе и Нина Квавадзе.

У швеи Наны Джалабадзе, работающей в четырехчасовой смене, трое детей. За младшим, Дато, она зашла в детский сад при своей фабрике.

Фото В. Моргунова

ЛЕГЧЕ И УДОБНЕЕ

Ия МЕСХИ

Было без десяти минут шестнадцать, когда с начальником цеха Наирой Цинцадзе мы вошли в цех № 3 Тбилисской швейной фабрики имени Первого мая. Цех как цех, просторный, светлый. Ряды швейных машин, сосредоточенные работницы... Но есть одна особенность, которая отличает и этот цех и всю фабрику от многих других: дело в том, что здесь у работниц четырехчасовой рабочий день.

Может быть, за четыре часа они успевают делать столько, сколько обыкновенная швея делает за полную смену?

Нет, они тоже обыкновенные, работают в пределах плановых заданий, несколько перевыполняя их за счет своего особого старания, как правило, отличающего «четырехчасовиков».

Чем вызвано это старание? Думаю, чувством глубокой благодарности за предоставленную возможность работать короткую смену. А благодарность — сильное чувство, поднимающее настроение и придающее энергию.

Наверное, нет нужды называть, кто есть кто из двадцати восьми членов «брючной бригады», работающей под началом молодой проворной комсомолки Цицо Тевзадзе. Неважно, как их зовут — Манана или Циала, Натела или Нина. Есть жизненные ситуации, при которых не обязательно вытаскивать на белый свет имена. Например, работает в бригаде женщина, которую муж оставил с несколькими детьми. Правда, она получает на детей алименты, но этого не хватает. Работать в полную смену ей трудно: много забот по дому. А вот в полсмены — это уже выход. Ты в коллективе, тебе помогают, работа отвлекает от горьких мыслей, а когда обстановка позволит, дети подрастут, можно будет перейти и к работе в полную смену.

Или еще. Женщина работала на фабрике немало лет, стала квалифицированной швеей. Дети уже школьники, в доме за ними присматривает бабушка. Но вот беда — бабушка заболела, тяжелый недуг надолго приковал ее к постели, и теперь надо присматривать за ней. Если б не четырехчасовые бригады, впору покинуть фабрику. А так можно встретить детей, когда они возвращаются из школы, да и бабушка не останется одна.

В общем, удобно это для женщин с осложнившимся бытом. Но не только с осложнившимся. Девушка-студентка не хочет учиться заочно. Она учится на очном отделении. А положение таково, что, кроме стипендии, ей нужен заработок, и она идет на производство с укороченным рабочим днем. Или мать-одиночка, которая до рождения ребенка работала в дневной полной смене. Пока малыша не определишь в ясли или детсад, можно, не покидая фабрики, поработать и в полсмены. Да мало ли какие еще могут быть обстоятельства, при которых женщине удобно быть на фабрике четыре часа, а не все восемь!

Говорю с начальником цеха инженером Наирой Цинцадзе. Интересно, как у нее самой сложилась семейная жизнь? Сначала все было, по ее словам, «как в сказке»». Жили с мужем и двумя малышами счастливо. Он начальник цеха на соседнем большом станкостроительном заводе имени Кирова. Она здесь, на фабрике. И сорока лет не было мужу, когда с ним случился инфаркт. Спасти не удалось. Для Наиры начались тяжелые, омраченные горем годы. Думала было попросить мать, чтоб переехала к ней, а потом решила, что справится сама. До работы отводила детей в ясли и садик, потом забирала. Так они и росли. Мальчику уже тринадцать лет, девочке — десять. Оба хорошо успевают в школе, дисциплинированны. Мальчик увлекается спортом, девочка учится музыке.

О Наире я рассказываю чуть подробнее потому, что именно такой руководитель в состоянии понять своих подчиненных, отличить фальшь от правды, надуманные сложности от настоящих. И вот ее размышления на тему о бригаде короткого дня:

— Может быть, иной поспешит осудить женщин, стремящихся в бригады с укороченным рабочим днем (и, конечно, с соответственно укороченной зарплатой!). Но не будем строгими судьями. У каждого человека свой характер, своя сила воли, умение мобилизоваться, взгляды и возможности. Сколько семей, столько и ситуаций. Одна на другую похожи лишь на первый, беглый взгляд. На самом же деле все гораздо сложнее. Знаю только, что мои женщины-полсменники не бездельницы, не лентяйки и не нытики. Работают с полной отдачей сил. Кое у кого может сложиться впечатление, что тут собрались несчастливицы и неудачницы. Это неверно! Большинство идет в такие бригады не только ради зарплаты, а чтобы не погружаться полностью в одни лишь домашние заботы, которым, как известно, не бывает конца. А тут, чтобы выйти на работу, надо и приодеться и причесаться. Словом, подтянуться. Чувствуешь себя рядом с подругами, в коллективе, полезным для общества человеком...

Так рассуждает Наира Цинцадзе, хороший, работящий, не согнувшийся под тяжестью забот человек. Почти триста работниц в ее цехе. Три бригады, около ста работниц, перешли на укороченную смену. Они очень стараются не уронить честь фабричного Красного знамени, неоднократно присуждавшегося третьему швейному цеху за лучшие показатели в соревновании.

Придите в этот цех и вы не увидите здесь ни одного угрюмого, недовольного лица.

Редакция попросила прокомментировать эту корреспонденцию председателя Госкомитета по труду при Совете Министров Грузинской ССР Русудану Александровну Джапаридзе. Вот что она сказала:

— Форма работы женщин с режимом неполного рабочего дня прочно утвердилась на Тбилисской швейной фабрике имени Первого мая, предприятии коммунистического труда. Я говорю — прочно, потому что она прошла здесь проверку временем с 1972 года. В том году на многих заводах и фабриках нашей республики, и не только в Тбилиси, ухватились за это очевидное и бесспорное благо для наших женщин. Года через два-три так работали уже несколько тысяч женщин на разных предприятиях Грузии. А потом все пошло на убыль. Кое-где короткие смены стали тихонько прикрывать. По моему глубокому убеждению, это делалось потому, что некоторым руководителям неохота стало обременять себя лишними хлопотами, связанными с существованием короткосменных бригад. Кстати, хлопотами незначительными, организационными.

Вновь вопрос этот был поднят нами на девятой сессии Верховного Совета Грузинской ССР летом прошлого года и занял значительное место в докладе товарища П. Г. Гилашвили, председателя Президиума Верховного Совета ГССР. Ведь короткосменная форма устраивает отнюдь не только определенную часть работниц. Она устраивает наше государство, все еще остро нуждающееся в трудовых ресурсах. Как тут не сказать лишний раз о том, что где-то за рубежом от женского труда стремятся избавиться, женский труд стараются унизить неравной с мужским трудом оплатой. А мы в своей стране заняты изыскиванием возможностей вовлечь в производство побольше женщин!

Девятая сессия Верховного Совета нашей республики была полностью посвящена вопросам улучшения труда и быта женщин, охраны материнства и детства. Теперь министерствам, ведомствам, производственным объединениям и предприятиям полагается определить производства, участки, профессии и должности, где целесообразнее использовать труд женщин с режимом неполного рабочего дня, неполной рабочей недели и в качестве надомниц.

Сейчас в республике разрабатывается комплексный перспективный план дальнейшего улучшения труда, быта и отдыха работающих женщин. Этим занимаются министерства и местные Советы депутатов трудящихся, с тем чтобы иметь полную картину на оставшиеся годы десятой пятилетки и на одиннадцатую пятилетку. К середине нынешнего года эта работа должна закончиться, и, я думаю, опыт первомайцев найдет широкое распространение. Как показала практика, этот опыт имеет и производственный и гуманный эффект.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Жужа Виницзеи. Фото автора.

ОГНИ ОЛИМПИАДЫ

«Олимпиада-80 открыта!»

Эти слова я прочитал, когда до открытия Олимпийских игр в Москве оставалось еще около полутора лет. Они вспыхнули на огромном световом табло. Потом загорелась новая строчка: «Привет участникам Олимпиады». А через мгновение я прочитал фамилии участников финального забега на сто метров. Прошло десять секунд, и я увидел совсем невозможное — имя победителя, результат и... его самого, принимающего поздравления друзей.

— И результаты и имена победителей, конечно, условные,— улыбается Вег Дьердь, директор по экономическим вопросам венгерского внешнеторгового предприятия «Электроимпэкс».— Мы очень горды тем, что наше предприятие одним из первых получило право называться официальным поставщиком Олимпиады-80. Буквально на всех стадионах, треках, трассах, в залах, бассейнах и даже аэропортах будут установлены наши табло. Одни, как «Матрикс»,— с живыми портретами, другие — чисто цифровые, третьи — передвижные, размещенные на грузовиках.

Но это не все! Кроме световых табло, «Электроимпэкс» готовит оборудование для теле- и радиостудий, установки для комментаторских кабин и многое, многое другое. В основном все это должно быть готово к открытию Спартакиады народов СССР.

— Успеете? — спросил я.

— Думаю, не подкачаем,— ответил товарищ Вег.— Тем более что как раз в дни Спартакиады наш юбилей — тридцать лет со дня создания «Электроимпэкса». Начинали мы с выпуска очков, будильников и радиоприемников. Но в 1953 году венгерские ученые разработали световое табло. Тогда же, впервые в мире, оно было установлено на Народном стадионе в Будапеште. С тех пор, за редким исключением, ни одно крупное соревнование, будь то Олимпиады, первенства мира или Европы, не проходило без нашей продукции. Матричные табло «Матрикс» — новый шаг венгерских ученых и конструкторов. Здесь свет не только пишет, но и рисует, причем изображение может быть движущимся. Словом, табло стало гигантским цветным телевизором, хотя принцип действия здесь совсем иной,— сказал в заключение Вег Дьердь.

Но чтобы табло сообщило какую бы то ни было информацию, надо, чтобы состоялось то или иное спортивное событие. А это впрямую зависит от того, насколько светло в зале или на стадионе. Попытайтесь представить себе барьерный бег или фехтование в сумерках. А состязания гимнастов или волейболистов в слепяще ярком зале?

— Освещение стадионов и спортивных залов — целая наука,— говорит один из руководителей венгерской фирмы «Тунгсрам». Петер Хорват.— Мы это хорошо понимаем: недаром «Тунгсрам» был поставщиком осветительной аппаратуры для всех Олимпиад, начиная с Хельсинкской. От хорошего освещения в баскетбольном, теннисном или тяжелоатлетическом зале зависят порой и результаты.

— А как быть с теплом? — поинтересовался я.— Ведь чем ярче свет, тем жарче становится в помещении.

— И это мы предусмотрели,— отметил инженер.— Созданы специальные лампы. К тому же они не искажают цвета — это важно для качества телевизионных передач, кино- и фотосъемки. Нельзя допустить, скажем, чтобы цвет государственных флагов был передан неточно.

Всем этим требованиям отвечают новейшие металлогалогенные лампы. Устройство их очень сложно. В этом я убедился, когда попал в сборочный цех завода. Чистота здесь аптекарская. Температура воздуха строго постоянная. Тончайшего стекла колбы длиной почти в полметра плавно движутся по конвейеру. Один из этапов — впаять колбу в оболочку. Жужа Виницзеи делает это, можно сказать, шутя. Вспышка фиолетового пламени — и готово, колба впаяна!

— Можно мне самому попробовать? — спросил я Жужу. Вместо ответа она рассмеялась. Оказывается, операция, которую выполняет Жужа, настолько выверена во времени, в точности движений, не говоря уж о температуре пламени, что учиться этому надо не один год.

Поговорить с Жужей как следует так и не удалось.

— Некогда! Как раз сейчас делаю очередную лампу для Дворца спорта. Так что встретимся в Лужниках,—улыбнулась Жужа.—Но не под часами, а под моей лампой!

А об устройстве этих ламп мне рассказал главный конструктор Миклош Чаподи.

— В них использованы редкоземельные металлы. Когда между анодом и катодом возникает электрическая дуга, металл испаряется и смешивается с аргоном. Так получается нужный нам световой поток. Мощность каждой лампы три с половиной тысячи ватт. Чтобы хорошо осветить, скажем, стадион имени Ленина в Лужниках, нужно около шестисот таких ламп. А велотрек, бассейны, многочисленные залы! Мы подсчитали: для освещения объектов Олимпиады-80 понадобится не менее десяти тысяч ламп.

...Итак, пройдет чуть больше года, и 19 июля 1980 года все участники XXII Олимпийских игр, а вместе с ними тысячи гостей и миллионы телезрителей, очно и заочно присутствующие на прекрасно освещенном стадионе имени Ленина, прочтут на гигантском световом табло слова, которые дадут старт лучшим спортсменам мира: «Олимпиада-80 открыта!»

Будапешт — Москва.

МЫ—СИНЕБЛУЗНИКИ

КОНКУРС «ОГОНЁК» ЧИТАТЕЛЕЙ
СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

Посылаю вам фотографию времен моей молодости. На ней изображен коллектив синеблузников, организованный в 1927 году при клубе железнодорожников в Чарджоу.

Мы сами подбирали материалы для наших выступлений. Писали частушки, юморески, в которых высмеивали бюрократов, прогульщиков. Костюмы шили девчата, ребята готовили декорации. Много ездили по республике, и нас везде принимали восторженно. Хотя знали, что среди зрителей нередко были и наши враги, мы никогда не унывали.

Сейчас я уже бабушка, у меня три сына и шесть внуков, трое из них служат в армии.

Возможно, кто-либо из моих друзей, изображенных на фотографии, узнает себя и отзовется. (Моя девичья фамилия Тиминская.)

И. ЕРШОВА

Ташкент.

репортаж из нового избирательного округа

НЕРЮНГРИНСКИЕ САМОРОДКИ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Нерюнгри — небольшая река на юге Якутии. Еще недавно она была мало кому известной. Сегодня ее имя носят город, уникальное месторождение каменного угля, ГРЭС—ТЭЦ, строительство которой началось, пассажирская станция на линии Тында — Беркакит, которая вступит в строй уже в этом году... Так здесь начинается формирование первого в Якутии, первого в радиусе БАМа территориально-производственного комплекса...

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Некоторым любознательным иностранцам, посетившим Якутию, очень нравится сказка про господа бога, который, пролетая над республикой, так обморозил себе руки, что нечаянно обронил все свои сокровища. В каждой сказке есть свой смысл. Природа действительно щедро одарила Якутию. Алмазы и россыпи золота, руды черных, цветных и редких металлов, месторождения углей, каменной соли и гипсов, полудрагоценные и декоративные камни, наконец, природный газ, минеральные воды... Чего тут только нет!

Вместе с тем природа оказалась безжалостной к человеку: наделила этот край суровыми климатическими и геолого-почвенными условиями — «вялой» и обычной мерзлотой, высокой сейсмичностью, очень низкими температурами.

Это только иные заезжие сочинители придумывают в стиле золотой клондайкской лихорадки: «В Якутии, мол, 100 километров не расстояние, 100 рублей не деньги, 100 граммов водки не питье, 100 лет не очень большой возраст... для женщины». С той же легкостью описывают они героический труд первопроходцев — этаких бравых парней со стальными мускулами, которым, мол, и море по колено. На подобные литературные упражнения своих соотечественников обратил, в частности, внимание Адольф Иоганн Каргер, профессор Тюбингенского университета (ФРГ). Своим мнением о репортаже, опубликованном в журнале «Шпигель», он поделился с корреспондентом газеты «Социалистическая Якутия»: «Написано так, что у читателя создается впечатление: вот только нагнись, житель Южной Якутии, и, пожалуйста, черпай уголь и золото голыми руками. Почти ничего не сказано о тех невероятных трудностях и колоссальных затратах, на которые приходится идти, чтобы добыть богатства недр».

Столь же далеки от истины и другие обозреватели, когда, впадая в противоположную крайность, стремятся очернить действительность. А на самом деле...

САИМА САФИЕВНА

Она совершенно непохожа на парня со стальными мускулами: очень женственная, слыхала — отзывчивая и добрая и, как я заметила, чрезвычайно приветливая. Кареглазая, с тяжелым пучком темных волос и седой прядкой у левого виска, с приятными, мягкими чертами округлого лица, она располагает к себе с первого взгляда. И именно она, Саима Сафиевна Каримова, почти двадцать пять лет отдала такому неинтересному на непросвещенный первый взгляд полезному ископаемому, как каменный уголь. Ну, если б это были хотя бы алмазы, которые посчастливилось найти Ларисе Попугаевой в Мирном, тогда бы другое дело...

— Обыкновенный? Да вы его, однако, видели? — В голосе Каримовой неподдельное удивление, смешанное с огорчением.— Уголь Нерюнгринского разреза великолепен, чудо! С очень высокой степенью спекаемости. Он способен вбирать в себя частички других, более дешевых углей и давать превосходный металлургический кокс. Его достаточно добавлять для присадки, как добавляют в расплав некоторые компоненты для получения легированных сталей. Очень ценный уголь! Видели бы вы, как реагировали на него японцы!

— Расскажите, прошу вас...

— В шестьдесят восьмом или шестьдесят девятом году, боюсь ошибиться, прилетела большая группа деловых людей Японии, представлявших различные металлургические и угольные фирмы. Когда заседали в Якутске, гости ничем не выдавали своей особой заинтересованности. Но вот они в Чульмане. Повезли их в забой. Сам забой — стена, шапка падает. Наши гости сразу оживились, заговорили, забегали. Отламывают кусочки угля, растирают в ладонях, нюхают, рассматривают пластинки на свет и так и этак. ...А один даже стал пробовать на зуб: так им понравилось. А вы говорите: «подумаешь, уголь»!..

Глаза ее лучились.

— Спустишься другой раз в карьер летом, в жаркий день, и залюбуешься,— продолжала каким-то мечтательным голосом Каримова.— Подует чуть-чуть ветерок — и уголь начинает струиться, будто шелк, будто соткан он из слабых нитей, которые отлетают от него...

А первый раз я встретилась с Каримовой заочно, в Якутске, в краеведческом музее. Там на стенде под стеклом лежат ее личные вещи, как принадлежащие особо уважаемому в республике человеку: нивелир в футляре, с которым она, будучи рядовым, а потом и старшим геологом, отшагала многие сотни километров; ее настольная и походная книга — «Справочник по минералам» П. П. Соловьева с его дарственной надписью; ее в соавторстве с В. Желинским и В. Коробицыным объемистый научный труд, дающий характеристику типам угольных пластов юга Якутии.

— Саима Сафиевна, вы сибирячка?

— Я кончала Казанский университет, проходила практику в северном Забайкалье, а потом в пятидесятом году по распределению попала в Читу. Южная Якутия была тогда «во владении» Читинского геологоразведочного управления. Позже была создана Южно-Якутская комплексная экспедиция. Земля тут суровая и строгая, но и богатая, недостаточно изученная, а это интересно геологу. Временных она не терпит, отметает. Так я стала сибирячкой.

Углем занимаюсь с пятьдесят пятого года. К тому времени была старшим геологом Нерюнгринской партии. Наш крохотный поселок, всего несколько домиков, располагался километрах в сорока от Чульмана, на том месте, где сейчас так называемая старая часть Нерюнгри. Справа от серпантинной дороги, по которой вы ехали, ее тогда не было, там, где сейчас горком партии, стояли наши жилища, а где гостиница, в которой вы живете,— находилась наша камералка и контора, а где магазин — стеной темнел лес, сосны.

Каримова поправила седую прядку, задумалась.

— В нашем распоряжении было всего два буровых станка. Старенькие по современным понятиям «Камы». 120—150 метров проходки в месяц, максимум. Большой разрез, он назван Нерюнгринским, для бурения и сегодня тяжел, он трещиноватый, а тогда с той техникой мы с ним ой-ой как намучились! Теперь удивляюсь, как только мы могли работать! Инструмент заклинивало, он застревал. Раствор уходил в трещины, воды не хватало. Кстати, вода — проблема и сейчас. Буровики стояли, ждали, когда наконец придет водовозка. Сколько мы пробурили тогда канав и подземных разветвлений шахт — затрудняюсь теперь сказать. Одних шахт было больше двадцати... Лето здесь короткое, работали до самых больших морозов.

...И все это свалилось на ее плечи — шахты и штольни в скалах и толщах мерзлоты, которые можно было пройти только с помощью взрыва. Низкие, рваные своды, уступы, тускло освещенные, и женщина. Каска, куртка, брюки и тяжелые сапоги. В руках геологический молоток и нивелир, тот самый, что лежит сейчас в музее. Пятьсот ее женских шагов туда, пятьсот обратно. И под ногами не асфальт — скользкий, с острыми углами, щербатый камень.

Но ни с чем не сравнима радость, когда рука нащупывает маслянисто-черную, пластичную стену! Надо взять образец. Вон уже их сколько за плечами в рюкзаке! Что покажут анализы? Анализы показывают: серы и фосфора очень немного, а это значит, что уголь годится для домен. В такие минуты хочется смеяться и петь! Нерюнгри ты моя, Не-рюнг-ри! Чудесная река! Ради таких минут стоит идти в шахты снова и снова... Тяжелая, неуютная, грязная у геологов и буровиков работа. Прекрасная, благодарная, романтичная работа!

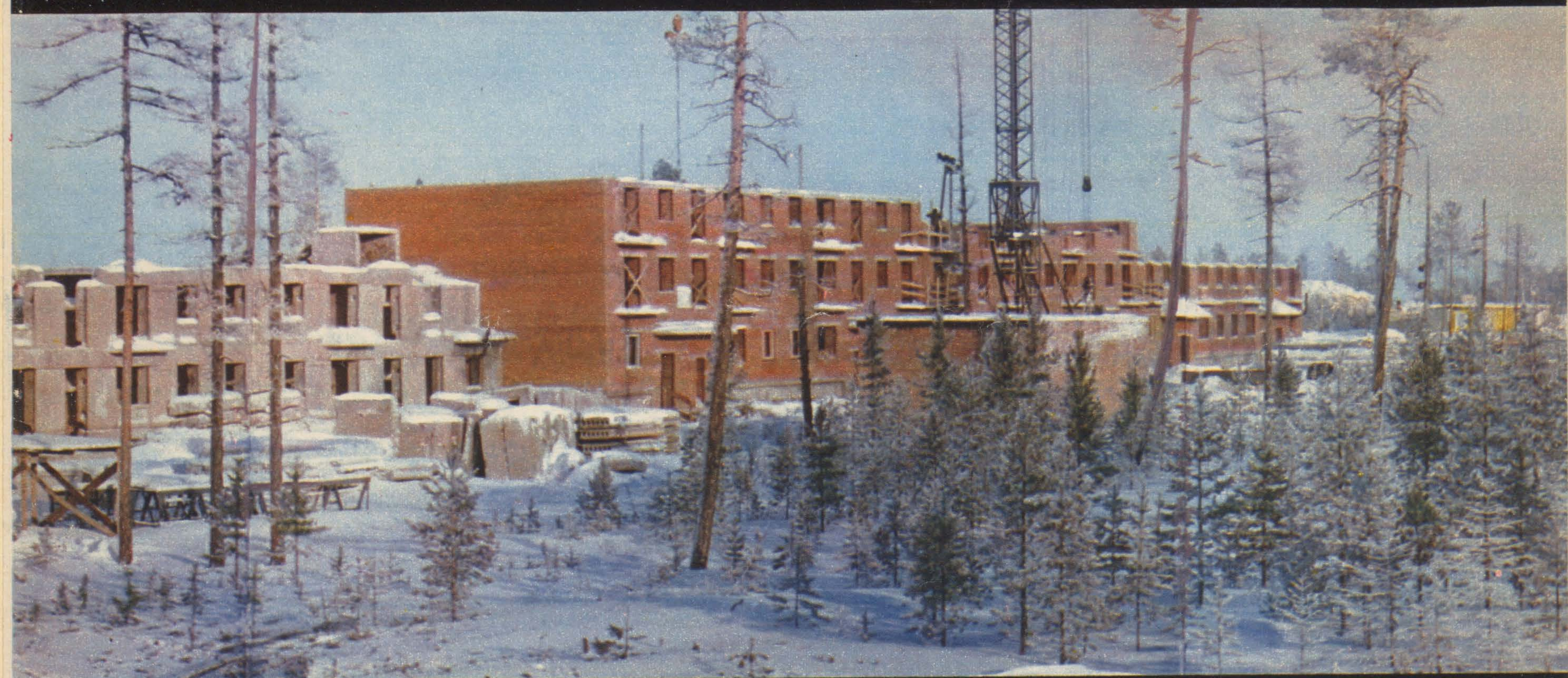
В 1973 году государственная комиссия с оценкой «хорошо», что бывает очень не часто,

Под этой белой землей — черное сокровище Южной Якутии ● Экскаваторщик Петр Котлубовский ● Силуэты новой Нерюнгри ● Людмила Першко: «И музей у нас будет, как в больших городах!» ● Первый домик на сопке.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В угольном забое ● Заслуженный работник сельского хозяйства Якутской АССР Семен Лиханов — первый почетный гражданин города.

СТРОЯТ:

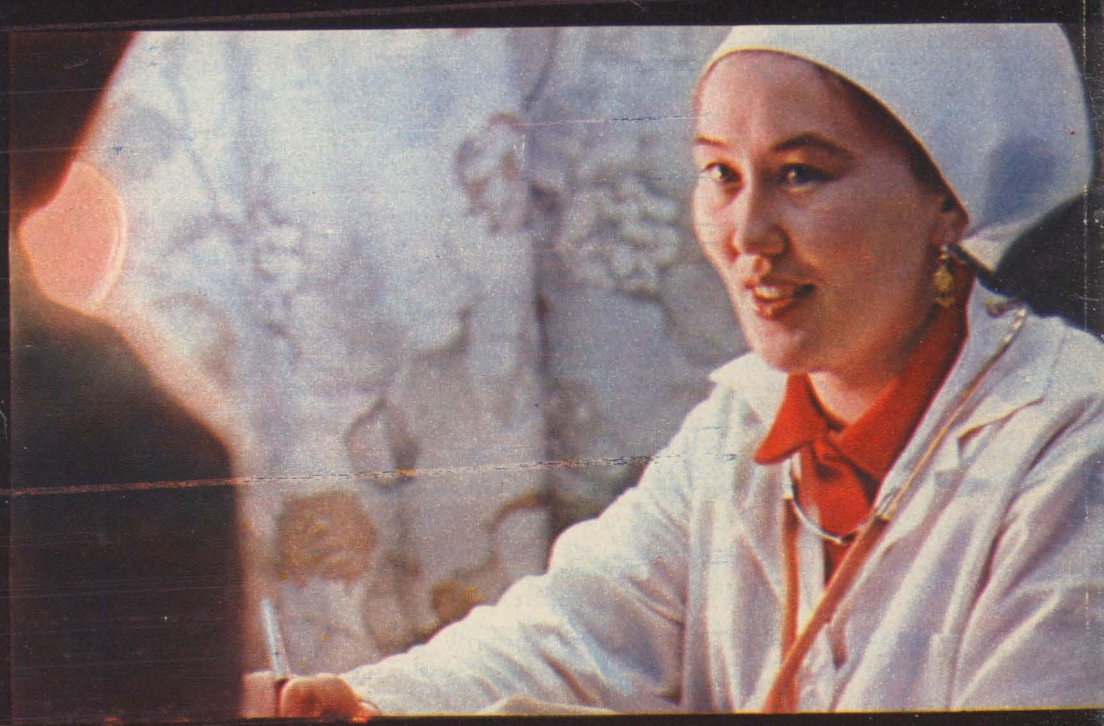

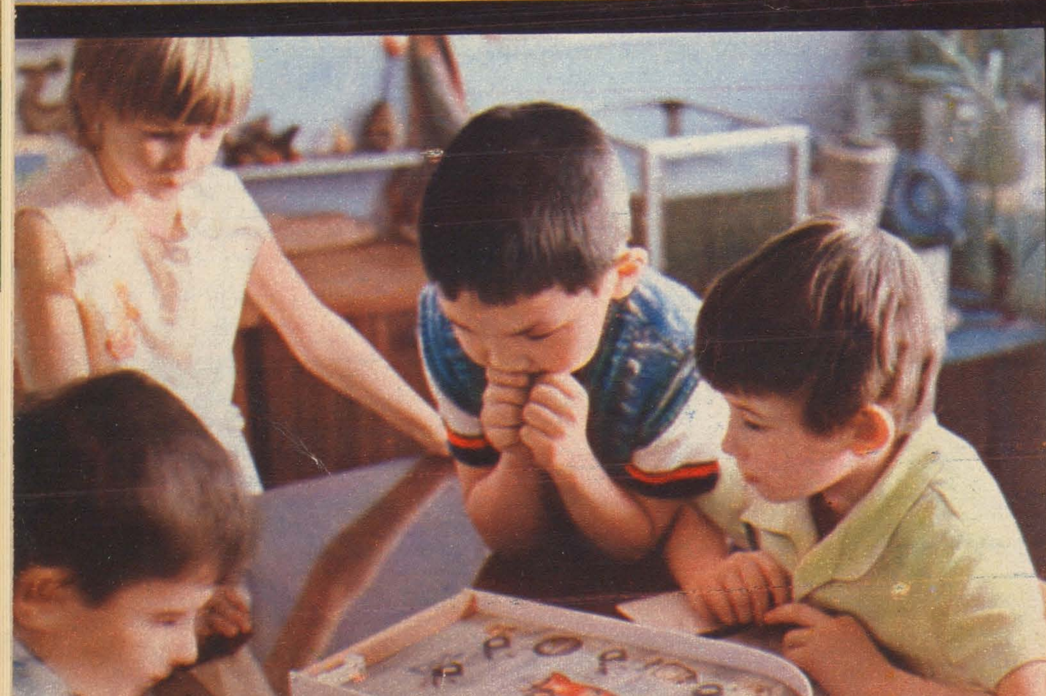

утвердила отчет о разведанных запасах углей в Южной Якутии. Подготовлен был отчет под руководством главного геолога Южно-Якутской комплексной экспедиции С. Каримовой.

— Не думайте, однако, что все время мы занимались только углем,— замечает Саима Сафиевна.— Было время, переходили на другие темы, сворачивали работу партий и лабораторий, их жизнь висела буквально на волоске. Ведь все зависело от того, придет к нам железная дорога или нет. В такие периоды мы искали воду, строительные и облицовочные материалы, минералы, железную руду и жили надеждой, верили, что дорога обязательно должна прийти, что уголь — первый этап, что понадобится много железа и это будет второй этап в истории юга Якутии. А руды тут много и с высоким содержанием железа, и лежит она, можно сказать, прямо на дороге, недалеко от Нерюнгри и в бассейне реки Чары. Там же найден, открыт очень красивый поделочный камень — назвали его чароитом, он нежного сиреневого оттенка. Все у нас есть. Кроме, пожалуй, кирпичных глин и чистых морских песков. Но вот теперь пришел к нам, к самой Нерюнгри, к разрезу, Малый БАМ и пески и глину можно будет привозить из Шимановска.

Как о чем-то не отвлеченном и далеком, а о близком, думает о завтрашнем дне всего ТПК заслуженный геолог РСФСР, Герой Социалистического Труда С. С. Каримова.

ТЕ САМЫЕ ПАРНИ

Пора, однако, на знаменитый разрез и нам. Вырвавшись из туманного плена старой части Нерюнгри, покрутившись влево-вправо, вниз-вверх, мы поднялись наконец на прямую, проспектной ширины дорогу, и вмиг, будто раздвинули занавес, посветлело, стали видны редкие лиственницы по обочинам, встречные и попутные грузовики и самосвалы разных марок: МАЗы, КрАЗы, «магирусы», БелАЗы, даже добрый знакомый ярко-оранжевый КАЗАЗ. И все, которые оттуда, с углем или с породой в кузовах.

— Знаете, где мы едем? — спросил Юрий Александрович Захаров, начальник управления, ведущего горно-вскрышные работы.— Под нами, на глубине десятков, сотен метров,— угольный пласт. Этой дороги и всего того, что вокруг, не будет. Разверзнется чаша, кратер — как хотите. Пока будем подниматься на смотровую площадку, попытаюсь популярнее объяснить, что такое Нерюнгринский разрез. Вот смотрите,— сложил он ладони пригоршней.— Форма разреза эллиптическая, напоминает продолговатое блюдо. Площадь его шестнадцать квадратных километров. Средняя толщина двадцать пять метров, но встречаются и все семьдесят. Представляете себе забойчик, в двадцать пять этажей? Общий «вес» «блюда» 460 миллионов тонн, триста двадцать из них — коксующиеся угли. На таком драгоценном пласте лежит чуть не целая сопка, два с половиной миллиарда кубических метров скальной породы, очень твердой и никому не нужной. Вот ее-то нашему управлению и предстоит убрать. Внимание: отметка 940 метров над уровнем моря. Приехали! — распахнул он дверцы.

Мы стояли, видимо, на макушке вскрыши, на краю обрыва, круто уходящего из-под ног. Окрест лежало белое сверкающее безмолвие. С противоположной стороны кратера графически четко, амфитеатром, бежали вниз уступы. Дальние боковые крылья не просматривались, над ними, как пар над гейзерами, клубился туман.

— Каждый год будет прибавляться по уступу, они как кольца дерева,— энергично продолжал свою лекцию Захаров.— Но под этим пластом угля лежат другие. Прогнозные запасы Алдано-Чульманского района велики. Теперь спустимся пониже, посмотрим, как снимают вскрышу,— привычно объявил он. Чувствуется: не первый раз водит гостей и показывает.

В забое, размахивая восьмикубовым ковшом, как клешней, и легко поворачивая свои охряные бока, «Ижорец» захватывал и сбрасывал громадные валуны в кузова рыжих великанов-грузчиков. Экскаватор обвит трапами, беспрерывно вертится как заводной, и подобраться к нему никак невозможно. Наверху, на высоте по крайней мере третьего этажа, в стеклянной кабине, как в аквариуме, сидит человек. Каким же будет двадцатикубовый или драглайн, которые придут с «Уралмаша»? Вот такие машины и сложены из тех самых стальных мускулов без кавычек, которые необходимы современной индустрии. Что же касается парней, управляющих ими, то их тут много — тысячи. Будет еще больше. Петр Котлубовский, что за рычагами «Ижорца»,— один из них. Немало пришлось нам походить вокруг экскаватора, пока Петр наконец не понял наши знаки, что застыл, мол, объектив и льдом покрылись стекла очков, и не спустился со своей прозрачной недоступности. Петру Дмитриевичу тридцать лет. Как и Захаров, кузбасский он, сын горняка. Образование среднее техническое. «Ижорцем» очень доволен. Надежный и выносливый. Был тут конкурс по профессиям — вышел Котлубовский победителем, но уже появились у него молодые соперники, которые опережают его. Как живет? «Нормально. Отдельная квартира. На днях семья здорово прибавилась — двойня родилась».

А у Анатолия Ивановича Кныша, строящего обогатительную фабрику, побывали дома. Гостей принимать ему не привыкать. Недавно кинооператоры японского телевидения у него чаевничали.

Кныш и на стройке и в городе человек весьма известный—член городского комитета партии, руководит одной из лучших бригад. Все почины от нее да еще от бригады Михаила Алексеевича Михеева, его старого друга, которого называют здесь камазовцем и через черточку вилюйцем. Строил он шесть лет литейный завод для «КамАЗа» и орден Ленина там заслужил. А первый орден Ленина у Михеева за Вилюйскую ГЭС. Там он с Кнышем встретился, в одном доме жили. И вот снова вместе в Якутии, и работают рядом, в одном управлении, и друг с другом соревнуются.

Бригада Кныша предложила выполнить пятилетний план работ к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. Последователей у него очень много. Время покажет, кто выйдет победителем. Во всяком случае, последние два месяца Кныша побивал Михеев. Переходящий вымпел у его бригады, да еще министерская премия. Правда, у Кныша были особые обстоятельства: на сессии в Хабаровске находился, он заочник, учится в Высшей партийной школе. Дочь его Лена, глядя на отца, учится сразу в двух школах: общеобразовательной и музыкальной по классу фортепиано. А сын Сережа в «Угольке», детский сад, что возле дома, пока ходит. Вот так, в трудах и учебе, живет семья Анатолия Ивановича Кныша, рабочего человека из очень молодого города Нерюнгри, что стоит на реке Нерюнгри.

ГОРОД

Если говорить правду, то за все время старой части города толком мы и не видели: лежала она в непроглядных туманах, и мы совершенно тут не ориентировались. Спасибо Владимиру Степановичу Попову, заведующему отделом пропаганды и агитации горкома партии,— он оказался соседом, живет рядом с гостиницей,— который каждое утро чуть не за ручку отводил нас. Мы шли гуськом шаг в шаг, мимо домов; светало, дома возникали неожиданно, как в кинокадрах, наплывом, одни окна и двери. Казалось, что дома подвешены, парят в белой невесомости...

Но однажды нам повезло: город встряхнулся, как бы вырвался на несколько часов из колдовских чар погоды, засияло вдруг солнце, налетел ветер, обжигая лицо тысячами игл. И мы увидели дома в один и два этажа, такие непривычные и больше все деревянные: детские сады со сказочными городками, клуб «Шахтер» и ДК «Строитель» и даже домик с вывеской: «Агентство Аэрофлота». Все чин чином, только непривычно приземистое. В тот день Владимир Степанович оторвался от своих бесконечных горкомовских дел и повез нас на сопку, туда, где среди могучих сосен растет новая Нерюнгри. Тут заложены из панелей, привезенных из Якутска (за восемьсот пятьдесят километров!), первые большие, в несколько этажей дома. Строительной индустрии своей пока нет, она только создается, а пора бы ей быть, и с нее бы угольщикам-обживателям этих мест все начинать!

Стоит в этом парке на перекрестке дорог крохотный домик-теремок, голубой, с резными наличниками, всего в две комнатки, набитые разными реликвиями живой, еще трепещущей истории: треножник для костров, инструмент бамовцев, отсыпавших полотно на Золотинке, берестяная лодка, подаренная эвенками, кристаллы хрусталя, глыба угля и чароит, грамоты, письма и фотографии... Будет музей. Первая его хранительница Людмила Першко, сама она из семьи хорошо известных здесь гидростроителей, все это бережно собирает и хранит до тех времен, когда у музея появится своя площадь. Сам домик взят на сохранение, с него начался в 1975 году новый город на сопке.

Но кто может знать историю города так, как первый секретарь горкома КПСС Иван Иванович Пьянков?

— Под самый праздник, 6 ноября 1975 года, вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о преобразовании поселка Нерюнгри в город республиканского (АССР) подчинения. С этого все и началось. Первый десант партийных и советских работников, направленных обкомом партии, высадился на землю Нерюнгри 11 ноября. Молодой в основном десант, много вчерашних комсомольских работников. Я сам считал себя молодым, когда работал в Якутске секретарем горкома партии, а тут обнаружил, что оказался в горкоме старше всех. Разворачиваться надо было немедленно: через десять дней первая городская партконференция, через месяц — выборы в городской Совет народных депутатов. А земля-то у нас вон какая!

Пьянков обвел на карте вытянутый вдоль Станового хребта по границе с Амурской областью прямоугольник с точкой Нерюнгри внутри и ломаной линией БАМа.

— Девяносто три тысячи квадратных километров! Больше Португалии, намного больше Австрии. Такова нерюнгринская территория. Тут пять рабочих поселков: Серебряный Бор, Беркакит, Чульман, Золотинка и Нагорный — все, кроме Чульмана, стоят на Малом БАМе, два сельсовета, четырнадцать населенных пунктов.

Как видите, все в нашем городе связано с БАМом.

— Не город — страна Нерюнгрия. Это и есть избирательный округ № 699, впервые созданный по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР?

— В округ входит еще Олекминский район. Территория Южно-Якутского ТПК еще больше, включает Алданский район. Итак, что же появилось нового у нас от выборов до выборов в Верховный Совет СССР? БАМ и почти все остальное, что вы видели. Благодаря БАМу развивается Южно-Якутский угольный комплекс. Его не было. А теперь конкретно. 1974 год. Город Нерюнгри — маленький горняцкий поселок. Шестьсот человек, одна начальная школа, одна пекарня, один здравпункт, в котором фельдшер Пушина лечит от всех болезней. Она и сейчас работает — главная медсестра поликлиники. Строятся новый лечебный комплекс и больница на пятьсот мест. У нас одиннадцать средних школ, четыре музыкальных, одна спортивная. За последние три года открыто одиннадцать клубов и красных уголков. Растем! У нас свои точки отсчета. Незадолго до открытия XXV съезда КПСС был взят первый ковш породы на строительстве разреза Нерюнгринский. 26 октября, накануне шестидесятилетия комсомола, по БАМу был отправлен первый эшелон угля. Праздником станет день получения первого эшелона коксующихся углей... Наши замечательные люди все делают для этого.

Подумалось: богаты недра Южной Якутии, хранящие редкие дары природы. Но настоящие самородки здесь — это люди, с которыми нам довелось встретиться.

Этот «Детский мир» не в Москве — в Беркаките ● По этим трубам в дома придет тепло ● Александра Атласова, врач городской поликлиники ● В «Угольке» всегда весело ● Смена кончилась...

ЭТОТ МИР

Людмила ЩИПАХИНА

ВСТРЕЧА

Взгляд непристален.
Шаг не трепетен.
Просто случай...
Короткий миг.
Но неслышно,
Как песня лебедя,
Тонкий звук
В пространстве возник.

Не зажглась звезда.
Не растаяло.
Чуть повеяло
По лицу...
Словно бабочка
След оставила
Над травинкой,
Стряхнув пыльцу.

Ни любви,
Ни тоски,
Ни устали.
Ни враждебности,
Ни родства.
Только медленное
Предчувствие
Отдаленного
Торжества.

МОЯ СВОБОДА

Меня моя свобода опекает.
Потворствует капризам. Развлекает.
Сознанью льстит. И более того:
Дает душе завидные уступки.
Оправдывает странные поступки.
Стоит у изголовья моего.

И как не оценить такой заботы!
И быт забыт. И черной нет субботы.
И вольно и надежно в каждом дне.
Моя свобода платит мне не скупо.
Чтоб только я не вырвалась из круга
Той щедрости, замкнувшейся на мне.

Чем я к себе свободу привязала?
Что совершила или что сказала?
И следует ли вывод из того,
Что мне для счастья, для земного блага
Достаточны чернила и бумага,
И более не надо ничего?

•

Хоть на ниточке тонкой виси,
Никогда ничего не проси.
Дождь отыщет иссохшую сушу,
Сам родник изольется наружу,
Сам завистник увязнет в грязи.
Никогда ни о чем не проси.

Сердобольны сердца на Руси.
Все равно, ничего не проси.
Разве просит о свежести воздух,
Ночь — о неге и небо — о звездах,
Разве просит телега оси?
Так и ты: ничего не проси.

Жизнь летит — то спирально, то кругом.
Все твое — при тебе, по заслугам.
Этот счет по-бухгалтерски строг:
Сложим свойства — получим итог.
Что имеешь — достойно носи.
Никого ни о чем не проси.

Если слаб ты — язык прикуси,
Все равно ничего не проси!
Разве компаса просит дорога,
Просек — лес
Или речка — порога?
Трактор — топлива,
Лайнер — шасси?
Так и ты ничего не проси.

Что положено — сам обретаешь.
Сам торишь,
И творишь,
И летаешь.
Сам себя расточаешь и тратишь.
Сам с лихвою за промахи платишь.
Песни пой или баржи грузи —
Ничего никогда не проси.

От досады хоть ногти грызи,
Никогда никого не проси,
И увидишь, как щедро, до края,
Выльет душу округа родная,
Друг приветит, приятель поможет,
Загорится звезда в бездорожье,
Вспыхнут добрые блики зари.
Ничего не просивший — бери!

ЭТОТ МИР

Все, что было,
Я не забыла.
Отболела.
Отблагодарила.
Поклонилась
Той звезде скупой.
Что ношу в душе
И что носила,—
Я за все ответила.
Спасибо!
Мне ли
Опечалиться судьбой?

О любви неверной
Не тоскую.
Как и прежде,
Маюсь
И рискую.
Умыслов коварных
Не плету.
Кубок жизни
Не испит до края.
Но судьба проносится,
Сгорая
Раскаленной искрой
На лету.
Гул и трепет
Вечного движенья.
Вечные надежды
И крушенья.
Бесконечный
И беспечный пир.
Ничего еще я в нем не спела.
Ни к чему привыкнуть не успела.
Только б жить
И видеть этот мир!

ДОБРОЕ СЛОВО

Среди невезенья иного,
Среди невеселого дня
Скажите мне доброе слово,
И слово утешит меня.

Рожденное бо́льшим, чем звуки,
Прозрачней, чем пар изо рта.
Мудрее законов науки
Святая его чистота.

Прошу я не хлеба, не крова.
Надежней и проще всего:
Скажите мне доброе слово,
И я оправдаю его.

Вспорхнет оно бабочкой алой,
Взметнется лучом впереди.
Не стоит и малости малой
Исторгнуть его из груди.

Средь явного счастья земного,
Средь благ, что лелеет душа,—
Нет искренней доброго слова,
И этим судьба хороша!

Счастливей, чем счастья подкова.
Дороже, чем горечь добра.
Спасибо за доброе слово.
Спасибо за слово добра.

На струнах унынья былого
Пускай зазвучит торжество!
Скажите мне доброе слово,
А я преумножу его.

БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН

Берегите, женщины, мужчин!
Есть на это тысячи причин:
Их предрасположенность к износу,
К алкоголю, к атеросклерозу...

Женщины, учитесь привыкать
Понимать мужчин и опекать.
Понапрасну их не раздражайте,
Стряпайте,
Работайте,
Рожайте!

Чтоб мужчина вдруг не занемог,
Упрекать его — не дай вам бог!
Выводы науки не напрасны:
Перегрузки для мужчин — опасны.

Знайте, с медицинской точки зренья
Подрывает силы их — куренье,
Изнуряет хуже, чем повинность,
Гипокинезия — неподвижность...

Берегите, женщины, мужчин!
Да пребудет худшей из кручин
Тот ваш принцип жизненный, который
Не послужит для мужчин опорой.
И чутки к ним будьте и добры.

Ведь мужчины — хрупкие миры.
Их короткий век не сокращайте:
Уступайте!
Слабости прощайте.

Не шепчитесь горестно с подружкой,
Мол, мужчинам шьют сорочки с рюшкой...
Не ведите недостойно речь,
Мол, у них и волосы до плеч...

Это все понятно!
Все нормально!
Мода, как известно, социальна.
Так что откликайтесь на почин:
Берегите, женщины, мужчин!

ПОСЛЕДНИЕ МУЖЧИНЫ

Последние мужчины —
Поэзия средь прозы,—
Ввергая в изумленье,
Еще нам дарят розы.

Не ведая корысти
И не во имя весте,
Последние мужчины
Нам уступают место.

И не застольным тостом,
А просто без причины
Нас греют добрым словом
Последние мужчины...

Чтоб снять пред ними шляпу
И уступить дорогу...
Последние мужчины
Есть в мире, слава богу!

И пусть вокруг немало
Коллег, сограждан славных,—
Последние мужчины
Себе не знают равных!

Дай бог им лет предолгих,
Осенних дней и летних!
Последние мужчины —
Друзья не из последних!

Светлы их юбилеи,
Горьки их годовщины.
Все реже рядом с нами
Последние мужчины.

Все резче их морщины,
Безжалостней природа...
Последние мужчины
Из рыцарского рода.

ОДНОМУ КРИТИКУ

Он сказал: «Боже мой, Вы так мало успели!
Знаменитой не сделались, не преуспели...
В ваши годы! Помилуйте, это опасно
Прозябанье тянуть...» Я сказала:
«Прекрасно!»
Он сказал: «Вы себе занижаете цену.
Вы ленивы и склонны к унынью и плену.
Я за Вами слежу, как приставленный лично.
Вы не слишком упорны!» Я сказала:
«Отлично!»
Он сказал: «Для чего разговоры пустые?
Вы понять не умеете вещи простые:
Вам пора восходить! Я волнуюсь ужасно!
Я готов Вас учить...» Я сказала:
«Напрасно!»
Он сказал: «Ну, тогда как хотите живите!
Я влиять не намерен на Ваше развитье.
Как хотите пишите, чем хотите дышите,
Я от Вас удаляюсь». Я сказала:
«Спешите!»

ОТЗВУК

Огонь недобрый затая,
Я отвернулась. Ты вернулся.
Воспрянул из небытия
И в неизбежность обернулся.

Твое присутствие томит.
Что затеваешь в мире этом?
Какой еще ты примешь вид?
Каким прикинешься предметом?

Листом бумаги на столе?
Карандашом? Дождем случайным?
Цветком на каменной скале?
Лучом прощальным и печальным?

Чем ты еще меня смутишь?
Вернешь ли словом день прошедший?
Расколешь трубным кличем тишь?
Иль что-то на ухо прошепчешь?

Чем с толку ты меня собьешь?
Каким изысканным сужденьем?
Какую ложь изобретешь?
Каким прорвешься наважденьем?

Ах, на какую из дорог
Меня волной твоей прибило?
Уж я споткнулась о порог.
Уж я косынку обронила...

И ты, витающий вокруг,
Уж поджидаешь верный случай.
Уж над судьбой сужаешь круг,
Как коршун, зоркий и везучий.

Мне промахов своих не счесть.
Уж я не тщусь поймать удачу.
Все, что в подлунном мире есть,
Возьми! И жизнь мою в придачу.

Е. Н. ГОГОЛЕВА ИГРАЕТ МАМУРЕ

Фото И. Галанюка

Как-то случается за последние годы, что театр — даже если в этот день на сцене премьера — перестает быть праздником, радостью для зрителя. Все чаще и чаще перед людьми, сидящими в зрительном зале, разыгрывается нечто вроде шарады, таинственную, а порой и двусмысленную суть которой им предоставляется право разгадывать на протяжении последующих дней: в свободное от работы время... Режиссеры (особенно молодые) прямо-таки соревнуются в том, кто больше этих загадок загадает зрителям; вот и превращается спектакль из прекрасного и таинственного чуда искусства в напряженную умственную работу, к тому же, увы, чаще всего неплодотворную.

Зато какой же благодарностью наполняются сердца, какой шквал искренних, от души идущих аплодисментов обрушивается на сцену, когда мы становимся свидетелями торжества подлинной театральности на театре; когда сопереживаем, ощущая свободное, ликующее актерское творчество.

И вот — «Мамуре»... На новый спектакль Малого театра «лишние билетики» спрашивают уже в метро... И огорченные люди — оставшиеся у входа, но все еще надеющиеся,— долго не расходятся даже после начала спектакля, хотя, казалось бы, немудрящая пьеска Жана Сармана вовсе не заслуживает столь бурного успеха. Но дело не в пьесе, а в том, что заглавную роль Мамуре, как ласково называют в родном местечке стошестилетнюю Селину Муре, играет Елена Николаевна Гоголева. Играет озорно и весело, легко и изящно, умно и точно, окрашивая поступки своей героини то остро социальной иронией, то нежным, чуть грустным лиризмом. И, отвечая актрисе, переполненный зал взрывается бурей непредвиденных среди действия аплодисментов либо взволнованно замирает, боясь пропустить слово, жест, вздох Гоголевой — Мамуре.

Наверное, это можно назвать актерским счастьем. Среди множества не греющих душу произведений попалась пьеса, не лишенная в своей основе чистой и благородной мысли, с долей социальной остроты и хорошим комедийным зарядом. Но в спектакле есть еще и режиссура (Б. Львов-Анохин), и стройный ансамбль, слаженно аккомпанирующий ведущему солисту и представляющий собой не толпу, не массу, а множество ярких индивидуальностей; тут целая галерея типических характеров, вызывающих смех или возмущение, сочувствие, жалость...

До ста шести лет дожила Селина Муре. Но лишь в дни далекой молодости познала мимолетное счастье истинной любви, не омраченной коммерческими расчетами. А все остальные, мучительно долгие годы слышала она вокруг себя только одно слово «капитал» да шелест пересчитываемых банкнот... Досужие внуки и правнуки Мамуре собираются даже ее самое превратить в некое коммерческое предприятие, считая, что старушка давно выжила из ума и ею можно распоряжаться, как куклой. Но только они жестоко ошибаются, думая, что их клан убил живую душу Селины. Когда в образах ее любимой правнучки Фифины (Е. Глушенко) и циркача Франкера (В. Соломин) вдруг как бы оживает собственная молодость бабушки Муре,— с какой же энергией, изобретательностью и неубитой силой чувства бросается эта старая женщина на помощь юным любящим сердцам!.. И ведь она побеждает в неравной, казалось бы, схватке!..

Е. Н. Гоголева проживает многогранно жизнь своей престарелой героини, переходя от почти полного безразличия — на грани угасания души,— до нового прекрасного взлета, открывающего богатейший, поистине неисчерпаемый внутренний мир героини, который никому не нужен в обществе наживы и чистогана.

...В белых струящихся одеждах, с прекрасным лицом камеи, Мамуре — Гоголева полулежит в глубоких креслах. И эта величественная фигура, это красивое, строгое лицо героини излучают внутренний свет личности самой актрисы.

Н. ТОКАРЧУК

Прощай, не та Америка

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА 8

Лестер принадлежал к числу тех американцев, которые явились порождением так называемого американского века. Первый признак раскола между ними, как я заметил, проявился не столько в их спорах, а в том, как они отнеслись к преследованию профессора Ф. О. Маттисена, дело которого тогда послужило сигналом для начала «охоты за ведьмами», а через несколько лет и причиной самоубийства самого профессора.

Я мало знал этого ученого. Он был маститым профессором кафедры английского языка и литературы в Гарварде, а я — безвестным молодым пришельцем. Но Пип и Террада знали его хорошо. Для меня вся эта история началась в тот день, когда я работал у профессора Теодора Спенсера в одной из двух маленьких пыльных комнат напротив гарвардских главных ворот. Комнаты эти были расположены на втором этаже, над магазином готовой одежды, и здесь профессор давал консультации своим студентам.

Тэд Спенсер предоставил мне возможность пользоваться своим кабинетом, и я сидел задумчиво у окна, когда услышал из соседней комнаты взволнованный голос одного из студентов. Он говорил Спенсеру:

— Слушайте, профессор, неужели правду говорят, что Маттисен коммунист? Вернее, что он дает всему марксистскую трактовку? Я хочу знать, верно или неверно то, что он говорит о Драйзере. Мне бы хотелось знать, прежде чем перейти на курс его лекций.

Мне было интересно, что ответит Тэд. Спенсер сам занимался эпохой королевы Елизаветы. Но вообще-то он был другом всех поэтов и писателей, независимо от их политических взглядов. Он только что возвратился из Флориды, куда был послан министерством юстиции для вынесения окончательного решения по вопросу о том, находится ли Эзра Паунд в здравом уме. Паунд обвинялся в предательстве и под строгим конвоем был доставлен в Америку. Во время войны Паунд находился в Италии и выступал в радиопередачах, прославляющих итальянских фашистов.

— Эзра сейчас абсолютно в том же самом состоянии ума, в каком он был всегда. Это говорит о многом, поскольку сам он никогда не претендовал на то, что обладает хотя бы крупицей здравого смысла. И если он в свою защиту хочет выдвинуть свою умственную неполноценность, то я его поддержу,— говорил Спенсер.

И это сказано в отношении Эзры Паунда, который обвинялся в том, что он фашист. Поэтому мне было интересно узнать, что Спенсер скажет о Маттисене, которого обвиняли в том, что он марксист, а следовательно, коммунист и личность, представляющая опасность.

— Меня бесполезно расспрашивать о моем коллеге профессоре,— услышал я ровный голос Спенсера.— Я могу вам давать советы только о своем собственном курсе. И больше мне подобных вопросов не задавайте.

— Да, но я просто думал, что вы можете хотя бы подсказать...

— Никаких подсказок, никаких комментариев, никаких советов. Вам самому придется решать вопрос о лекциях профессора Маттисена.

Меня не удивил этот разговор, потому что Гарвард тогда был переполнен молодыми полузрелыми людьми, хотя они и были вполне сформировавшимися солдатами. Они заполняли все кафе и вели возбужденные разговоры о жизни; вопрос стоял об их будущем, и они не хотели ошибиться в выборе направления для своего дальнейшего интеллектуального развития. Но директивы, исходящие в этом отношении от руководства, представляли собой нечто иное. Для тех, кто задумывался об этом, дело Маттисена означало значительно больше, нежели тревога о неопределенном будущем тысячи молодых голодных людей. Для тех из нас, кто знал профессора Маттисена, этого мягкого тщедушного человека, настоящего ученого и убежденного педагога, мысль о том, что он может оказывать опасное влияние, казалась не только неправдоподобной, но жестокой и глупой. Слухи же эти распространялись. А откуда это пошло и что происходило — понять было трудно. Сам Маттисен смутно понимал, что на него ведется атака. Студенты это знали, не говоря уж о Пипе и Терраде.

Может быть, из этого ничего бы и не произошло, кроме их обычного спора, если бы Пип не встал в позу. Был конец недели. Пип и Джуди приехали в Бостон встретиться с одним издателем, который хотел, чтобы Пип написал книгу о политике Америки в отношении Китая. Мне кажется, Пип все-таки хотел, чтобы с ним считались в кругах гарвардской аристократии. Во всяком случае, он останавливался всегда у одного профессора с кафедры восточных языков, жившего на Линнеан стрит, через несколько домов от нас. Что делал на этот раз Лестер в Кембридже, я не знаю. Он всегда появлялся с важным, я бы сказал, загадочным видом, будто между ним и профессорско-преподавательским составом Гарварда существовала какая-то полутайная связь, сущность которой обсуждать не следовало,— не в пример Пипу, который всегда делал что-то обыденное и простое, едва ли заслуживавшее внимания.

Айлин приготовила один из своих великолепных ужинов — великолепных потому, что мы не могли устоять перед обилием продуктов, которые увидели в Америке после недоедания в годы войны у себя дома. Она была большой любительницей стряпать, а Пип и Террада были большими любителями поесть. Поэтому они набросились на стол с двух концов, будто хотели разом все уничтожить. «Повар» был доволен, а мы сидели счастливые, хотя на улице разыгралась снежная буря с грозой, и мы, подбежав к окну, видели, как огненный шар взметнулся от здания школы напротив.

Вопрос о Ф. О. Маттисене был затронут наряду с другими проблемами, касающимися Гарварда. В их числе — местные сплетни, соперничество между преподавателями и вопросы политики, проводимой нашим руководством. Пип сказал, что его издатель знал о долголетнем интересе Маттисена к творчеству Драйзера и хотел переманить его к себе, с тем чтобы опубликовать его работу.

— Только сумасшедшие могут это сделать,— сказал Лестер.

— Почему? — удивился Пип.

— Потому что Маттисен стал копией Драйзера. И сам в этом признается. Его позиция явно отразится на цвете книги и дискредитирует самого профессора.

— Но, бог мой, почему же это должно его дискредитировать? — настаивал Пип.

— Драйзер был коммунистом,— сказал Террада.

— Ну и что же?

— А то, что Матти является преподавателем, Пип. Он должен вести себя с большей ответственностью.

— А в чем дело, разве он плохой преподаватель?

— Дело не в этом.

— Ой, ой и еще раз ой! — произнес Пип.— В чем же дело?

— Матти в плену своих политических убеждений слишком далеко заходит. Он должен держаться вне политики.

— Держаться вне политики — тоже своего рода политика. Суть дела от этого не меняется.

— Но здесь на карту поставлены основные наши принципы,— взревел Террада.— Причем принципы академического характера.

— Какие это академические принципы?

— Должен быть какой-то предел для преподавательской деятельности, чтобы она не выходила за рамки того, что им поручено делать, то есть учить,— пробормотал Террада. Весь его вид выражал какую-то озабоченность и тревогу. Он стал очень серьезным.

— Это самая чудовищная вещь из всего, что я слышал со времен процесса Скопса, начавшего преподавать эволюционную теорию в школе,— сказал Пип.— О каких пределах ты говоришь? Кто должен определять эти пределы? Это не соответствует демократическим принципам, это не по-американски, Лестер.

— Не говори глупости, Пип,— вмешалась Джуди.— Лестер прав, Матти должен вести себя осторожнее. Это и все, что хочет сказать Лестер.

— Чтобы нападать на Матти, нужны более веские доводы,— холодно произнес Пип.

До сих пор спор носил более или менее академический характер, если пользоваться языком метафор. Мы провели хороший вечер. Айлин была очень любезна с Джуди, и Джуди, несмотря на все старания, так и не удалось вступить в схватку с Айлин, тонкая кожа которой становилась непробиваемой, как только кто-то пытался уязвить ее.

Несколько дней спустя совершенно случайно Пип, Террада и я встретились в Гар-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—9.

вардском клубе. Я обедал с Тэдом Спенсером, поглощая бифштекс из конины больше из-за бравады, чем из-за того, что это мне нравилось, а Пип и Террада обедали отдельно, но потом присоединились к нам. Мы поговорили о профессорах, сторонниках политики «нового курса», которые в свое время поспешили в Вашингтон на помощь Рузвельту, а теперь потихоньку возвращались в колледжи. Тут Пип сказал:

— Смотрите, вон там за столом в одиночестве сидит Матти. Не пригласить ли его к нам?

Это звучало не как вопрос, а как предложение. Тут меня удивил Террада, который откинулся на спинку стула и сказал:

— Я бы не стал это делать на твоем месте.

Пип тоже удивился:

— Что ты, собственно, хочешь этим сказать? — спросил он Терраду.

— Я просто не хочу с ним обедать — вот и все.

— Ты хочешь сказать, что находишься на государственной службе и не желаешь, чтобы тебя видели в его обществе?

— О'кэй, я действительно нахожусь на государственной службе и не хочу, чтобы меня видели с ним. Да и тебе не следует.

— Христа ради,— воскликнул Пип, взяв в руки тарелку и отодвинув свой стул.— Если мы не можем пригласить его к себе, то я пойду к нему.

Я пришел обедать со Спенсером и ждал, как поступит он. Он не тронулся с места. Его этот разговор не касался, и он спокойно мог оставаться в стороне. Лестер, Спенсер и я закончили обед с несколько испорченным настроением. Уходя, Лестер прошел мимо Пипа и Матти, не сказав им ни слова. Спенсер поздоровался с Матти и перебросился несколькими словами, а я подсел к ним, чтобы выпить еще чашку кофе.

Я не знаю, понимал ли Маттисен, что происходит. Он был человек тихий и вежливо слушал Пипа, говорившего о том, что род Анны Болейн оказал серьезное влияние на Англию времен Тюдоров.

— У нас совершенно недооценивают влияния рода Болейн при дворе Генриха Восьмого,— говорил Пип.— Они хотели абсолютной неконформистской реформы церкви и государства, и если бы Анна прожила подольше, то реформация в Англии была бы более радикальной, за что, собственно, Генрих и отрубил ей голову. Он сам не хотел заходить так далеко.

— Реформация не могла зайти дальше в те времена,— говорил Маттисен.— В конце концов понадобилось еще сто лет, чтобы народная оппозиция проявила себя в Англии.

— Потому что у нее не было ни конкретной цели, ни руководства,— ответил Пип,— что тайком и хотели создать Болейны.

Они продолжали разговаривать, пока не остыл кофе. Потом мы попрощались с Матти, и когда шли через площадь, покрытую голубоватым снегом, Пип со злостью сказал:

— Интересно, почему эти подлецы так боятся Матти. Он ведь даже не марксист, черт возьми. Что, впрочем, тоже не должно играть никакой роли. Все, в чем заинтересован Матти,— это в доброй старой американской традиции, допускающей наличие социальной критики в романах. И если они пытаются его подловить на этом, Кит, бог знает, чем все кончится. В один прекрасный день нас начнут сажать за решетку за чтение Джека Лондона и даже за Марка Твена.

— Ну, не так все страшно,— сказал я, подбадривая его.— По крайней мере пока еще.

— Не будь так чертовски уверен,— мрачно сказал Пип.— Чем больше я нахожусь в Вашингтоне, тем мне становится страшнее. Я думал, в колледжах атмосфера лучше. Но, судя по всему, здесь идет тот же самый процесс, и это пугает меня еще больше.

— Авторитеты всегда находятся под угрозой,— сказал я, пожав плечами.

— Да...— сказал Пип.— Со стороны таких, как Лестер.

Казалось, этот инцидент не очень повлиял на их отношения. Весь ноябрь и декабрь мы виделись с Джуди, и с Пипом, и с Террадой, когда они приезжали в Кембридж. А один раз мы поехали в Вашингтон и остановились в гостинице, принадлежащей тетушке Фелис, недалеко от квартала, где они жили. У нас с Айлин тогда еще не было детей. И мы много возились с маленьким Лестером, который был молчалив и недружелюбен. Ничем не похож на Пипа, за исключением его редко мигающих глаз.

— Когда он вырастет, то будет похож на Лестера,— сказала Айлин.— Такой же напыщенный.

Айлин трезво оценивала всех троих и пыталась меня убедить, что все они больше похожи на соперников, чем на друзей.

— Глупости,— отвечал я.— Они только кажутся несколько странными (конечно, речь шла не о внешнем их виде), потому что между ними стоит Джуди. А Пип и Террада ведут себя так, будто ее и не существует.

— Ты глубоко ошибаешься,— сказала она.— Именно Джуди и держит их вместе. Она повозка, а они две лошади в одной упряжке.

— Не суди их строго, ведь они все-таки мои друзья.

— Тогда не сентиментальничай по поводу их,— отвечала Айлин.— Пип прекрасно знает, что происходит, но ничего, кажется, не может изменить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он знает, что он лошадь в упряжке,— сказала Айлин.

— Он вовсе не ведет себя, как лошадь.

— Ведет, и еще как. Он идет туда, куда направляет его Джуди. Он приятный человек, Кит, но характер у него слабый.

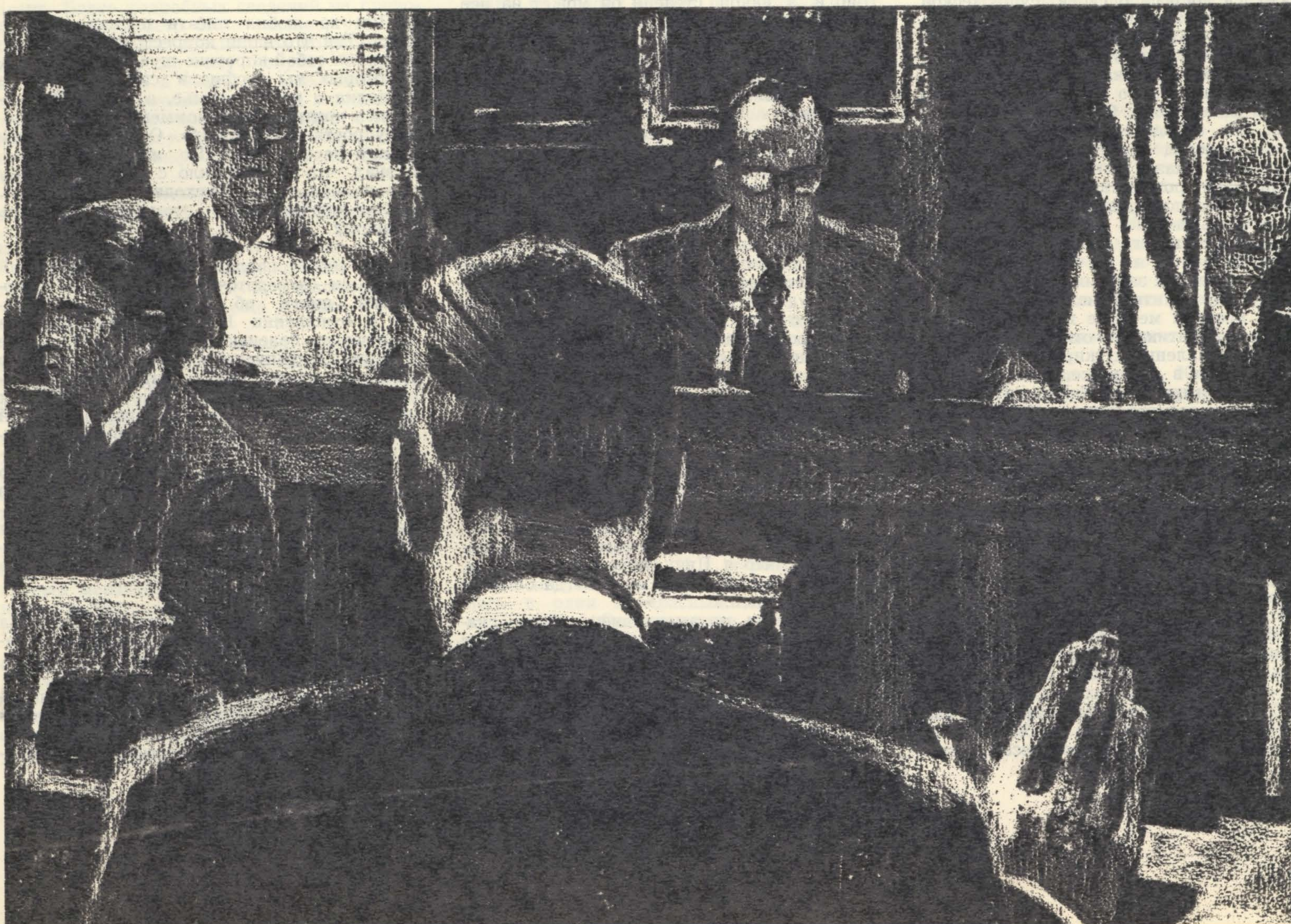
— Ну, а как насчет Лестера?

С Лестером та же самая история.

— В таком случае, это две слабые лошади, пытающиеся бежать в разных направлениях,— подчеркнул я.

— О, Пип иногда выходит на свою собственную дорожку. Но Джуди тут же возвращает его обратно. Эйми мне говорила, что когда он один, то это совсем другой человек. Но я без Джуди и Лестера его никогда не видела. Так что не могу судить. Возможно, она и права.

Тут я и сам вспомнил, что больше пяти минут я Пипа одного никогда не видел. Я рассказал Айлин о том, что произошло в Гарвардском клубе. На нее это произвело значительно меньшее впечатление, чем на меня. Фактически я стал смотреть на эту троицу подозрительным взглядом зеленых глаз Айлин, и мне было жалко Пипа. Лишь изредка становился он вновь проницательным аналитиком, демонстрирующим свою

удивительную способность проникать в глубь вещей. Айлин сказала:

— Посмотри на его глаза. В них печаль.

И действительно, это так и было. Возможно, такое ощущение появилось потому, что Пип замкнулся в себе. Он, должно быть, сознательно низвел себя до такого положения, чтобы не выделяться ничем среди людей своего круга. Он носил тонкие галстуки и брюки дудочкой, и этого Пипа можно было представить сидящим в своем вашингтонском кабинете, просматривающим разные документы, составляющим отчеты и обедающим со своими коллегами, держа свое мнение всегда при себе, как и положено любому добропорядочному правительственному служащему. Но время от времени он прорывался, и тогда рассказывал обо всем этом с налетом легкой издевки.

— Старина Кит,— сказал он мне тихо, когда мы шли в пятидесяти метрах позади Айлин, Джуди и Лестера по Линнеан стрит.— Твоя беда в том, что ты говоришь мало. Тебе следует взять пример с Лестера, которого ты только что слышал.

Лестер говорил нам за обедом о том, что Соединенные Штаты не только будут сохранять свои войска в Европе, но должны оставаться там по крайней мере пятьдесят лет, и не просто для того, чтобы сдержать распространение коммунизма, но и чтобы ослабевшая Европа могла опереться на этот моральный хребет, который сама она уже утратила.

— Я ожидал, что именно ты вступишь с ним в спор,— сказал я Пипу.— В конце концов ты работаешь с правительством, ты эксперт.

— Не будь таким дьявольским циником,— сказал мне Пип со своей обычной старой манерой подкалывать.— Все, что тебе следовало бы сделать,— это напомнить о тех днях, когда он выступал так решительно за то, чтобы Соединенные Штаты держались подальше от Европы. По существу, подальше от всего.

— Почему же ты ему не напомнил об этом?

— Я больше никому и ни о чем не напоминаю.

— Почему же?

— Семейное счастье, Кит, зависит иногда от плохой памяти.

Это было единственный раз, когда он както коснулся вопроса о своей супружеской жизни, и я не стал его расспрашивать, ибо не хотел нарушать собственный принцип — знай лишь свое дело. Я понимал, что если бы он хотел мне что сказать, то сказал бы.

Все это было верно и в отношении его работы в Вашингтоне. Он никогда о ней не говорил, за исключением одного случая, когда мы наконец остались одни в Устричном баре. Он сказал мне, что собирается в Китай после рождества и, по-видимому, это будет его последняя поездка по заданию правительства.

Когда я спросил его почему, он ответил:

— Потому что я не знаю, будут ли у меня вообще еще задания. Ты не можешь разрабатывать политику, исходя из того, что есть. По крайней мере не в эти дни. Американская политика в отношении Китая находится в маленьких жирных руках китайского лобби в конгрессе, которое стоит за генералиссимуса Чан Кай-ши. И весьма скоро все это попадет в руки Комиссии по антиамериканской деятельности. Так что просто не остается места для тех, кто в действительности знает, что происходит в Китае.

— Но что именно происходит в Китае, Пип? — спросил я.— Ты никогда не рассказываешь об этом.

— Коммунисты наступают. Что еще?

— Не тебе ли надлежит попытаться их остановить?

Пип засмеялся.

— Ничто их не остановит. Китай вот-вот будет перепахан заново. Пять столетий коррупции и отчаяния должны быть погребены, и если у нас еще сохранился здравый смысл, мы с этим должны смириться, как с неизбежным, вместо того чтобы слушать этих глупых мерзавцев в конгрессе и правительстве. Они готовы поддерживать кого угодно, самых продажных деятелей, лишь бы они ненавидели красных. Это глупая политика, Кит, и кончится она лишь грязной войной, которая может вспыхнуть где угодно. Это неизбежно. Поэтому я хочу выйти из игры до того, как это случится.

— Фактически ты уходишь в отставку?

— Да. Но не говори об этом Джуди. Я ей пока еще не сообщил.

— А Лестер? Он знает?

Пип, как мне показалось, заколебался. Он немного замедлил шаг, потом широко развел руками — либо хотел расправить грудь, либо согреться. Холода он не терпел, был слишком худым, чтобы его сносить.

— Мы с Лестером в последнее время стараемся не затрагивать вопросов, касающихся убеждений,— сказал он.

— Чертовски трудное положение,— промолвил я.

Пип немного придержал меня, потому что мы стали догонять остальных.

— Минуту, Кит. Я хочу тебе кое-что рассказать.

Мы немного постояли на тротуаре. Потом Пип взял меня под руку, и мы тихо пошли, чтобы разговор наш не выглядел слишком личным и слишком осмотрительным.

— Я не хочу подвергать свою дружбу с Лестером трудным испытаниям,— серьезно произнес он.— Поэтому не задавай мне на эту тему слишком много вопросов.

— Хорошо,— сказал я и извинился за свое любопытство.

— Нет, дело не в этом,— сказал он.— Я сейчас не хочу ни из чего делать проблемы, особенно когда это касается меня самого. Во всяком случае, не хочу осложнять отношения с Лестером. Очень скоро такие люди, как я, смогут рассчитывать только на дружбу, и я не хочу слишком нажимать на Лестера.

— Я понимаю.

— Не знаю, понимаешь или нет, только я мало что могу сделать в этой ситуации,— сказал он, но дальше не стал продолжать, так как мы совсем близко подошли к остальным.

Когда мы уже возвращались ночью домой с Айлин, державшей меня под руку, я вновь задумался над этой странной дружбой, над тем, сколько вложил в нее Пип и в какой степени он может на нее рассчитывать. Это все еще было загадкой, ибо Пип всегда относился к этой дружбе, как к своему долгу: будто он был должен Лестеру Терраде что-то такое, что оправдывало проявляемые Пипом терпимость и понимание.

Но что это было такое?

По-моему, в тот вечер я понял, что никогда до конца этого не узнаю, хотя в одном вопросе был уверен: Пип хотел, чтобы все эти Террады великой республики знали, что́ они все-таки унаследовали и ке́м они являются на самом деле, чтобы они не были бледными копиями двухсот колониальных английских революционеров, а людьми со своей судьбой и биографией, которая начинается с них самих. И не им вспоминать о тех поселенцах-фермерах в далекой лесной глуши с необъятными просторами, которые этим поселенцам предстояло еще осваивать.

Ну, хорошо, говорил я себе, все это понятно. Но что же будет теперь, когда на Пипа действительно наседают? Зачем он сейчас так заботится о дружбе с Лестером? Неужели он всерьез верит, что она того стоит?

Этого я не знал, но об одном я забыл — ведь я тоже был его другом. Эйми напомнила мне, что я Пипу тоже нужен, о чем, впрочем, знал и я сам, но никогда об этом не задумывался.

— Ты ведь не американец, Кит,— сказала она.— И Пип считает, что это спасет тебя от беды. Вернее, он думает, что скоро любой его близкий друг будет обвинен в чем-нибудь ужасном. Мне кажется, он сошел с ума. Он все преувеличивает. Но на днях он мне сказал, что ты один из немногих людей, кто знает, о чем он, Пип, говорит. И не страшится до смерти, как другие, взглянуть в лицо обстоятельствам. Я не понимаю, о чем он говорит. Но ему сейчас такой человек, как ты, необходим. Так почему же тебе надо обязательно уезжать? Почему бы тебе не остаться здесь и не принять американское гражданство?

Я обедал с Эйми в Устричном баре и сообщил ей, что через три недели возвращаюсь в Англию.

— Я свои дела здесь закончил,— сказал я.— Оставаться дольше нет причин, как и становиться американским гражданином.

— А почему нет? Что плохого в том, что ты станешь американским гражданином?

— Ничего. Кроме того, что я англичанин, Эйми,— вот и все.

— Но мне бы хотелось, чтобы ты остался.

— Почему ты так волнуешься? — спросил я ее.— Пип в полном порядке.

— Да, я знаю. Но меня не покидает дурацкое чувство, что ему понадобится искренний друг.

Я сказал, что мне это тоже известно. Но ничего с ним не случится. Джуди за ним присмотрит. Я хотел подзадорить Эйми, зная ее отношение к Джуди. Но Эйми не среагировала.

— Как ты можешь есть такую дрянь? — спросила она меня, резко отодвинув от себя тарелку с рыбным супом. Я же сказал, что вкуснее этого рыбного супа ничего не ел.

— Ну, ладно. Я все равно начала толстеть после того, как перестала заниматься верховой ездой. И вообще это кошмарная забегаловка, Кит. Почему ты сюда ходишь? А что касается нас, включая и Джуди, и Пипа, и меня, то ты же хорошо знаешь, что все у нас идет не так, как надо. Мы сидим не там, где надо, и ничего больше не изменится. Так что не говори мне о Джуди и Пипе. Я ненавижу Джуди, и она меня тоже, и не дай бог, если Пип когда-либо действительно рискнет рассчитывать на ее помощь.

Я тогда пожалел, что решил поддразнить ее. И память о нашем прощании всегда омрачалась этой моей маленькой провокацией, потому что я забыл о положении самой Эйми и думал только о Пипе, Джуди и их проблемах.

ГЛАВА 9

Пип не любил писать письма. Да и я тоже. Так что наши корреспонденции представляли собой короткие шутливые отписки, в которых мы сообщали самые основные сведения о работе, семье, а также обменивались критическими комментариями по поводу обстановки в мире. О себе же почти ничего не сообщали. Но, несмотря на это, я знал, что происходило с Пипом, потому что я знал, что происходит с Америкой. Я мог прочитать об этом каждый день в газетах.

Пип писал, что он покинул Вашингтон после своей последней поездки в Китай и что он сосредоточился сейчас на завершении книги об американской политике в отношении Китая. Он поселился в маленьком беленьком домике в Бруклине в штате Массачусетс и довольно регулярно выступал с лекциями по китайскому вопросу и тихоокеанской политике в различных университетах: Дартмуте, Чикаго, Южной Калифорнии, Колумбии, Принстоне, Гарварде и, конечно, в своей альма-матер — Иеле и в других. Это продолжалось около года. Потом он сообщил мне, что четыре из пяти университетов заявили, что не нуждаются в нем, а три потребовали, чтобы он подписал декларацию о том, что он не коммунист и не поддерживал коммунистов в Китае.

Пип отказался.

«Я же знаю, кем я являюсь,— сообщал он.— И я не коммунист. Но когда они заставляют вас клясться, тот вы или не тот,— это уже конец».

Он заявил, что не сделает этого. В постскриптуме он добавил, что это осложнило его отношения с Лестером, который не только сам подписал аналогичную деклара-

цию, но и утверждал, что это необходимое требование для всех людей, занимающих общественные посты.

Удивительно, но Пип еще искал извинения для Лестера. «Он все еще находится на административном посту, так что у него нет другого выбора,— писал он.— Но одного он не может понять — ведь эти самообличения, эти клятвы в верности противоречат дюжине статей нашей Конституции, за которую Лестер так ратует. А когда я подчеркиваю, что он ссылается на Конституцию, когда ему выгодно, и забывает про нее, когда она входит в противоречие с его понятиями, он бесится. Он думает, что я играю на руку коммунистам. И вот тогда я прихожу в отчаяние, Кит. Ты читал о том, что здесь происходит. Но что бы ты ни читал, на самом деле все гораздо хуже, чем ты думаешь».

То, что я читал, были ежедневные сообщения из Кореи о ходе военных действий и ежедневные сообщения из Нью-Йорка об охоте за коммунистами во всех углах американской жизни. Два месяца спустя Пип прислал маленькую грустную записку, где известил, что он и Оуэн Лэттимор (другой эксперт по вопросам тихоокеанской политики) подвергаются нападкам в различных комиссиях и подкомиссиях конгресса.

«Даже бой-скауты обвиняются в коммунизме,— писал он.— Так что никто не избежит своей участи. Комиссии Маккарти и Маккарэна жаждут американской крови, они охотятся (и если могут, сажают в тюрьмы) за актерами, писателями, учителями, журналистами, священниками и всеми другими из старой рузвельтовской когорты, которых они хотят пригвоздить к позорному столбу. Истерия, Кит, стала нормой американской жизни».

Я написал в ответ Пипу, что нечто подобное происходит и здесь, хотя в Европе симптомы менее опасны. Я добавил, что в Англии будет лучше, и было бы разумнее упаковать чемоданы и перебраться всем сюда. Мы с Айлин как-нибудь их бы устроили.

Ответа на мое предложение не последовало, и я понял, что до него добрались. Из «Тайма» я узнал, что Филипп Ловелл, бывший советник Рузвельта по китайским вопросам, был обвинен Лестером Террадой, тоже советником рузвельтовской администрации, в том, что он коммунистический агент. Более подробных сведений не приводилось; там просто было сказано, что, выступая свидетелем в сенатской подкомиссии по совершенно другому вопросу, Террада назвал Ловелла в числе тех ответственных лиц, которые якобы оказывали влияние на тихоокеанскую политику Рузвельта и склоняли его в пользу китайских коммунистов, что прямо противоречило интересам Соединенных Штатов.

— Не могу поверить,— сказал я с недоумением Айлин, прочитав сообщение вслух за завтраком.— Я просто не могу этому поверить.

— Значит, ты или наивен, или просто глуп,— сказала Айлин.— Я удивляюсь, почему это не случилось еще раньше.

— Ну, знаешь ли...

Я понимал, в какую беду попал Пип, и написал ему вновь, предложив перебраться сюда. А через месяц получил от него письмо с рассказом о том, что произошло.

«Бесполезно писать об этом нормально и вразумительно,— говорилось в нем.— Я не в том состоянии сейчас и, судя по всему, не скоро приду в норму. Так что не ожидай от меня слишком многого. Я сижу в комнате в отеле тетушки Фелис, в Вашингтоне, пытаясь разобраться, что со мной произошло. Ты хочешь знать, как мог Лестер это сделать? Я скажу тебе, Кит. Этот глупый мерзавец сам себя загнал в западню, и выбраться из нее он мог, лишь предав меня».

— Вот опять он начинает то же самое,— сказал я Айлин.— Ищет оправдания для Лестера.

Я продолжал читать дальше.

«Ты знаешь, как обстояли дела до того, как ты уехал? — читал я.— Ни Лестер, ни я уже не искали в наших спорах и дискуссиях ответов на какие-либо вопросы. Мы просто провозглашали свои позиции — так выражаются в Вашингтоне, когда нужно выбирать чью-либо сторону, хотя тебе это совершенно безразлично. Но я не думал, что он может так поступить. Они схватили его за горло, зная о его поездке в Россию в молодые годы и что он когда-то был коммунистом. Для членов Комиссии это был лакомый кусок, тем более что Лестер еще находился на государственной службе. Таким образом, у него было два варианта — либо доказать свою лояльность и предать меня, либо самому встать к стенке».

— Вполне понятно, что он выбрал,— пробормотал я.

«Ты знаешь, что заявил Лестер, прочитав мою книгу, Кит? Он сказал: «Ты изменил Америке, Пип, потому, что твоя книга — чистейшая коммунистическая пропаганда, и кто-то должен тебя наставить на путь истинный». У нас произошла грандиозная ссора, и ты можешь представить, в каком он был состоянии, когда давал показания в сенатской комиссии. И все же я не ожидал, что он станет говорить обо мне, хотя они и задавали ему прямые вопросы и даже мое имя называлось двумя профессиональными осведомителями в комиссии Маккарэна. Но что же сделал этот негодяй Лестер! Он сообщил им, что лично знает о моих убеждениях, и они вызвали его, и сейчас собираются выудить из него значительно больше сведений. А это значит, что или он должен отказаться от всего, что говорил обо мне, или продолжать доказывать мою виновность. И тебе не составляет труда угадать, Кит, что он сделает. Ведь он только начал свои доносы».

После этого снова последовало долгое молчание. Я понимал, что у него слишком много забот, чтобы отвечать на мои письма, но из английских газет я знал, что после первых обвинений в адрес Пипа, как и следовало предполагать, Террада выплеснул сплошной поток изобличающих воспоминаний.

День за днем Террада вспоминал все доводы Пипа в их бесконечных спорах. Он вспомнил каждый случай, когда Пип высказывал, по его мнению, антиамериканские взгляды. Пять лет дружбы с Пипом превратились в пять лет для сбора свидетельских показаний против него, и самым криминальным из всего оказались его высказывания по поводу мифов об Эндрью Джексоне и «презрительное отношение» Пипа к отцам—основателям республики и к Конституции США. Пип был обличен не только как сторонник китайского коммунизма, но за время семидневных показаний Террада ухитрился изобразить его человеком, беззаветно преданным своей подрывной философии и своему опасному политическому курсу.

Поэтому он, Террада, вынужден был в конце концов заявить, что годы их дружбы с его стороны объяснялись лишь стремлением противостоять тому ущербу, который могли бы нанести эти опасные идеи, если им дать возможность распространяться беспрепятственно.

Террада боролся против его идей, пока не понял, что это бесполезно. Так что теперь он вверяет эту проблему сенатской комиссии в надежде, что им удастся сделать то, что не удалось ему. И Террада заявил в своей последней речи, что он дает здесь показания не только ради блага Америки, но и ради самого Филиппа Ловелла и ему подобных, которые нуждаются, чтобы им показали, почему их поведение не только опасно и неправильно, но в основе своей — антиамериканское и подрывное.

Я, конечно, не представлял, как все это мог проглотить Пип. И я, вероятно, никогда бы не узнал, если бы Эйми не объявилась в один прекрасный весенний день в Лондоне. Она приехала в Европу со своим мужем Джеком на трехнедельные пасхальные каникулы, и в то же время, как Джек отбыл в Германию навестить своего дядю, Эйми направилась в Лондон.

— Потому,— сказала она,— что я несравненно больше люблю англичан, чем немцев.

Эйми подождала, пока мы остались одни в нашей лондонской квартире (Айлин была занята на кухне), прежде чем начать рассказывать о себе и, понятно, о Пипе.

— А, не спрашивай обо мне, Кит,— небрежно сказала она, когда я захотел узнать, как она живет.— Я подобна району непрерывных бедствий и ничего другого не буду собой представлять.

Когда я приподнял с недоумением брови и спросил, почему, она ответила:

— Я так отчаянно жалею, что не осталась при своих лошадях. Лошади могут быть человечными, но некоторые мужчины не в силах перестать быть животными. О! Я не имею в виду зубы и копыта или ноги и рот. Я имею в виду другое. Я ненавижу секс. Я хотела бы, чтобы бог избрал какой-нибудь другой способ делать мужчин мужчинами, а женщин — женщинами. Но как бы там ни было, довольно обо мне. Пип, вот о ком я сейчас беспокоюсь.

И она рассказала, что Пип почти всеми брошен. Джуди на стороне Лестера. Она требует, чтобы Пип сдался и подписал все эти клятвы о лояльности, которые ему все время суют. Пип же отвечает, что он достаточно лоялен и без всяких подписок.

— Я никогда не поверю, что Пип — подрывной элемент, что бы ни говорили Лестер Террада и вся эта куча пьяных конгрессменов. Я не знаю, что происходит в Вашингтоне, но что бы там ни было, я на стороне Пипа. Даже если на данный момент с ним никого нет. Особенно Джуди.

— Но что же происходит? — спросил я.— Я имею в виду между ним и Джуди.

— Они все время ругаются. Последний раз это случилось, когда она хотела пригласить Терраду для разговора с Пипом. Пип сказал, что если Террада когда-либо войдет в их дом, он из него уйдет. Отныне и навсегда. Он никогда больше не хотел видеть этого ужасного мерзавца. Пип, как и я, если что-то решил — он не отступит. В этом его беда. Поэтому он никогда не бросит Джуди. Никогда.

Когда я спросил, как он сейчас, как чувствует себя его ловелловская душа, она сказала:

— А как ты сам думаешь, каким он может быть?

Сначала он казался спокойным. Но чем дело становится хуже, тем злее становится Пип. Теперь он ждет не дождется, когда его вновь начнут допрашивать, чтобы сказать, что он думает о Лестере Терраде и самой сенатской комиссии.

Я потом передал Айлин все, о чем сообщила мне Эйми. И она назвала Пипа глупцом.

— Ему надо было жениться на Эйми,— сказала она.— Эйми пошла бы с ним в огонь и воду, даже если и не понимала бы, что происходит.

— Я не уверен в этом.

— Не уверен в чем?

— В том, что Эйми не понимает, что происходит. Она, может быть, не разбирается в политике, но у нее совершенно определенное мнение о Вашингтоне. Она считает, что все происходящее там отвратительно.

Эйми мне сказала, что Вашингтон подобен борделю.

— Я честно говорю. Когда я встречаю всех этих сенаторов и конгрессменов, они выглядят, как мужики, навещающие проституток. У них такое же выражение лица. У одних — будто они уже там побывали, у других — как будто они туда собираются.

— Откуда ты знаешь, какое бывает выражение лица у мужчин, когда они либо отправляются туда, либо уже побывали? — спросил я ее.

— Я женщина, и я знаю. Они ужасны. Все, что они делают, ужасно. Я не верю ничему, что они говорят. Я скорее поверю Пипу, что бы он ни сказал, а он говорит иногда отменные глупости. Хорошо, что ты не остался тогда у нас, в США, Кит. Мы, должно быть, выглядим отвратительно.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

Н. КОЖЕВНИКОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ДИРИЖЕР И ЕГО ПОЛНОМОЧИЯ

Владимир Иванович Федосеев, главный дирижер и художественный руководитель Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения, оркестра, прославленного такими именами, как Голованов, Орлов, Гаук, Рождественский, не имел в роду ни одного профессионального музыканта. Рабочая семья. Жили в Ленинграде. У отца — четырехклассное образование. А ведь занятия музыкой в отличие от других специальностей требуют очень раннего выявления способностей, ранней профессиональной направленности. Обычно судьбу ребенка решают родители — отдают в музыкальную школу, потом консерватория, аспирантура... Предел же мечтаний родителей Федосеева был таков: хорошо бы сын выучился играть на баяне.

Но и то — война, блокада, эвакуация...

С запозданием Владимир закончил семилетку, обычную, общеобразовательную, и только тогда — класс баяна в Ленинградском училище имени Мусоргского. Там же он начал заниматься дирижированием. Потом Институт имени Гнесиных, Московская консерватория, аспирантура. Класс оперного дирижирования под руководством Лео Гинзбурга... Все решал, выбирал, всего добивался всегда только сам. Это наложило определенный отпечаток на характер Федосеева. И не только на характер, но и на творческую позицию.

— Я шел из народного искусства,— говорит он.— Шел с уверенностью, что прежде всего надо любить свое. И уж через свое понимать и любить другое. Когда свое понимаешь и ценишь, тогда и чужое скорее оценишь, поймешь. А музыка — всегда выражение народного духа. Особенно наша, русская музыка.

Привыкнув преодолевать каждую последующую ступень в жизни с напряжением, Федосеев и к чрезвычайно лестному назначению на пост главного дирижера отнесся как к новому для себя испытанию... И не обманулся. Известно, что когда в сложившийся уже коллектив приходит новый руководитель, отношения внутри этого коллектива складываются заново — и не без драматизма... В особенности если приходит человек, творчески определившийся, со своими принципами, желающий доказать свои возможности. Тут, как и в житейских взаимоотношениях: одно дело, когда ты милый гость, и совсем другое, когда приходишь сюда как член семьи. Совсем иные тогда к тебе требования! И, кроме того, тебя изучают, да как придирчиво...

— Работа дирижера-гастролера отлична от работы дирижера постоянного,— говорит Федосеев.— Постоянный дирижер отвечает куда более ответственно. Отвечает и за форму оркестра и за его направленность. Отвечает и за себя и за других. И все его качества, все недостатки и достоинства особенно видны именно на этой постоянной работе. И тогда все музыканты оркестра начинают иначе к нему относиться...

Я попал в прекрасный оркестр,— продолжает дирижер,— высокопрофессиональный. С высококвалифицированным исполнительским составом. Но если руководитель не пытается улучшить вверенное ему хозяйство, если он просто берет имеющийся профессионализм и использует его, никуда больше не стремясь,—ничего хорошего не получится. Чем лучше оркестр, тем больше с ним надо работать и тем больше вкладывать... Я увидел не просто прекрасный оркестр, но почувствовал, как высок его потенциал. И убедился, что такой потенциал нельзя не использовать...

Но вот тут-то и возникли трудности. Главным образом из-за того, что некоторые музыканты оркестра считали возможным жить, так сказать, на процентах за счет накопленного. Считали, что уже достигнутый ими профессиональный уровень избавляет их от новых усилий. А время шло. Без новых затрат прежний капитал истаивал. Возникла конфликтная ситуация. А Федосеев был не из тех, кто уступает...

— Нельзя играть одинаково! — говорит он.— Можно лучше, можно и хуже — ведь люди не машины. Но одинаково — нельзя. Одинаково — это штамп. Это — деградация... Необходимо искать. Без поиска нет искусства. И нет творчества вне работы. У меня возникла проблема: как же наладить в коллективе работу постоянную, как приучить людей постоянно искать... Вообще бывает, что в заслуженном, известном коллективе вдруг возникает атмосфера какого-то высокомерия: мы, мол, лучше всех. И тогда уже ни работы настоящей нет, ни творчества. Вот на этой основе я и столкнулся с серьезными трудностями. И понял, что единственный выход — это пересмотр музыкантского состава... Я видел, слышал, как сегодня обучают музыкантов, знаю, насколько возрос культурный, интеллектуальный уровень исполнителей. А для того, чтобы достичь чего бы то ни было в искусстве, требуется, помимо профессионального уровня, еще и особое творческое сознание, особая психологическая настроенность. Нужна голова, жаждущая познаний, и душа, жаждущая неведомого. Нужна молодость! И я подумал: добиваться совершенства, вероятно, все же можно только с людьми, которые этого хотят, которые к этому стремятся. Возможно, им еще не хватает опыта. Но опыта нужно набираться в лучших коллективах, а не в худших. Пусть будут молодые, пусть кое-кто скажет: зелень! Но нам эта «зелень» сегодня и нужна, «зелень» хочет знать, уметь. И с такими чудеса можно делать.

Но я не хочу сказать: только «зелень», и все! Я добиваюсь сочетания зрелости и молодости. Ведь у музыкантов не принято,— как шестьдесят исполнилось, идите, пожалуйста, на пенсию. И в сорок можно стать в душе пенсионером, и в семьдесят играть как юноша! У нас в оркестре сейчас работают и люди умудренные и совсем еще новички. Есть сплав! Этого-то я и добивался... Говоря о душевной молодости тех, кто отнюдь не молод по возрасту, я хочу в первую очередь назвать Михаила Тэриана. Уже много лет он заведует кафедрой дирижирования и камерного ансамбля в Московской консерватории — человек истинно молодой, несмотря на свои почтенные годы. А как он чувствует сегодняшний день!.. Кстати, у нас в оркестре много учеников Тэриана. Его мнение о том или ином молодом исполнителе для нас решающее.

Правда, должен сказать, что в наших высших учебных музыкальных заведениях, училищах, институтах, консерваториях недостаточно хорошо учат студентов играть в оркестрах. Всех готовят быть солистами. А это неправильно. Даже непедагогично. Жизнь-то впоследствии все поставит на место, а упущения сказываются. Ведь сольное исполнительство в принципе отличается от работы в оркестре. И надо прививать навыки заранее, готовить к этому студентов.

— А какие взаимоотношения должны быть у дирижера с оркестром?

Владимир Иванович улыбнулся, сразу помолодел.

— Добрые. Но строгие. Без дисциплины творческой тоже многого не добьешься... В восьмидесятом году оркестру исполнится пятьдесят лет. Юбилейная дата. Направленность работы — на возрождение нашей русской классики. Но, конечно, мы должны не только классику возрождать, но и давать ей современное, сегодняшнее звучание. В том-то и чудо этих гениальных произведений, что они всегда ко времени... Тот факт, что оркестр входит в систему Всесоюзного радио и телевидения, диктует нам особые задачи, дает особые полномочия. Наша обязанность — охватывать как можно бо́льшие массы слушателей. Аудитория наша широка, демократична, надо и это учитывать. Но, одновременно помня, к кому мы адресуемся, необходимо воспитывать, развивать в людях безошибочный вкус. И вот тут работа предстоит гигантская! Еще можно нередко слышать, как кто-то говорит: «Я не люблю Чайковского». Говорит без всякого стеснения, хотя мнение это прежде всего обличает безграмотность. Не любит, потому что не знает, и в этом очень нетрудно убедиться. Наша задача — помочь как можно большему числу людей. И тогда Моцарта, Чайковского полюбят! Таков наш долг — и на сегодня и на будущее.

Н. Осенев. Род. 1909. КОМСОМОЛЬЦЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ ПОД МОСКВОЙ. 1948.

Государственная Третьяковская галерея

Ю. Пименов. 1903—1977. ДЕВУШКИ ИЗ МАГАЗИНА. 1965. Из серии «НОВЫЕ КВАРТАЛЫ».

Всесоюзная художественная выставка «Молодая гвардия Страны Советов».

АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ В СОВЕТСКОМ ТАНКЕ

Юрий **ЗАРАХОВИЧ**

— Тогда, тридцать четыре года назад, тоже стоял февраль, только день выдался мрачный, и видно было, что идет война — машины по дорогам шли в основном военные, много попадалось и наших машин — «студебеккеров», «доджей». Люди выглядели сурово, были строго одеты. Совсем не так, как сейчас...

Мы сидим в тесной каморке выставочного павильона в Сокольниках, за стеной посетители осматривают экспонаты выставки «Сельское хозяйство США», которая проводится в нашей стране как часть программы обменов в области культуры между СССР и США. Мирная, человечная тема для выставки, мирная человеческая жизнь...

Американец из Мичигана Джозеф Байерли приехал в Москву второй раз за тридцать четыре года. Он приехал навестить сына Джона, работающего здесь, на американской выставке. И посетить страну, в которой... Но все по порядку.

Одиссея Джозефа Байерли началась в июне 1944 года. Он был одним из отборных солдат-парашютистов 101-й американской дивизии, открывших второй фронт десантом в тыл врага за ночь до высадки союзников в Нормандии.

— Почему я пошел добровольцем? В июне 1942 года я окончил среднюю школу в своем родном Маскигоне. Было мне восемнадцать. В мире шла война... Как я ни был молод, а понимал: Гитлер — это смертельная угроза. Для всех. Именно Гитлер и гитлеризм, а не немцы. Два моих старших брата уже служили в армии. Мне, спортсмену и атлету, предложили стипендию в университете. А я пошел на вербовочный пункт. Что я знал тогда о России? Ничего. Только то, что русские отчаянно дерутся против нашего общего смертельного врага и что им надо помочь. Потом-то я по-настоящему понял, чем была для русских та война, но это потом...

Сержанту Байерли не повезло. Когда спустился на землю, он понял, что его отнесло на несколько километров от остальных. Взорвав местную подстанцию, пошел на соединение со своими. Первую группу немцев, на которую наткнулся, забросал гранатами. Вторая взяла его в плен: Байерли перелез через загородку и очутился на укрепленной огневой позиции — прямо перед ним были девять солдат и пулемет.

— В первый раз я бежал в тот же день — меня конвоировали с группой пленных, мы попали под артобстрел, и, несмотря на полученное ранение, я убежал. Но вскоре меня взяли снова. И начались лагеря — Мюнхен, Штеттин... Я сменил семь лагерей, пока не попал в Кюстрин. К американцам, надо сказать, немцы относились совсем не так, как к русским пленным,— с теми они обращались просто бесчеловечно. А нас кормили, не заставляли работать, разрешали играть в футбол, получать посылки через Красный Крест. У нас даже радио было. Мы, как могли, помогали русским — передавали им тайком еду, сигареты... Благодаря сигаретам я бежал во второй раз. На черном рынке сигареты стоили около 60 долларов пачка. Я не курил. Как-то раз выиграл в кости 60 пачек сигарет и подкупил охранника. За такую сумму он охотно согласился отвернуться, пока мы резали проволоку. Бежали втроем. Мы хотели сесть на товарный поезд, который проходил по дороге рядом с нами, проехать, сколько удастся, в глубь Польши, а там перейти через фронт к русским. На поезд мы сели без труда, но попали не к русским, а в Берлин — поезд пошел в другую сторону. В Берлине нас взяло гестапо.

После издевательств в гестапо Джо Байерли снова очутился в том же лагере. И снова решил бежать.

— Мы снова бежали втроем, в том же составе...

Но на этот раз Байерли и его друзья попали под обстрел охраны, и уйти от пуль удалось только ему одному. От собак, пущенных за ним, Байерли ушел по ручью — долго шел в воде, потому что не мог выбраться на противоположный берег, тем и сбил собак со следа. Шел на восток, на приближающиеся звуки канонады, и через два дня встретил советские танки. Это было в январе 1945 года.

— Первый русский, который меня увидел, наставил на меня автомат, а я ему сказал: «Я — американский товарищ».— Улыбаясь, Джозеф Байерли произносит эти слова по-русски.— Столько лет прошло, а я их до сих пор помню. «Я — американский товарищ». Но больше я по-русски ничего не мог сказать, и мы никак не могли объясниться. Наконец, нашелся офицер, немного говорящий по-английски, и я объяснил, что я американский военнопленный. Меня хотели отправить в тыл, но я уперся — я солдат и хочу воевать вместе с русскими против немцев. Я — союзник. Ведь я знал, что как только русские возьмут Берлин,— войне конец. Мне выдали русский автомат, показали, как с ним обращаться, и зачислили в танковый экипаж стрелком. Я, американский сержант-парашютист, стал членом советского танкового экипажа и вместе с ним бил фашистов на американском танке «Шерман». Вы спрашиваете, символично ли это? Да!

Танком командовала женщина. Сейчас я очень жалею, что не записывал тогда имен и адресов — я даже номера той части не помню. Не до того было: шла война, и мы думали о том только, что надо воевать. От души надеюсь, что кто-нибудь из моих тогдашних русских товарищей прочтет обо мне и отзовется. Как бы я хотел с ними встретиться! Хотя я не знал русского, а они — английского, мы быстро нашли общий язык. Они относились ко мне, как к своему. Мы же воевали вместе. Вот тогда-то я и начал понимать по-настоящему, чем была для русских та война. Я один из немногих в Америке, кто это понимает. Ведь нас, американцев, миновало такое несчастье, как война на своей земле. А здесь — женщина-танкист... Я понял тогда, как русские любят свою родину, если у них даже женщины воюют; как стремятся победить врага. И как они ненавидят войну. Я ведь потом прошел и проехал от Германии до Москвы через разоренные Польшу и Россию. Я видел, что война принесла полякам и русским. Никогда не поверю, что русские хотят войны, никогда! И в «советскую военную угрозу» не верю. Жаль, очень жаль, что после Победы мы не помогли нашему союзнику, жаль, что вместо этого началась «холодная война». Но в этом не народ виноват, а политики. После нашей Победы политики потеряли то, что мы завоевали. Простой американец так же любит мир, как и русский. Наше дело — бизнес, а не война. Нас и тогда заставили воевать фашисты против нашей воли. С русскими же мы воевать не хотим. Свое отношение к русским я пронес даже сквозь годы «холодной войны». Как еще я могу относиться к русским, если они мне жизнь спасли? Где-то через месяц после того, как я вступил в советскую танковую часть, пикирующий бомбардировщик разбомбил наш танк. Я валялся тяжело раненный в канаве, пока меня не подобрали советские санитары. Перебинтовали меня, доставили в госпиталь в городе Ландсбург. И вот там, в госпитале, лежу я на койке, и вдруг все засуетились, забегали, потом, кто мог стоять, встали навытяжку. Я понял, что идет большое начальство. Это везде происходит одинаково. Я тоже пытался встать, но кто-то сказал мне: «Лежите, вы же раненый». Жуков со мной беседовал через переводчика. Я сначала стеснялся: мне, сержанту, и в нашей армии не случалось говорить с генералами, а здесь — сам Жуков! Но маршал был очень приветлив. Спросил, кто я, откуда, есть ли семья, а потом сказал, что как только я поправлюсь, мне помогут вернуться домой к моей семье. Жуков спросил меня, не нужно ли мне чего. И я попросил бумагу, которая помогла бы добраться до американского посольства. Мне такую бумагу и дали. Я даже не знаю, что в ней было написано, но действие она производила магическое... Жаль, что не сохранилась. Я ведь попал в такую ситуацию: через два дня после того, как я присоединился к Красной Армии, мы освободили лагерь, откуда я бежал, а там было две тысячи американцев. Их эвакуировали в тыл, чтобы оттуда отправить в Одессу, а из Одессы морем домой. Предлагали и мне, но я отказался: я солдат и хочу воевать, пока вместе с русскими товарищами не войду в Берлин. Если бы не ранение, я бы остался в Красной Армии до конца войны. Но после ранения надо было искать своих. Я надеялся найти американское посольство в Варшаве. Добирался до Варшавы и пешком, и на попутных машинах, и на поездах. Разумеется, человек, не говорящий по-русски, одетый в незнакомую форму (я сохранил американское обмундирование — я

Встреча в Советском комитете ветеранов войны. Генерал армии П. И. Батов и А. П. Маресьев беседуют с Джозефом и Джоном Байерли.
Фото И. Гаврилова

же американский парашютист!), естественно, вызывал подозрения. Но стоило мне показать письмо, полученное от маршала Жукова, как все улаживалось. В Варшаве я американцев не нашел. Я там ничего не нашел, кроме груды щебня — вот что оставили полякам фашисты. И я отправился в Москву. Добирался недели две, удачно проехал на поезде большую часть пути. Потом на грузовике доехал до какой-то воинской части под Москвой, откуда меня говоривший по-английски советский офицер доставил прямо в посольство. До сих пор помню, как он говорил: «Я доставлю вас американскому правительству». Вот у него письмо Жукова и осталось: он, видимо, решил, что раз я уже в посольстве, то в письме больше не нуждаюсь. А я в суматохе забыл о нем. И только потом хватился. По сей день жалею, что лишился такой памяти. В посольстве я сразу попал под арест: ведь я считался павшим в бою, и мои родители получили соответствующее уведомление... Пока удостоверяли мою личность, просидел два дня под арестом в одном из номеров гостиницы «Метрополь» под охраной американских морских пехотинцев. В той самой гостинице, где я остановился сейчас, тридцать четыре года спустя. А потом все выяснилось, и я отправился домой...

Рядом с Джозефом Байерли сидит его двадцатипятилетний сын Джон. Несколько раз во время нашей беседы с Байерли он глядел на него с таким откровенным изумлением, что отец пояснил:

— Джон очень многое слышит сейчас впервые в жизни.

— Ты никогда не рассказывал...

— А ты никогда не спрашивал,— улыбнулся Байерли-старший.

Для американских молодых ребят та война нечто давно забытое или совсем неизвестное и никогда не существовавшее. Для нас же, даже для тех, кто родился в послевоенные годы... Мы ведь все выросли в послевоенной разрухе. Может, потому и относимся по-другому ко всему пережитому нашими родителями? И из-за различия в жизненном опыте многое воспринимаем не так, как наши сверстники за рубежом... Понимает ли Джон Байерли, что мы с ним встретились сейчас в Москве, на этой мирной (куда уже мирнее — «Сельское хозяйство»!) выставке потому, что тридцать четыре года назад Джозеф Байерли сидел в одном танке с советскими солдатами и стрелял из американской пушки в фашистов?

— Ты сам все сказал своим вопросом, — разводит руками Джон.— Что еще здесь можно добавить? Все так и есть.

Младший Байерли прожил в СССР в общей сложности почти два года: учился в Ленинградском университете, потом работал на выставке «Фото США», сейчас — на выставке «Сельское хозяйство США». Два американца, отец и сын, увидевшие нашу страну в две разные исторические эпохи...

— А ты, Джон, веришь в «советскую военную угрозу»?

— После стольких встреч с советскими людьми — абсолютно нет. Хотя многие у нас со мной и не согласятся, я не верю, что советские люди хотят войны. Они не могут ее хотеть. Отношение к войне у них у всех одно — абсолютное отвращение.

— Господин Байерли, а не случится ли так, что снова возникнет угроза миру? Не возникает ли она уже сейчас? Китайские войска вторглись во Вьетнам...

— Это, конечно, маленькая война, но из малой войны может вырасти большая. Китайцы не должны были этого делать, не имели никакого права,— отвечает бывший солдат Джозеф Байерли.— Я считаю так: мы, американцы, можем и должны помогать Китаю, если Китай хочет улучшить жизнь своего народа. Но мы, американцы, не должны оказывать Китаю никакой помощи и не вести никакой торговли с ним, если китайцы будут использовать добрые отношения с нами для подготовки войны. Наше правительство должно ясно заявить: мы протестуем против агрессии Китая и настаиваем на выводе из Вьетнама китайских войск. С вьетнамцев хватит. Нам нечего было там делать, и китайцам нечего. И мы не должны попустительствовать Китаю. Наше правительство должно использовать все свое влияние, чтобы воздействовать на Китай. Я так считаю: и американцам, и русским, и вьетнамцам, и китайцам нужен мир.

— Считаете ли вы, что разрядка между СССР и США, заключение договора по ОСВ оздоровят международную атмосферу и заставят Китай прислушиваться к голосу разума, проводить менее агрессивную политику?

— Да, безусловно. Если Россия и Америка будут жить в мире, будут хорошо торговать, дела в мире вообще пойдут много лучше. Я вам вот что скажу: я уже стар, чтобы сидеть в танке, но я не хочу, чтобы в танке сидел мой Джон. Но чтобы этого не случилось, нужна хорошая дружба между бывшими товарищами по оружию.

Символом этой дружбы стала встреча в Советском комитете ветеранов войны.

За столом, украшенным советским и американским флажками — молчаливым напоминанием о братстве по оружию военных лет,— Алексей Маресьев и легендарный командарм Павел Иванович Батов, заслуженные генералы Сидорович и Довгаев. Напротив них — американский ветеран Джозеф Байерли и его сын Джон. Как и тридцать четыре года назад, ветераны легко находят общий язык, потому что волнуют их одни и те же мысли.

— Все ветераны, пережившие войну, объединены стремлением к миру. Нам надо встречаться почаще, крепче дружить. Ветераны не политики. Их вмешательство в политику проявляется лишь в одном: они должны сделать все, чтобы больше не было войн. Мы ведь мирные люди, и война оторвала нас от мирного труда, нормальной человеческой жизни. Мы были молоды, хотели обзаводиться семьями, растить детей... А вместо этого пришлось надевать военную форму и браться за оружие.

Чьи это слова? Их сказал Джозеф Байерли, но разве не выражают они мыслей и чувств сидящих напротив него наших солдат?

«...Война оторвала нас от мирного труда».

— Я помню, как московские рабочие оставляли свои станки и шли в народное ополчение,— отвечает Джозефу Байерли генерал Батов.— И как же они дрались! Дивизии, сформированные из людей, никогда не державших в руках оружия, в скором времени становились гвардейскими. Вы говорите, женщина-танкист... А знаете, в Одессе живет одна женщина, Герой Советского Союза, она во время войны была механиком-водителем, потом командиром танка. Уж не она ли? Хотя ведь еще к октябрю 1941 года в армию добровольно вступили четыреста пятьдесят тысяч женщин. Лучшие сыны и дочери страны боролись с гитлеровским фашизмом. И двадцать миллионов сынов и дочерей отдали жизнь за Победу. Дорого же далась нам она, наша общая Победа.

— Трудно все-таки понять это американцам,— печально кивает головой Джозеф Байерли.— Слышали мои соотечественники и цифры эти и факты, но мало кто из них способен представить себе, что такое война на своей земле, что такое сожженные родные дома и погибшие семьи. Чтобы это понять, надо через это пройти самим. Поэтому я всем сердцем хочу, чтобы никогда не пришлось моим соотечественникам узнать подобного горя. Пусть мы с вами будет последними ветеранами, последними инвалидами последней войны.

— У меня за плечами семь войн,— отвечает генерал Батов,— две мировые, шесть локальных. Не хочу, чтобы была седьмая. Она будет ужасна, такой войны не знала история и пусть никогда и не узнает. У нас в стране ветеранов восемь миллионов. И все они идут к молодежи, рассказывают, что такое война. Потому что не хотят, чтобы молодым пришлось узнать ее самим. Не должно быть войны!

— Нет,— говорит только одно это слово порусски Джозеф Байерли.— Нет! Не должно быть войны. Если старые товарищи по оружию останутся вместе, ее и не будет. Соединенные Штаты и Советский Союз, американский народ и советский народ — сила в нашем мире огромная. Если мы, люди, американцы и советские, сплотимся против войны, войны не будет!

ТАЙН

В этот раз на афише, возвещавшей очередное заседание клуба «На «Огонек», были слова, волнующие сердца тысяч, если не миллионов людей: Атлантида, Летучий Голландец, Нэсси, Бермудский треугольник...

В гостях у огоньковцев — известный ученый, заместитель директора Института океанологии Академии наук СССР, доктор географических наук Андрей Аркадьевич АКСЕНОВ. Разговор — о тайнах океана.

— Давайте попытаемся провести исследование самого понятия «тайны океана»,— начинает наш гость.— Попробуем классифицировать их, выяснить происхождение, проанализировать «психологию тайн». Итак...

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Видимо, все помнят эту легенду. Лично мне за многие годы плаваний не довелось повстречать этот знаменитый корабль призраков, однако я вполне допускаю, что Летучего Голландца... могли видеть.

Отвлечемся на несколько минут от океана и обратимся к небу.

Однажды я присутствовал при беседе с космонавтом Ю. Н. Глазковым, который рассказал об удивительном случае. Пролетая на станции «Салют» где-то над Бразилией и рассматривая через иллюминатор поверхность нашей планеты, он вдруг увидел... автобус, идущий по шоссе! Разум говорил ему, что с такого расстояния невооруженным глазом видеть это невозможно, но тем не менее он видел!

Чудо? Уникальное явление оптики? Нет, объяснение иное. Слуховые, зрительные и иные «датчики» человека в экстремальных условиях начинают работать не по-земному. Факторы воображения, памяти, настроения оказывают на них значительно большее, чем в нормальных условиях, влияние. По каким-то ассоциациям, воспоминаниям Глазков только представил себе автобус, а глаза тут же его «увидели».

Поэтому, сидя дома, на суше, порой трудно бывает представить себе, понять и объяснить то, что происходит с человеком в полярных областях, в океане, в космосе, под землей. Именно поэтому здоровая, тренированная психика, сильная воля, способная подчинить логике мышления собственные эмоции,— необходимое требование к исследователям, пионерам, открывателям.

«В море — дома!» — это скорее образное выражение. Несмотря на то, что человек плавает с незапамятных времен, он существо сухопутное с соответствующей психологией. И потому «эффект Глазкова» вполне возможно перенести и в океан.

Вот как можно представить себе подобный вариант.

Судно уходит в дальнее плавание. Рейс нелегкий, опасный, длительное время нервы экипажа напряжены до предела. Резкая смена климатических поясов. И вот однажды лунной ночью вахтенный рулевой, или впередсмотрящий, или сам капитан, явственно видят призрачный корабль, идущий встречным курсом. Утром «очевидец» рассказывает об этом товарищам, а к возвращению в порт уже весь экипаж убежден, что был свидетелем встречи.

Иными словами, хочу объяснить тайну Летучего Голландца как психологический феномен.

Кстати, в наше время что-то не слышно про подобные встречи в море. Видимо, воображение и эрудиция человека эпохи НТР предлагают... другие призраки. Например, летающие тарелки.

Однако продолжим наше исследование.

ТАЯЩИЕСЯ ВО МРАКЕ

Почетное место среди тайн, загадок, легенд занимают истории о всевозможных диковинных обитателях океана. Это и чудовищных размеров

...Ы ОКЕАНА ИЛИ ОКЕАН ТАЙН?

А. А. Аксенов.

кальмары, и гигантские морские змеи, и, наконец, всемирно известное чудовище, будто бы обитающее в озере Лох-Нэсс на севере Шотландии. (Кстати, строго говоря, это не озеро, ибо оно соединяется узким проливом с морем.)

Эта категория тайн чрезвычайно раздражает воображение людей, ибо обо всех этих чудищах кое-что известно, периодически появляются «свидетели», «очевидцы», предлагающие свои наблюдения, записи и даже фотографии. Но вся эта информация оказывается весьма уязвимой перед строгой научной критикой, и очередная сенсация затихает до новой вспышки.

И тем не менее попытаемся приподнять завесу тайны с другой стороны. Поставим вопрос: а возможно ли вообще в наше время обнаружить совершенно новых, неведомых науке животных в океане?

На такой вопрос мы получим сразу весьма положительный ответ, ибо почти каждая экспедиция обнаруживает ранее неизвестных обитателей океана.

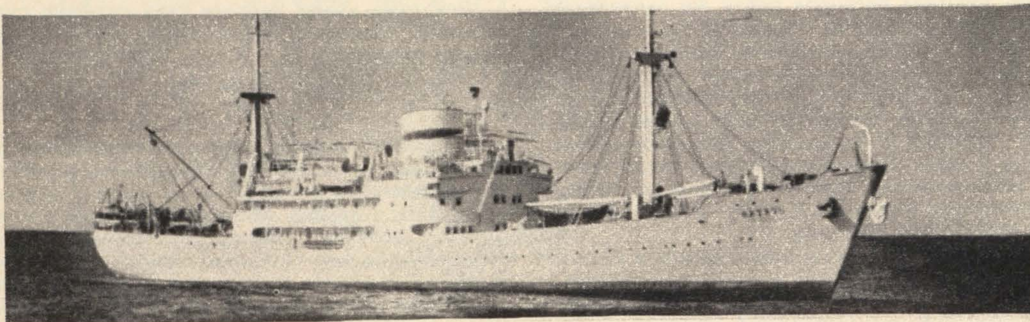
— Все это так,— возразили нашему гостю из зала,— однако, согласитесь, новая водоросль, новый вид планктона или даже неведомая ранее рыба, как нам, непосвященным людям, кажется, не могут служить доказательством возможности существования Лохнэсского чудовища, не так ли?

— Правда. Большинство открытий в биологии моря относится именно к новым «родственникам» известных животных, но время от времени в последнюю четверть века происходят буквально сенсации. И к ним следует отнести в первую очередь исследование советским ученым А. В. Ивановым погонофора. Конечно, он не столь эффектен, как, например, водяной змей или какой-нибудь фантастический дракон, скорее, совсем наоборот. Погонофор — животное, напоминающее червя, который постоянно живет в «собственной квартире» — хитиновой трубке, достигающей в длину около полутора метров. Однако это открытие взволновало весь ученый мир, потому что Иванову удалось восстановить ранее совершенно неизвестное звено в эволюции животного мира. А чтобы окончательно стало понятным значение этого открытия, его можно было бы сравнить с обнаружением совершенно неизвестной до сих пор расы людей.

Но это не все. Мы знаем еще из школьных курсов, что многие миллионы лет тому назад сушу и океаны населяли странного вида животные. Мы реконструируем их облик по окаменелым останкам, по их скелетам, отпечаткам в каменноугольных пластах. Таковы гигантские пресмыкающиеся — динозавры, древнейшие рыбы. Все эти древние обитатели планеты вымерли десятки миллионов лет тому назад.

Кстати, Нэсси (так шотландцы ласково зовут свою «достопримечательность») по описаниям «очевидцев» напоминает одного из динозавров, который некогда вел земноводный образ жизни, Это был огромный зверь с длинным хвостом, громадным туловищем, короткими мощными лапами с перепонками для плавания, длинной шеей, оканчивающейся маленькой головкой с зубастыми челюстями.

Экспедиционный корабль «Витязь» в плавании.

Но возможно ли, чтобы древнейшие ископаемые могли сохраниться до наших дней в океане?

Представьте, оказывается, возможно!

...Это случилось тоже сравнительно недавно. Рыбаки с Коморских островов, архипелага, расположенного между Африкой и Мадагаскаром, иногда вылавливали рыбу-страшилище, так называемую кистеперую рыбу. Они и не догадывались, что в их сетях прабабушка чуть ли не всех земных животных. Но однажды рыбу увидели ученые и буквально не поверили своим глазам: перед ними был «вымерший» семьдесят миллионов лет назад целакант, ровесник динозавров, живое ископаемое!

Дальше можете сами продолжить логическую цепочку: если живет и здравствует в океане целакант, то почему же невозможно представить себе, что где-то сохранились и некоторые динозавры? Например, наша знакомая Нэсси?

Думаю, относительно тайн этой категории можно сделать такой вывод: в океане, который фактически мы только-только начинаем узнавать, возможны открытия и совершенно новых, неизвестных науке животных, и тех, которые считаются сегодня вымершими.

А теперь позвольте перейти к одной из самых романтических загадок океана.

НЕВЕДОМАЯ СТРАНА

Древнегреческий философ, писатель, математик, мудрец Платон оставил в своих произведениях, в диалогах «Тимей» и неоконченном «Критии», рассказ об Атлантиде — стране в Атлантическом океане, расположенной на архипелаге островов, находящихся к западу от Гибралтарского пролива, о ее гибели в результате внезапного погружения под воду, сопровождающегося страшными землетрясениями, извержениями вулканов, пожарами. Платон дал описание истории Атлантиды, рассказал о ее географическом положении, государственном устройстве, о великой войне атлантов с греками и египтянами и неожиданно оборвал рассказ. (Может быть, не оборвал, а просто до нас дошла лишь часть «Крития».)

Как бы там ни было, с тех самых пор не утихают споры, рождаются гипотезы, догадки об этой великой тайне, оставленной нам Платоном. Что это было? Художественный вымысел, иллюстрирующий политические идеалы философа, или подлинное сообщение, основанное на совершенно неизвестных источниках? Подоплека споров не простое любопытство. Атлантида объясняет многие, остающиеся до сего дня необъяснимыми вопросы поразительного сходства основополагающих черт культуры народов, населяющих берега Атлантического океана в Европе, Африке, в Америке. А кроме того, открытие Атлантиды отодвинуло бы границу истории человечества на несколько тысячелетий в глубь времени.

Могла ли существовать и погибнуть «в один день и одну бедственную ночь», как говорил Платон, Атлантида? Да, могла, отвечает современная морская геология, опираясь на знания о бурной тектонической жизни, которая кипит на дне Мирового океана. Там извергаются жидкие породы через грандиозные разломы срединно-океанических хребтов, неистовствуют подводные землетрясения, возникают и исчезают острова в океане, прокатываются гигантские волны — цунами, грохочут вулканы — планета продолжает менять свое лицо.

Но в пользу былого существования Атлантиды говорят не только общие соображения о ситуации на дне Мирового океана.

К западу от Гибралтара, на дне Атлантического океана, можно сказать, именно там, где указывал Платон, ученые обнаружили группу плосковершинных гор, не доходящих до поверхности океана на сто—двести метров. Они расположены подковой, и морские геологи считают вполне вероятным, что Подкова представляла собой довольно значительный архипелаг, который в результате тектонической деятельности затонул еще в историческое время. Сходится?!

Особый интерес архипелаг привлекает после того, как сотрудник нашего института В. М. Маракуев привез из очередного рейса исследовательского судна «Курчатов» восемь подводных фотографий, сделанных им на вершине горы Ампер, входящей в состав Подковы. На снимках специалисты по расшифровке подводных фотографий увидели довольно отчетливые изображения кирпичной или каменной кладки, фрагменты крепостной стены, широкие ступени. Все это заросло донными растениями, разрушено, сглажено и, естественно, требует более тщательного исследования на месте, то есть под водой, на вершине горы Ампер.

Мы можем вести такие исследования, ибо располагаем автономными подводными аппаратами, имеющими большой предел погружения. Исследователь в такой микроподводной лодке может не только двигаться в горизонтальном и вертикальном направлениях, но и наблюдать через иллюминаторы подводный ландшафт. А с помощью специальных приспособлений брать пробы грунта и всего, что находится на дне океана.

Таким образом, Атлантида, видимо, относится к той категории вековых тайн, которая в результате бурного прогресса океанологии очень скоро может быть раскрыта, и, весьма возможно, в положительном смысле.

А ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О ЗНАМЕНИТОМ БЕРМУДСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ!

— Для меня он знаменит прежде всего тем, что ни одно мое публичное выступление не обходится без этого печально известного вопроса. Тут «чудо» совсем иного рода. Как и все читающие люди, я, пожалуй, не пропустил ни одной публикации на эту тему. Пишут о Бермудском треугольнике и за рубежом и у нас. И псевдонаучные статьи, и популярные книжечки, и вовсе далекие от науки издания. Не пишет только одна категория авторов — океанологи, которые вели и ведут исследования в районе этого самого треугольника. Не пишут по одной-единственной причине,— потому, что нет никаких чудес в этом районе моря! Есть интересные наблюдения, даже научные открытия, но они не имеют никакого отношения к тем выдумкам, которыми полна мировая печать последних лет.

— Но в самом деле: откуда такой бум? Может быть, все же что-то есть?

— Думаю, вопрос этот надо адресовать не мне, а специалистам по изучению зарубежной дезинформации. Как представитель головного советского учреждения, занимающегося изучением океана, я могу сделать вам, представителям советской прессы, следующее сообщение. Наши ученые в течение многих месяцев работали в том самом регионе Атлантического океана, который принято называть Бермудским треугольником. Они провели большой комплекс сложных исследований и наблюдений. В этой экспедиции, носящей название «Программа Полимоде», вместе с ними трудились и американские коллеги. Работал не один, а несколько великолепно оборудованных экспедиционных кораблей. Таким образом, это была авторитетная экспедиция, представляющая две самые могущественные морские державы мира.

Повторяю, было проведено множество интереснейших наблюдений, совершены открытия. Но ни одно из тех «таинственных», «чудесных», «страшных» явлений, о которых писали горе-специалисты, зафиксировано не было. Кстати, недавно спрашивали мое мнение: стоит ли переводить очередной бестселлер о злосчастном треугольнике? По-моему, нет. У них это бизнес, у нас научно-популярная литература преследует совершенно иные цели.

Итак, полагаю, что вы согласитесь: решающее слово должно быть за океанологами, и вы его только что услышали.

— А не кажется ли вам, Андрей Аркадье-

КОНЯ ЗВАЛИ БУЯНОМ

Ирбек Кантемиров на Буяне. Фото В. Панярского

В московском Доме актера шло празднование юбилея народного артиста СССР М. М. Яншина.

И вдруг из-за кулис показалась лошадиная морда. А затем на сцену вышел белоснежный конь. Он с достоинством поклонился юбиляру, станцевал в его честь и непринужденно удалился. Легко представить себе удивление зрителей. Ведь ладному, симпатичному коню потребовалось для своего выступления подняться по лестнице на... пятый этаж.

Впрочем, знатоков и любителей цирка это не удивило. Они узнали Буяна — участника замечательного фильма «Смелые люди», уже три десятилетия не сходящего с экрана.

Какие только трюки не проделывает он на экране под руководством известного циркового джигита Ирбека Кантемирова, дублирующего Сергея Гурзо, который играет одного из героев картины — Васю Говорухина. Кто видел эту ленту, наверняка не забыл захватывающие кадры, когда Вася догоняет на Буяне товарный поезд, на бешеном аллюре прямо с седла прыгает на тормозную площадку вагона и отцепляет его от состава. В этом фильме Буян мчался через огонь, преодолевал различные препятствия. Во время этих сложнейших съемок конь показал себя чутким, способным партнером.

...Буяна нашел на Терском конезаводе народный артист РСФСР А. Т. Кантемиров — ветеран советского цирка. Сам Семен Михайлович Буденный одобрил его выбор. «Добрый будет артист»,— сказал маршал и не ошибся.

Буян оказался на редкость послушным, веселым, он очень понравился кинематографистам и зрителям.

После окончания съемок фильма «Смелые люди» Буян остался в цирковой труппе. Нет, пожалуй, в арсенале Кантемировых ни одного трюка, который не проделал бы Ирбек на Буяне. Но непревзойденным специалистом считался конь на телевидении, так как умело поднимался по лестнице. Когда вахтер одной из областных студий при появлении Буяна протянул ему руку, бывалый конь не растерялся, дал ему ногу, поцеловал в голову и начал независимо подниматься по ступенькам.

Однажды на телестудии, где Ирбек участвовал в передаче вместе с народной артисткой республики — укротительницей Маргаритой Назаровой, Буян подошел к тигру и начал дружелюбно облизывать. Даже Ирбек, знающий десятки прямо-таки невероятных историй о лошадях, был поражен храбростью и общительностью своего любимца.

За четверть века работы на арене Буян был занят во многих конных жанрах: участвовал в джигитовке, «высшей школе», «играл» в пантомимах. И вот как-то, встретив Ирбека, я узнал: Буян завершил свою карьеру на манеже и выходит «на пенсию». Ветерана отправляют на родину, на привольные пастбища Терского конного завода, где когда-то его приметил острый глаз Алибека.

У меня невольно сжалось сердце. Еще один старый знакомец покидает арену. Но прошло несколько недель, и редакционное задание привело меня в Минск. Не преминул я, конечно, заглянуть в цирк на программу «К звездам», где была занята труппа «Али-Бек». В прологе представления, в сценке, изображавшей старый кочевой цирк, на манеж выезжал балаган на колесах. В повозку с бродячими артистами был впряжен конь. «Да это же вылитый Буян»,— подумал я. Его «щучья» голова с высоким лбом, выразительные, добродушные глаза, широко раскрытые ноздри, масть — все подходит. Наверняка Буян. Но он, если верить Ирбеку, уже в табунах Терского завода. К тому же вряд ли верхового, да еще участвовавшего в джигитовке коня можно так быстро приучить к упряжи.

После представления я поспешил за кулисы. В ответ на мой недоуменный вопрос Ирбек смущенно улыбнулся.

— Да, это Буян. Уже готовили его отправить на родину, как вдруг оказалось, что нет лошади для выезда с балаганом. Решили попробовать. И Буян доказал, что он универсальный артист. Почти без репетиций включился в программу и в новом амплуа трудится так же толково и добросовестно, как и раньше. И потом,— пошутил Ирбек,— разве пенсионеры не имеют права поработать два месяца в году?

— Признайтесь, Ирбек, вам просто жалко было расставаться с Буяном?

Ирбек грустно улыбнулся:

— Разве легко проститься с конем, который провел с нами на манеже четверть века?

Мы подошли к деннику, где стоял Буян. Он фыркнул и мягко взял с ладони сухарь. Шершавым языком облизал мое лицо и довольно заржал.

Вскоре Кантемировы переехали на гастроли в Москву. Номер был переделан заново, и выезд балагана уже не понадобился. Буян опять стал в свой денник. Его не забывали. Никто из Кантемировых не проходил мимо, чтобы не потрепать коня по холке, не угостить его лакомством.

После смерти отца — Алибека Тузаровича — Ирбек, возглавивший труппу, сказал мне при встрече:

— Решили все-таки отправить Буяна на Терский завод. Пусть доживает свои дни в родном краю, попасется на пастбищах, где прошло его детство. Он свое честно отработал и заслужил право подышать вольным воздухом.

Прошло месяца полтора. Позвонил по телефону Ирбек, и в голосе его была печаль:

— Нет больше нашего Буяна. Недолго пришлось ему отдыхать.

Буян с первых же дней затосковал. Он неохотно ходил в табуне, больше льнул к людям. Часами стоял неподвижно, лишь изредка тихо ржал. О чем думал он? Что виделось ему? Залитая праздничными огнями арена? Аплодирующий в яростном восторге зрительный зал? Стройные джигиты с их гортанными, будоражащими душу выкриками? Теплые людские ладони?..

Кто знает... Но нет сомнения, что за четверть века Буян настолько сроднился с цирком, с его людьми, что жить без манежа не мог и, попав в непривычную атмосферу, быстро угас.

Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ

вич,— снова раздался вопрос из зала,— что беседа наша проходит в несколько пессимистическом ключе? Ведь выходит, что тайны так и остаются тайнами. Неужели нет таких, с которыми бы в наше время уже справились?

— Пусть вас не удивляет, но о тайнах океана... мы еще не начинали разговора. В самом деле, что значат те три или четыре сюжета, которые мы сейчас обсуждали, если перед океанологией сегодня во весь рост стоят сотни, если не тысячи тайн, от раскрытия которых зависит поступательное движение науки, развитие народного хозяйства, благополучие и даже сама жизнь человечества? И если вы думаете, что это какие-то чересчур специальные проблемы, в которых нет поражающих воображение масштабов или драматических коллизий, то ошибаетесь. Вот вам пример самый свежий, и, кстати, речь в нем будет идти о тайне океана, раскрытой современной наукой.

КУДА ПЛЫВУТ МАТЕРИКИ!

Лет двадцать назад было много разговоров вокруг одного географического курьеза. Начинались они обычно так: сравните очертания западных берегов Европы и Африки с восточными берегами Америк. Вырежьте эти континенты мысленно из карты и составьте! И далее следовали выражения изумления, как точно вкладываются «Америки в Европу и Африку», словно некогда это был единый материк, а потом каким-то волшебством их разделил океан.

Сходство очертаний действительно поразительное, однако никакого научного объяснения этому не было. А немецкого ученого Альфреда Вегенера, который еще в начале века обратил внимание на это явление и предложил простое и разумное объяснение: Америка по каким-то причинам «уплыла» от Европы и Африки, с которыми составляла единое целое,— Вегенера за эту гипотезу предали анафеме, ославили чудаком. Сторонников у «чудака», трагически погибшего в экспедиции, почти не было, споров по поводу гипотезы тоже в общем-то не велось. Но тайна этого поразительного сходства очертаний не давала покоя пытливым умам, а гениальная в своей простоте гипотеза Вегенера сразу же западала в умы и сердца новых поколений ученых, и с течением времени, исподволь, занимаясь проблемами строения земной коры, образования континентов и океанов, ученые вольно или невольно ко всем идеям и концепциям прикидывали гипотезу Вегенера. Лет пятнадцать тому назад в науке бушевали яростные споры между мобилистами и антимобилистами (так стали именоваться сторонники и противники гипотезы дрейфа континентов).

Сегодня проблему можно считать в основном решенной, дрейф материков — установленным фактом. Все происходит значительно сложнее, чем представлял себе Вегенер, в этих грандиозных движениях участвуют планетарные и космические силы, но мы, люди, можем с гордостью сказать, что эта великая тайна мироздания раскрыта.

Нет, далеко не в пессимистическом ключе идет изучение океана в последнюю четверть двадцатого века. Великое множество тайн и загадок уже раскрыто. И нас не смущает проявление одного из основополагающих законов науки: каждый шаг познания раскрывает одновременно новые, значительно большие перспективы непознанного. Ведь наука об океане являет собой яркий пример двуединства целей: решение любой проблемы приносит одновременно и научный и чисто практический результат.

Для того, чтобы человек стал сильнее, счастливее, здоровее, уходим мы за тайнами Нептуна в океан.

* * *

К моменту выхода в свет этого номера журнала наш гость Андрей Аркадьевич Аксенов будет опять на своей научной вахте — далеко и надолго в океане. Мы желаем ему, его коллегам, морякам славного ветерана нашего научно-исследовательского флота «Витязя» больших успехов в экспедиционной работе, попутного ветра и шесть футов чистой воды под килем!

Рассказ А. А. АКСЕНОВА
записал М. БАРИНОВ.

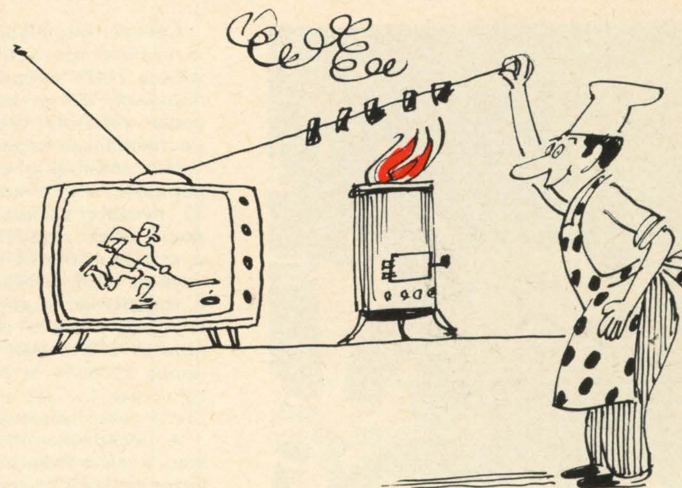

— А дома тебя ждет... подарок...

Накануне 8 Марта.

Рисунки В. Тамаева

Без отрыва от производства.

Рисунки Ю. Черепанова

— Алло! Госстрах! Хочу срочно застраховать имущество от пожара...

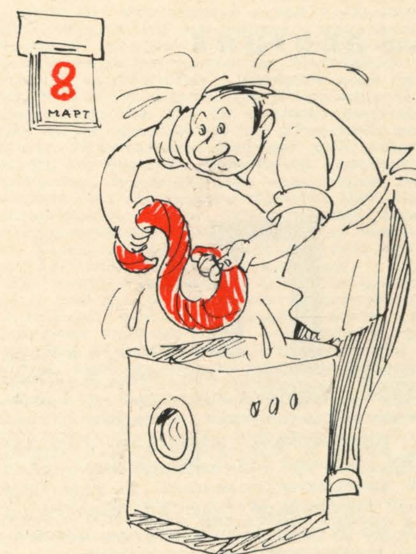

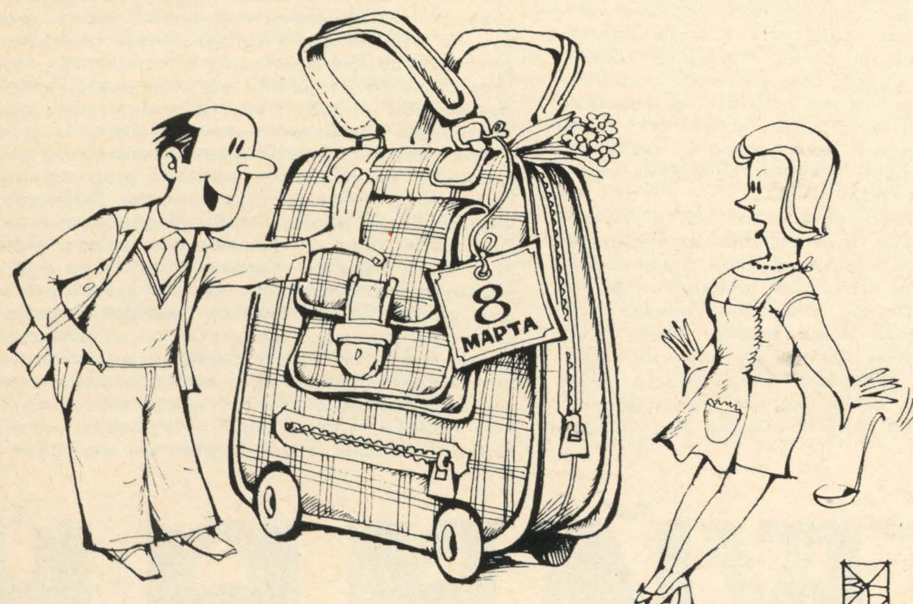

— Ты уже пришла из магазина!.. С праздником тебя, дорогая!

Без слов.

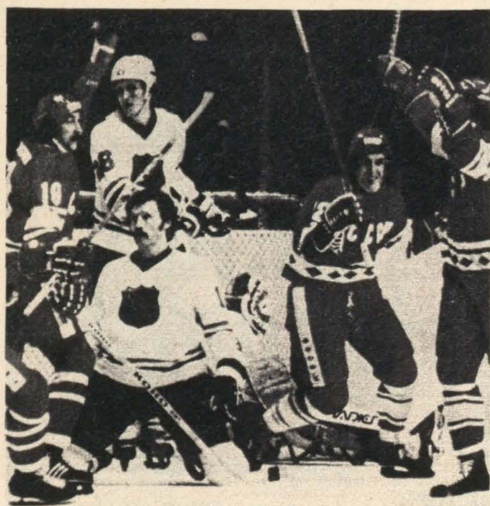
— Тебе будет намного легче, дорогая!

Рисунок В. Уборевича-Боровского

Глаза любимой

То ль в праздник, то ли в час досуга
Сошлись четыре закадычных друга,
И одному из них взбрело на ум сказать,
Что у его жены чудесные глаза.
«Да, серые глаза и вправду хороши,—
Второй ему в ответ.— Но для моей души
Милее черные, как у Наташи...»
«Что ж, спору нет, красивы жены ваши,
Однако мнение мое должны вы знать:
В сто раз прекраснее небес голубизна,
Что светится в глазах у Саши».
Четвертый же сказал, лукаво двинув бровью:
«Уж так ли важен цвет заветных глаз?
Важнее, что они глядят на нас с любовью
И то же чувство вызывают в нас».

Е. ОЛЕЙНИК

Владимир **ДВОРЦОВ**

По пути в Нью-Йорк наш рейсовый ИЛ-62М, как ему и положено, совершил краткую остановку для смены экипажа и дозаправки горючего в небольшом заснеженном канадском городке Гандер на острове Нью-Фаундленд. Едва советские хоккеисты появились в зале для транзитных пассажиров, как по трансляции загремело по-русски: «Приветствуем чемпионов мира в Канаде, желаем успешно сыграть в матчах со «звездами» НХЛ!» А затем журналисты и фоторепортеры атаковали «премьеров» нашей команды. Мы же со старшим тренером сборной СССР Виктором Васильевичем Тихоновым имели возможность спокойно поговорить.

— В предстоящих матчах перед нами стоит несколько задач,— рассказывал тренер,— и по крайней мере две главные: постараться выиграть Кубок и испытать молодое пополнение сборной, поскольку впереди главное соревнование сезона — московский чемпионат мира, а ровно через год важнейший турнир четырехлетнего цикла — олимпийский. Молодые кандидаты в сборную СССР уже прошли проверку в матчах с профессионалами НХЛ и ВХА в составе второй сборной страны и выступая за различные клубные команды. Тренер второй сборной Борис Майоров лестно отзывался о Мышкине и дал положительную характеристику Сергею Скворцову, Иреку Гимаеву, Виктору Тюменеву, Владимиру Ковину. Тройка Скворцов — Ковин — Варнаков хорошо показала себя, выступая за «Крылья Советов» в недавних матчах с клубами НХЛ. И все-таки предстоящие встречи — испытания еще более серьезные,— сказал Тихонов.— Выдержав их, молодые могут рассчитывать на место в сборной СССР и на чемпионате мира и на Олимпиаде...

Сейчас, вернувшись из Нью-Йорка домой и вспоминая три встречи с самыми яркими «звездами» НХЛ, собранными в одной команде, я подумал: могли ли мы представить себе, что наша команда столь успешно выполнит все поставленные перед ней задачи?

Мы понимали, что «звезды» — грозные соперники, что в команде НХЛ будут собраны 25 лучших хоккеистов. Вот как все обернулось! Ведь еще совсем недавно мы мечтали о встрече сборной СССР хотя бы с одним из клубов НХЛ, пусть даже не самым именитым, а теперь нас ждет сильнейшая сборная НХЛ. И вспоминались слова Тихонова, когда мы, подняв воротники пальто, пробирались с ним через сугробы к самолету, чтобы продолжать путь: как бы все ни кончилось, а матчи предстоят захватывающие.

А несколько часов спустя в первом интервью в Нью-Йорке Бобби Ор, прославленный ветеран НХЛ, сказал: «Мы собрали могучую команду, которая победит в двух встречах, а одну или проиграет, или сведет к ничьей, но самое главное — нас ожидают чертовски интересные матчи!»

Впервые в истории НХЛ для подготовки сборной к состязанию с чемпионами мира турнир лиги был на неделю приостановлен и «звезды» имели возможность провести несколько совместных тренировок. Как мы узнали, профессионалы тренировались на предельных скоростях, рассчитывая, видимо, в игре сразу оглушить нас невиданным темпом.

Хозяева распространили слух, что мы их побаиваемся, что во время декабрьско-январского турне по Голландии и Бельгии играли на площадках североамериканских размеров, а в Москве жили по нью-йоркскому времени. Ни то, ни другое, конечно, не соответствовало действительности. Наши хоккеисты, прилетев в Нью-Йорк, тренировались как обычно интенсивно, но несколько вяловато: сказались дальняя дорога и восемь часов разницы во времени. А Борис Михайлов, проезжая мимо журналистов, стоящих у бортика, заметил: «Узковаты площадки у профессионалов — особенно не покомбинируешь...»

Тем не менее пресса на следующий день высоко отзывалась о советской команде. Л. Миффлин писал в нью-йоркской «Дейли ньюс»: «Советские хоккеисты, даже судя по тренировке, сейчас лучше готовы к силовой борьбе по всей площадке». «Бостон глоб» обращала внимание на «точные, нередко хитроумные, передачи шайбы».

А потом были три матча, которые прочно войдут в анналы большого хоккея. Ошеломив гостей мощным натиском буквально с первых секунд, «звезды» праздновали победу в первой встрече. Восхитителен был Лафлер, порхавший по льду словно бабочка, грозно выглядело в атаке трио Босси — Троттье — Жиль. Гейни не только выключил из игры Балдериса, но и забил гол. Оборону держала четверка защитников — редкость в наше время, но это были действительно столпы — Робинсон, Сальминг, Савар, Бек. Надежно сыграл в воротах Драйден, перед стартом не скрывавший, что очень волнуется, вспоминая семь шайб, заброшенных ему второго сентября 1972 года в первой встрече канадских профессионалов со сборной СССР.

На пресс-конференции после матча тренер «звезд» С. Боумен отметил: «Мы сорвали план игры соперников, навязав им свой. В частности, прочно овладели серединой площадки». В интервью нью-йоркской «Ньюсдей» признанный лучшим у «звезд» Жиль заявил: «Матч оказался на удивление легким — я даже не устал по-настоящему, соперники порой просто стояли на площадке, делая вид, что строят оборону, или довольно искусно падали под коньки хоккеистов НХЛ».

Ну что же, один из самых больших знатоков хоккея, тренер команды «Монреаль Канадиенс» Боумен, в общем, точно оценил первую встречу, но наши тренеры и без него установили причины неудачи, и на тренировке перед вторым матчем советские хоккеисты много внимания уделили отработке скоростного выхода из своей зоны, внесли коррективы в тактику, а самое главное, настрой на второй матч был совсем иным. И хотя начало встречи снова было для нас проигрышным — 1 : 2, 1 : 3, 2 : 4, исход ее оказался для сборной СССР победным. Все четыре звена внесли свой вклад в успех. Во второй половине встречи чемпионы мира были полными хозяевами на площадке, забив три безответных гола. Советские хоккеисты на сей раз чаще производили броски — 31 раз, в то время как на долю Третьяка пришлось только 16.

«В стартовом матче,— резюмировал капитан «звезд» Бобби Кларк,— мы парили надо льдом, а сегодня это делали противники».

«Советские хоккеисты не дрогнули, проигрывая две шайбы,— заметил Босси,— они показали себя хоккеистами, уверенными в своем высшем классе, парнями с сильной волей».

Почему профессионалы, проигрывая, не пустились в драку? Не раз спрашивали меня об этом по возвращении в Москву.

На этот вопрос отвечу словами монреальского форварда Боба Гейни — двухметрового, стокилограммового гиганта, которому тренер нередко поручает «припугнуть» кого-нибудь из особо опасных соперников:

«Советские хоккеисты во втором и третьем матчах были сильнее нас по всем статьям, они даже оказались жестче в борьбе при потере шайбы и не только в центре площадки, но и у бортов, где любые столкновения особенно чувствительны».

И вот пришел час готовиться к третьей встрече, которая должна была решить исход трехраундового поединка...

Сейчас, когда вслед за двумя первыми матчами и третий, самый впечатляющий, стал достоянием хоккейной истории, мне хочется вспомнить слова спортивного обозревателя Боба Верди, выполнявшего на проводах Бобби Орра, состоявшихся в канун первого матча, роль «тостмейстера». «Было бы трагедией,— сказал чикагский журналист,— если бы одна из команд с большим преимуществом выиграла все три матча: тогда победившей не с кем будет играть в будущем». А вот его же признание, сделанное после разгрома «звезд» с невиданным счетом — 6 : 0. «Произнося свой тост,— признался он,— я не мог и представить себе, что окажусь так близок к истине. Кто мог ожидать такой исход, кто мог считать, что чемпионы мира окажутся настолько сильнее наших «звезд». Увы, это так».

Да, в третьем матче чемпионы мира разгромили — другого слова и не подобрать — «звезд» НХЛ, продемонстрировав всему миру, что лучший стиль хоккея — советский, скоростной, комбинационный, и думается, что этот стиль будет принят во всем мире, а кулачные бои на льду станут дурным тоном, недостойным настоящих мастеров игры.

Вряд ли есть сейчас смысл описывать ход решающего матча, исключительно напряженного, несмотря на его «сухой» исход. Любители хоккея имели возможность увидеть эту игру благодаря нашему телевидению, и она еще вся перед нашими глазами. Но следует подчеркнуть неожиданность исхода матча даже для самых эрудированных североамериканских специалистов. Перед стартом «Кубка вызова» прогнозы по ту сторону океана были хотя и сдержанными, но весьма оптимистичными. Еженедельник «Хоккей ньюс» в специальном номере, посвященном «Челлендж кап», выяснил мнение таких авторитетов, как трене-

ХОККЕЙНЫЙ

ры всех семнадцати клубов НХЛ, и трое из них предсказали совершенно серьезно безоговорочную победу «звездам». (Правда, Дон Черри, наставник «Айлендерсов», делегировавших в сборную форвардов Босси — Тротье — Жиль и защитника Потвина, при этом пошутил: «Команда НХЛ, конечно, выиграет все три матча — ведь я получаю зарплату в этой лиге».) Девять тренеров назвали счет 2 : 1 в пользу хозяев. И только пятеро воздержались от прогнозов, посчитав это дело для себя недостаточно серьезным. Но в прессе подчеркивалось, что профессионалы выбрали идеальное время, место и игроков для того, чтобы бросить вызов чемпионам мира и доказать, что именно они сильнейшие на земном шаре хоккеисты, а «Нью-Йорк пост» предупреждала хоккеистов сборной НХЛ, что предстоящие матчи отнюдь не просто показательные игры, что на карту поставлен престиж НХЛ!

Не будем скрывать: на карту был поставлен не только престиж НХЛ, но и престиж нашего советского хоккея. И все же при счете матчей 1 : 1 Тихонов буквально огорошил всех, приняв решение выставить в третьем матче вместо лучшего вратаря мира, неизменного стража ворот сборной Владислава Третьяка — двадцатитрехлетнего Володю Мышкина, а также включить в состав 21-летнего Гимаева, сохранив в составе и других молодых хоккеистов — Тюменева, Старикова, Варнакова, Ковина.

Узнав об этом смелом решении, я вспомнил разговор с Тихоновым по дороге в Нью-Йорк. Ведь он еще тогда сказал, что одна из задач нашей сборной — испытание молодого поколения. Но одно дело поставить такую задачу в беседе с журналистом, а другое — решиться на то, чтобы поставить в воротах молодого вратаря, всего второй раз играющего за сборную СССР. Неужели же Тихонов предвидел, что Володя Мышкин, начавший свой путь в большой спорт в скромной «Олимпии» из Кирово-Чепецка, городка Кировской области, станет подлинным откровением в Нью-Йорке?

И вот тут-то, чтобы получить ответ на этот вопрос, нам надо познакомиться поближе с одним из самых блестящих новобранцев сборной СССР — Володей Мышкиным.

Володя дебютировал в сборной СССР в сентябре прошлого года в играх на приз «Руде право» в Праге, но у наших тренеров он на заметке уже давно. Когда ему было 16 лет, земляка Александра Мальцева включили в состав юношеской сборной страны. Затем тренер В. Ерфилов привел его в «Крылья Советов», и в сезоне 1974 года Мышкин выступал в команде третьим вратарем — учился у такого опытного стража ворот, как Александр Сидельников, и стал чемпионом страны. Поскольку Мышкин был третьим, его отпустили в саратовскую команду, оставшуюся без сильных вратарей, перешедших в столичные клубы, но через какое-то время будущего триумфатора «Челлендж кап» вернули обратно в «Крылья». Теперь уже он играл с Сидельниковым на равных, в очередь, и был делегирован в молодежную сборную страны, затем во вторую сборную, и в составе второй сборной в декабре прошлого года Владимир Мышкин провел шесть матчей с хоккеистами ВХА, после чего тренеры команды Б. Майоров и И. Тузик безоговорочно рекомендовали его в первую сборную. А в январе нынешнего года Мышкин в воротах своего клуба «Крылья Советов» блестяще выступил против сильнейших профессиональных клубов.

Вот кто такой неизвестный знаменитый Мышкин! Его силе и выдержке Тихонов мог верить. Но почему на Мышкина не обратили внимания ни тренеры, ни «звезды» сборной НХЛ? Почему для них было неожиданным его появление в воротах — непонятно... Или понятно? Пожалуй, понятно.

В то время, как мы внимательно приглядываемся к профессиональным командам, хоккеисты Канады и США до того февральского вечера, когда они проиграли со счетом 6:0, плохо знали советских игроков, стиль нашей игры. Не решимся обвинять инициаторов «Кубка вызова» в высокомерии, они проявили все знаки внимания и уважения к нашим игрокам, были на высоте, как и положено спортсменам, в горькие минуты поражения, но упрямая стереотипность их игрового мышления, обернувшаяся в решающей стадии матчей психологической обезоруженностью,— результат слабой информированности, поверхностного знания возможностей советского хоккея.

В. Тихонов и В. Юрзинов прекрасно учли все возможности «звезд» и были убеждены, что Мышкин в воротах станет нашим козырем. Наши тренеры поняли, что на все шестьдесят минут после двух проведенных матчей «звездам» сил не хватит. Ведь в их составе переизбыток двухметровых, стокилограммовых игроков, а таких, как Харламов, Михайлов, Скворцов, Ковин, чей рост около ста семидесяти пяти, ста восьмидесяти сантиметров,— быстрых, поворотливых, неутомимых — у них мало! И вот Тихонов, видимо, и решил воспользоваться случаем и проверить Мышкина. Конечно, он пошел на риск, но на риск обдуманный.

...Он сказал Мышкину перед игрой: «Запомни... Третьяку они бросать издали не будут, знают, что бесполезно. Тебе, конечно, будут. Но ты не бойся — выкатывайся из ворот навстречу. Они бросают сильно, точно, гулко, но откровенно. Поэтому клюшку на лед. И они не забьют,— и добавил: — А с защитниками буду требовать одного — не давать им добивать шайбу. Не давать ни в коем случае».

И защитники здорово помогли Мышкину. У игроков обороны в современном хоккее жизнь как никогда сложна, им ведь вменяется в обязанность не только разрушать атаки, но и, овладев шайбой, отправлять ее находящемуся в выгодном положении нападающему и, кроме того, самим участвовать в атаке.

А тут задача вроде бы ограничена: не дать добить! И с этой задачей блестяще справились все. И опытнейший Васильев, и Бабинов, и Стариков, и Федоров.

Да, триумф двадцатитрехлетнего вратаря Володи Мышкина, конечно, не слепая случайность, так же как и зрелая, смелая игра его молодых товарищей по команде. И провал «всех звезд», как мы в этом могли убедиться, тоже не случайность. Ведь этому провалу предшествовало тщательное изучение нашими тренерами и спортсменами канадского хоккея, у нас за плечами восемь матчей 1972 года. И вот теперь нашим ребятам удалось поставить сильнейших хоккеистов НХЛ на колени.

Однако хоронить канадский хоккей, конечно, преждевременно. На родине этой игры есть много отличных хоккеистов, и хоть в североамериканской прессе зазвучали похоронные ноты, мы понимаем, что, оправившись, и канадцы и американцы сделают все, чтобы взять реванш.

...Домой с Николаем Озеровым мы улетали на день раньше наших хоккеистов. В понедельник утром мы были уже в Монреале, где пересаживались с самолета «Аэр кэнада» на наш «ИЛ» и успели взглянуть на местные газеты. «Сборная НХЛ — капут!»— гласит аншлаг, не нуждающийся в комментарии, на первой полосе «Монреаль стар». А монреальская «Газэтт» озаглавила свой репортаж, на мой взгляд, еще лучше: «Поздравляем, товарищи!»

Ну что же, советские хоккеисты принимают поздравления, но продолжают с новыми силами свой путь к высотам мастерства.

НОКАУТ

ДЕВЯТАЯ ВЕРТИКАЛЬ АНАТОЛИЯ КАРПОВА

«Девятая вертикаль» — так называется книга, только что вышедшая в издательстве «Молодая гвардия». Книга написана чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым в соавторстве с заслуженным тренером РСФСР журналистом Александром Рошалем. Что же это за девятая вертикаль? Один из авторов книги так объясняет ее название. Шахматные фигуры действуют на восьми вертикалях. Девятая же вертикаль — невидимая. Это вертикаль характеров. Именно здесь, на невидимом фронте, идет самая напряженная, самая ожесточенная борьба, определяющая успех или неудачу шахматиста. Здесь и следует искать истоки поразительных побед Анатолия Карпова.

Это книга о шахматах. О жизни в шахматах и вне их. О товарищах-шахматистах и шахматных учителях. Особое место среди последних принадлежит известному гроссмейстеру и выдающемуся шахматному теоретику, замечательному тренеру и прекрасному человеку Семену Абрамовичу Фурману, который, по выражению Карпова, «сделал сознательной мою жизнь шахматиста». О шахматных баталиях, больших и малых, в которых Карпов участвовал. И о той дороге, которая привела его на шахматный Олимп.

Рассказ чемпиона о себе дополняется рассказом о чемпионе. Два автора словно ведут своеобразный диалог, который и образует эту оригинальную по построению книгу.

Такое творческое содружество принесло отличный результат. Правда, по тонкому замечанию Михаила Таля, написавшего предисловие, авторов у этой книги гораздо больше. Таль имеет в виду множество интервью и бесед с ведущими гроссмейстерами мира, которые приведены на страницах книги.

А теперь о «девятой вертикали» Анатолия Карпова. Каков он, характер нашего чемпиона, его стиль? В качестве ответа мне хочется просто привести несколько интересных высказываний на эту тему.

Вот что, например, говорит о себе сам Анатолий Карпов: «Для меня шахматы — это прежде всего борьба. Поэтому во главу угла я ставлю спортивное начало». И еще: «Таль однажды сказал, что я исповедую шахматный реализм. Вероятно, он прав. Рискованная игра в стиле шахматных мушкетеров нравится любителям острых ощущений, но мне она не по душе. Я стараюсь трезво оценить свои возможности и не ломать себя».

А вот что говорят о Карпове другие.

С. Фурман: «Да, природа не одарила Карпова богатырским сложением, зато наградила его редким шахматным дарованием и силой духа. И еще трудолюбием и скромностью».

Б. Спасский: «Он дает содержание, действует с напряжением, у него есть законченность. Бывают яркие звезды, но мерцающие, а он — ровного света. Манера игры Карпова всегда основана на трезвой оценке позиции — его не прельщают внешние эффекты».

М. Эйве: «Партии Карпова поначалу поражают своей стратегией, кажущейся нелогичностью, но вскоре становится ясно, что как раз в его игре и заключается высшая логика».

Л. Полугаевский: «У Карпова все скрыто в глубине».

Тринадцать памятных партий отобрал Анатолий Карпов для книги и сам их прокомментировал. И это, конечно, представляет огромный интерес.

На кого рассчитана книга «Девятая вертикаль», имеющая стотысячный тираж? Думается, что ее с интересом и пользой для себя прочитают и специалисты и просто любители шахмат — этой древней и великой игры.

Э. ПАСЮТИН

Новелла **ИВАНОВА**

Секреты семейного счастья

Рецепты семейного счастья? Да разве они существуют? — усомнится читатель. Существуют! Мне дали однажды адрес человека, который выписывает эти рецепты почти четверть века, и, что самое главное, их издают большим тиражом не только в Польше, где живет их автор, но и за рубежом, в том числе в нашей стране. Оказавшись в командировке в Варшаве, я, конечно, не удержалась от соблазна и отправилась по заветному адресу.

...На пороге дома меня встретила маленькая стройная женщина в черном свитере и брюках. В коротких темных волосах седина, а глаза острые, молодые и очень, очень лукавые. Так вот она какая, Стефания Гродзенская — прославленная польская юмористка, метние сатирические удары которой валят с ног хамов, бюрократов, клеветников, обывателей и сплетников.

— Гвоздики мне? Какая прелесть! — на глазах молодеет от улыбки маленькая женщина.

— Пани Стефания, вы, я вижу, любите цветы?

— Может быть, вы знаете женщину, которая была бы к ним равнодушна?

— Скажите, если бы вам предстояло родиться заново, то...

— То я бы предпочла стать паном Гродзенским!

— Почему?

— Во-первых, я, наконец, смогла бы вечером пойти одна в ресторан, и никто не сказал бы мне «Это неудобно!» Во-вторых, я бы пригласила в кино одного своего знакомого, а не ждала бы, когда же он сам догадается это сделать! В-третьих... да разве перечислишь все преимущества пана Гродзенского над пани Гродзенской!

— Вы полны сочувствия к женщинам, а между тем чаще всего смеетесь над ними! Правда, иногда вы говорите от имени обиженной женщины — покинутой, обманутой или оскорбленной мужчиной. И все-таки симпатии ваши чаще в большинстве случаев на стороне мужчин. Чем вы это объясняете?

— Увы, среди женщин чаще встречаются характеры, благодатные для сатирического пера! Оно и понятно: нам, женщинам, приходится постоянно «быть в форме», чтобы выиграть еще одну домашнюю битву с мужчинами...

— Значит, все-таки война?

— Дипломатическая! С сильным врагом лучше не вести открытой войны, а пустить в ход дипломатию.

— Как вы считаете, помогает ли юмор в семейной жизни?

— Безусловно! Но куда больше помогает умение быть терпеливыми.

— Итак, ваш самый главный рецепт семейного счастья?

— Быть терпеливым! Это главный ключ, им можно открыть и закрыть двери любого дома. Как часто об этом забывают и ломятся в дверь без ключа! Надо решить какую-то семейную проблему? Не спешите с выводами, а главное, не стремитесь все выяснить до конца. Сначала не спеша подумайте, потом наберитесь терпения и... еще подождите!

— Женственность. Что вам видится за этим словом?

— Во всяком случае, не бантики и рюши на платье! По-моему, женственность — это естественность поведения, умение оставаться собой в любых ситуациях.

— А как вы лично относитесь к поговорке «Муж и жена — одна сатана»?

— По-моему, это все-таки две «сатаны»! Но суть этой народной мудрости я целиком разделяю. В семейную жизнь двух третьим лучше не вмешиваться!

— И сами вы всегда следуете этому правилу?

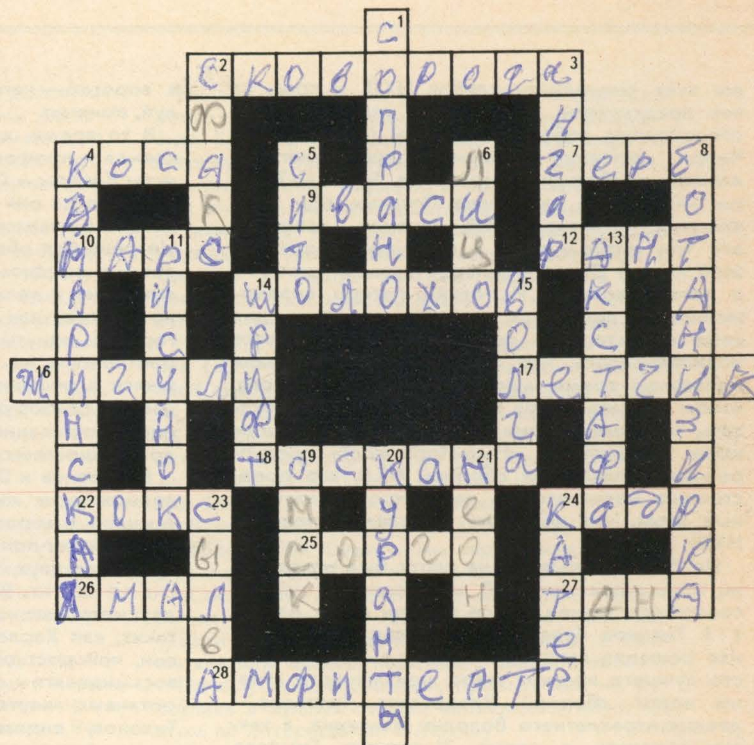
— Увы! С тех пор как я оставила балет, я только тем и занимаюсь, что, взяв в руки перо, вмешиваюсь в семейную жизнь незнакомых людей.

— Вы упомянули балет...

— Да, я окончила балетное училище, выступала до войны в варшавских театрах. Но однажды человек, которого я полюбила, сказал, что он лично балет не любит. Пришлось мне начать работать на эстраде, выступала со скетчами. Однажды, когда не нашлось подходящего для моего репертуара рассказа, я в отчаянии взяла в руки перо и описала смешную историю, которая со мной приключилась в одной парикмахерской. Кстати, открою вам свой творческий секрет — у меня получается рассказ только в том случае, если то, о чем я пишу, произошло со мной или с кем-то из моих близких, друзей. Ну, а кто захочет узнать про меня все как есть, прочитайте мой автобиографический роман «Исповедь халтурщицы».

Варшава — Москва.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

2. Украинский философ и поэт XVIII века. 4. Длинная узкая отмель, идущая от берега. 7. Отличительный знак государства, города. 9. Рыба семейства сельдевых. 10. Планета. 12. Полоска кожи по краям обуви. 14. Советский писатель. 16. Название советского автомобиля. 17. Пилот. 18. Область в Италии. 22. Топливо, получаемое из каменного угля, торфа. 24. Отдельный снимок на кинопленке. 25. Растение семейства злаковых. 26. Полуостров в Тюменской области. 27. Озеро в Эфиопии. 28. Места в зрительном зале.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Высокий женский голос. 2. Порт в заливе Габес Средиземного моря. 3. Помещение для стоянки и ремонта самолетов. 4. Русская народная плясовая песня. 5. Приспособление для просеивания. 6. Грамматическая категория. 8. Коробка для сбора растений. 11. Основной вид графики. 13. Город в Азербайджане. 14. Комплект типографских литер. 15. Самая длинная и многоводная река в Европе. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Башенные или настенные часы, бой которых сопровождается музыкой. 21. Химический элемент. 23. Приток Чусовой. 24. Небольшое моторное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Контактор. 8. Будильник. 9. Антоним. 10. Косатка. 11. Касабланка. 13. Универмаг. 15. Полковник. 16. Адда. 18. Уран. 20. Багратион. 21. Австралия. 22. Решетников. 27. Онтарио. 28. Диктант. 29. «Жеребенок». 30. Аккордеон.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. «Хованщина». 2. Барон. 3. Космос. 4. Пушкин. 5. Алмаз. 6. Кибальчич. 11. Карбюратор. 12. Аккредитив. 14. Гарпун. 15. Парана. 17. «Запорожец». 19. «Мизантроп». 23. Штопор. 24. Кодекс. 25. Самбо. 26. Штора.

На первой странице обложки: Ирине Исаевой всего двадцать лет. В детском саду № 240 Ленинградского района Москвы молодая воспитательница на хорошем счету. Недаром ее избрали секретарем комсомольской организации детских садов района. 4 марта Ирина впервые примет участие в выборах в Верховный Совет СССР. На снимке: И. В. Исаева со своими воспитанниками Дианой Бажановой и Сашей Каменским.

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 12.02.79. А 00627. Подписано к печати 27.02.79. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 542. Заказ № 175.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗАОКЕАНСКИЕ ОГОРЧЕНИЯ

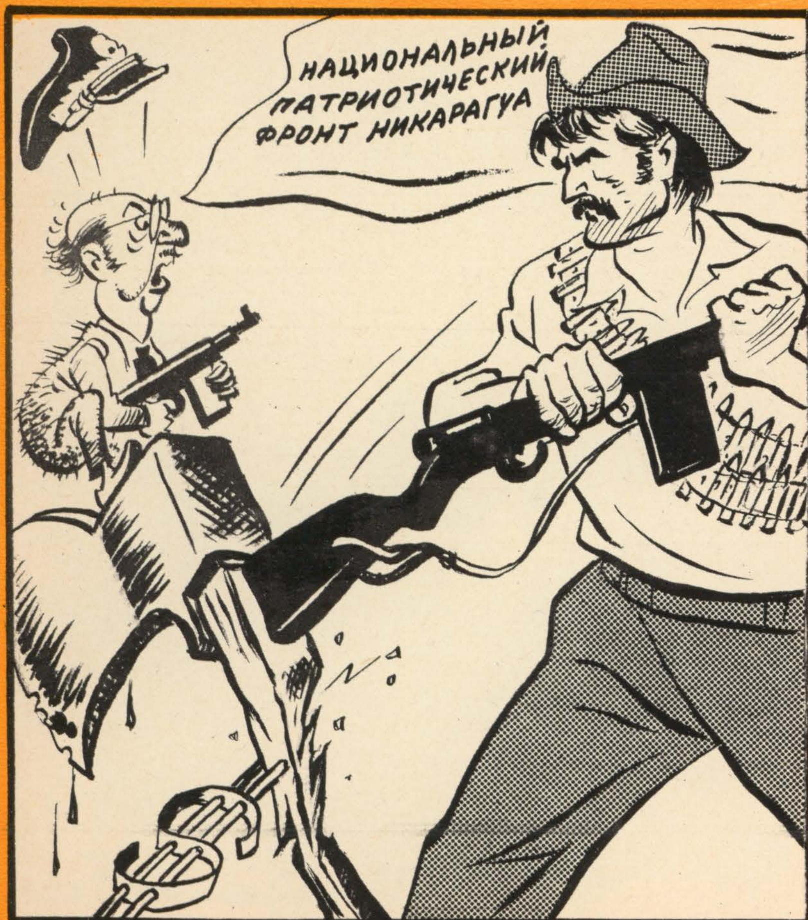

МАОИСТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

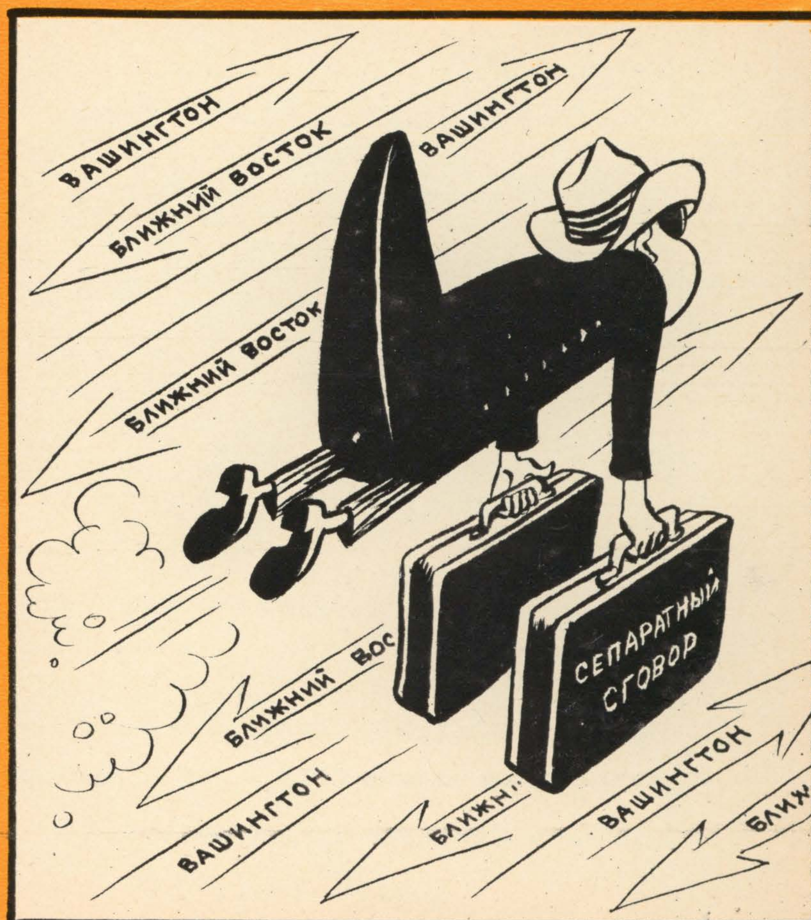
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

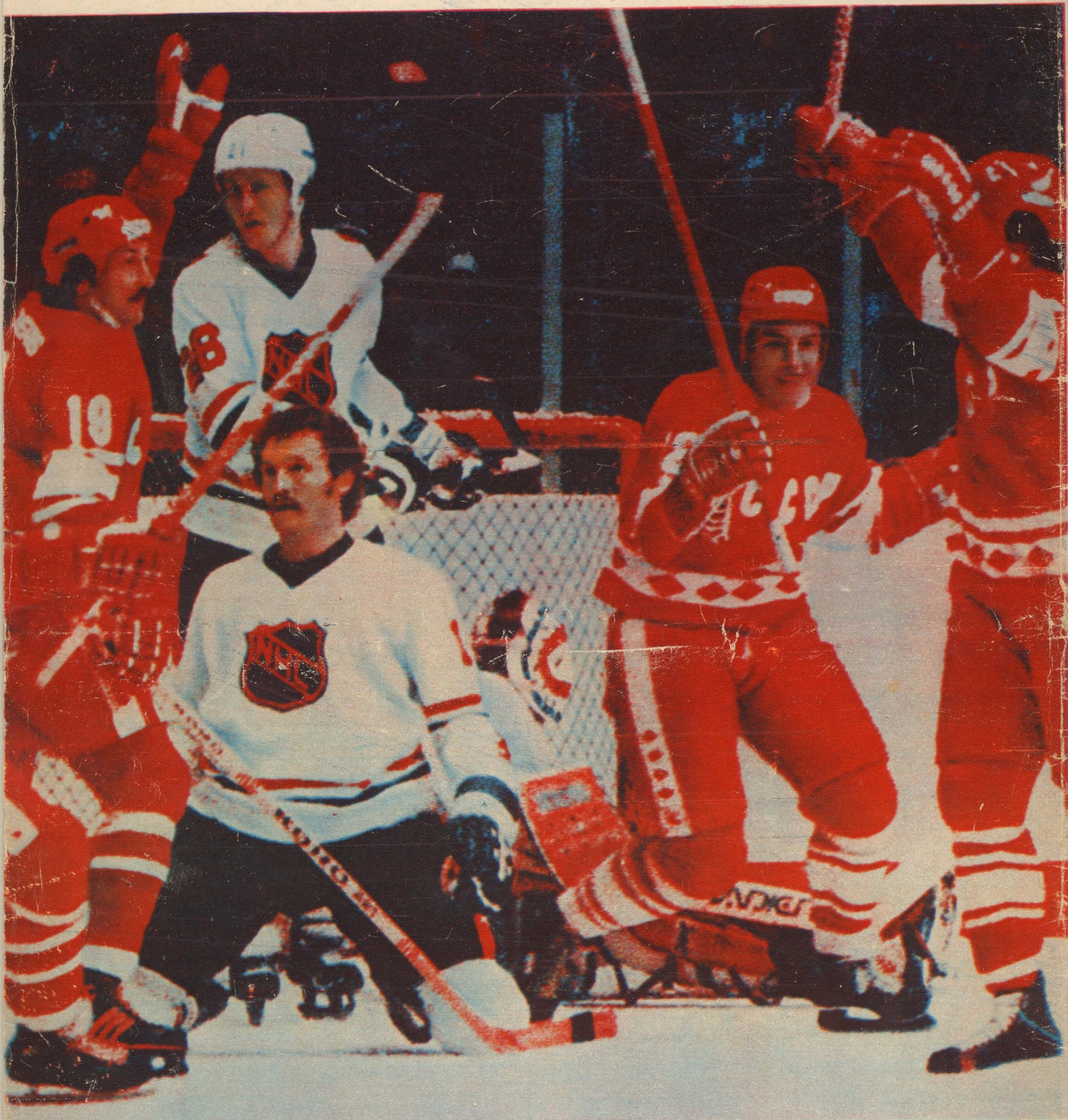
СОМОСОВСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ

«ЧЕЛНОЧНЫЕ» УХИЩРЕНИЯ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

Встречи сборных команд СССР и НХЛ в Нью-Йорке вызвали огромный интерес.

На снимке: Сергей Капустин забивает гол.

Цветное телефото ЮПИ—ТАСС.